

ЗОНА СМЕРТИ
Алмазный Мангуст возвращается!

Роман Глушков
ЛЁД И АЛМАЗ

Мир Пятизонья.
Только лучшие авторы.
Более 1 000 000 читателей!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:
Екатерина АРОЯН.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:
www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕЛИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9, ИД «Любимая книга», журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса». «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс», «Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс», «Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»

143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.

Зак. 1.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

©«ЕСЛИ», 2011

ФАНТАСТИКА № 2 (216)
ISSN 1680-645X

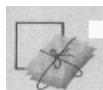
ЕСЛИ

189 Питер УОТТС

ОСТРОВ

Предлагаем вниманию читателей короткую повесть, удостоенную премии «Хьюго» в прошлом году.

3 Бенджамин КРОУЭЛЛ

ПЕТОПИЯ

Неведому зверюшку подобрала на улице девочка и понятия не имела, что это заведет ее аж в Петопию.

21 Бренда КУПЕР

РОБОТОВ ДОМ

Герои знали, что нехорошо смотреть в чужие окна, но когда заглянули, оторваться уже не смогли.

49 Уильям ПРЕСТОН

КАК Я ПОМОГ ПОЙМАТЬ СТАРИКА

Этот Старик, как и его российский тезка, живет всех живых.

85 Стив Рэник ТЕМ

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА

Его так ждет старый офицер! Но полковнику никто не пишет...

121 Алистер РЕЙНОЛДС

ИСПРАВЛЕНИЕ

Ночь в музее обычно сулит самые неожиданные превращения.

141 Вандана СИНГХ

БЕСКОНЕЧНОСТИ

Мироздание с большим сомнением смотрит на человечество. Но коли есть и такие его представители, то, может быть, для нас еще не все потеряно?

171 Крис БЕКЕТТ

ПАВЛИНИЙ ПЛАЩ

Взаимоотношения оригинала и копии всегда непросты, особенно когда каждый мнит себя стратегом.

101 Андрей НАДЕЖДИН
СКАЗКА СТРАНСТВИЙ

...или Квест в волшебной стране.

104 Дмитрий БАЙКАЛОВ
НИЗКОЕ АЛЬБЕДО

...или Любовь к национальным вампирам.

109 Аркадий ШУШПАНОВ
ОБМЕН РАЗУМОВ

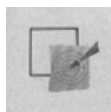
...или Их поменяли телами.

118 Сергей КУДРЯВЦЕВ
ЛИДЕРЫ-2010

...или Победитель был известен заранее.

106 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

...или Зачем таскать чужие бренды?

229 Сергей ШИКАРЕВ
ЗАКРОЙЩИКИ ВСЕЛЕННЫХ

Что нам стоит мир построить! Да и целую Вселенную - легко!

243 Дмитрий ВОЛОДИХИН
РОМАН-КОММЕНТАРИЙ

Питерский фантаст написал публицистический роман о спасении России.

246 Мария ГАЛИНА
МИР СПАСУТ ПОДРОСТКИ?

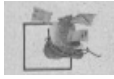
...а фантаст из Москвы выдал подростковую книгу о том же.

237 РЕЦЕНЗИИ

Наконец-то в списке фантастических произведений появился настоящий пиратский роман!

266 КУРСОР

Новые подробности в деле чудовища Франкенштейна.

248 «АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

Жюри конкурса делится плодами своей «страды».

263 Алексей МОЛОКИН ВКУС ЧЕЧЕВИЧНОЙ ПОХЛЁБКИ

«Назад - в космос!» - призывает нас писатель и ученый.

268 ПЕРСОНАЛИИ

Для того чтобы оказаться в этой рубрике, мало просто уметь писать.
Нужно уметь писать хорошо.

БЕНДЖАМИН КРОУЭЛЛ ПЕТОПИЯ

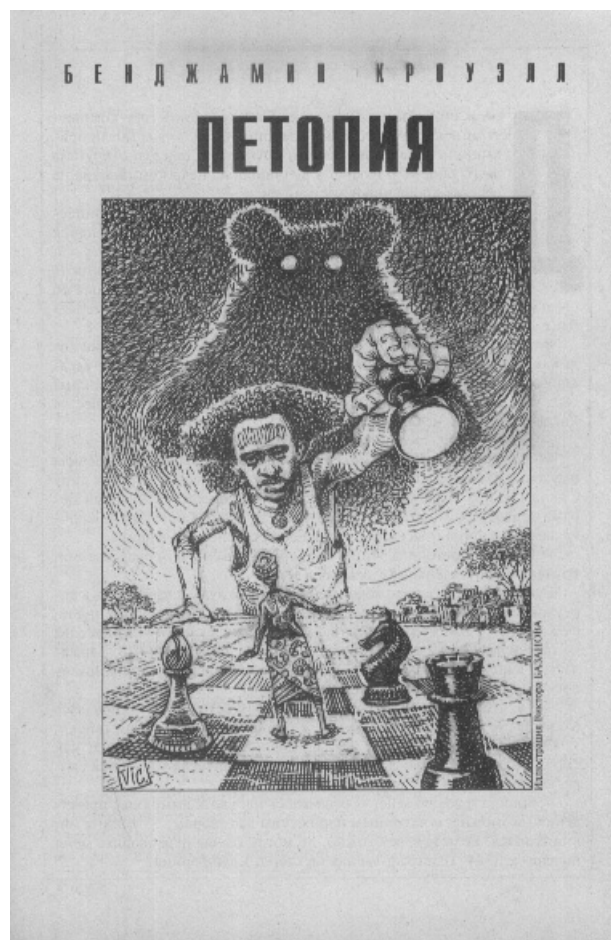

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Дождь струями пота стекал по бежево-черной горе компьютерных корпусов, словно приборы до сих пор не могли привыкнуть к местному климату. Амината Дайелло открутила винт, оборвала шлейф и вытащила из недр компьютера на верстак крошечный жесткий диск.

Диск отправился в корзину, и она уже собиралась принести следующий компьютер из высокой расползающейся груды, наваленной возле задней стены глухого переулка, когда ее взгляд привлекло какое-то движение у подножия кучи. Крыса? После того как Олсени перевел ее сюда со свалки, работать стало безопаснее, и она позволила себе потерять бдительность.

Вон там! На поверхности укывшейся в тени зеленоватой лужи колыхалась многозначительная рябь. Кажется, Мина видела даже касающуюся воды мохнатую лапу. Слишком короткая и толстая для крысы... Она сжала в руке филлиповскую отвертку, жалея, что у нее на ногах сандалии, а не ботинки.

- Hello? - произнес по-английски тоненький писклявый голосок.

Мина перебрала в уме возможные варианты. Она никогда не верила в духов, о чем вечно бормотал отец, однако, оказавшись лицом к лицу с одним из них, было бы безрассудством пренебрегать основными мерами предосторожности, которым научил ее Баба. И опять же для происходящего могло отыскаться вполне естественное объяснение.

- Hello, - повторила Мина, не уверенная в своем произношении. Взгляд она почтительно устремила в землю.

Существо прошлепало вброд через грязную лужу и выбралось в переулок. С него капало. Маленькое и косматое, пурпурного цвета, с большими влажными глазами и болтающимися ушами - Мина едва не прыснула при виде такой очаровательной замарашки, но сдержалась, поскольку существо несомненно оскорбилось бы. Оно разразилось пулеметным потоком английской речи.

- То, что вы говорите, конечно же, так и есть, сэр, - отозвалась Мина на сусу, - но боюсь, я не так уж хорошо понимаю по-английски.

Существо воззрилось на нее, приподняв голову. Тогда она, как смогла, изложила то же самое, используя немногие французские слова, которые выучила в школе.

- Bonjour mademoiselle, - отозвалось насквозь вымокшее привидение (возможно, с истинным парижским выговором). - Видите ли, я потерялся. Если вам не сложно, не могли бы вы переправить меня по адресу: 1324, Телеграф-авеню, Оукленд, Калифорния?

Калифорния? К тому моменту, когда Баба уволили и денег на уплату школьных взносов и покупку формы больше не стало, они дошли только до географии Африки, однако она знала, что Калифорния находится в Соединенных Штатах. Там занимаются серфингом и снимают кино. Должно быть, эти компьютеры приплыли из Калифорнии на корабле, а вместе с ними и это... этот... дух? Животное? Машина?

Нет, определенно не дух. Если они где-то и существуют, то, наверное, только в каких-нибудь пыльных древних уголках вроде родной деревни Баба, а не в таких современных местах, как Калифорния. И хотя попугаи тоже могут болтать, она никогда не слышала о животных, у которых был бы пурпурный мех.

- Ты можешь разговаривать о чем угодно? - спросила она. - Или только о том, чему тебя научили люди?

- О чем угодно. Какие сладости ты больше всего любишь?

Умнее попугая, но не такое умное, как человек. Какая-то машина. Мина знала, что отвечать на вопрос не следует. Хотя Олсени и не вдавался в подробности насчет того, что узнавал из жестких дисков, но слухи ходили, и у Мины было общее представление, как работают подобные устройства. Пусть-ка богатенький иностранец назовет свой идентификационный номер. А когда у него день рождения? Как звали его мать в девичестве? А как насчет имени его первого домашнего животного, марки его первой машины... какие сладости он больше всего любит?

- Заткнись, - бросила она. Существо повинилось, и она вернулась к работе.

* * *

Мина поспешила домой, крепко сжимая в руках две полиэтиленовые хозяйственные сумки. В одной лежали инструменты и складной зонтик, в другой - миска с вилкой и найденная мохнатая машинка. Дождь кончился. Электричества, как всегда, не было; лишь в одном месте, где она пересекла Авеню-де-ла-Републик, плескалась лужица голубого флуоресцентного света из интернет-кафе, в котором был свой генератор. Она постаралась напустить на себя деловой вид, чтобы не привлекать внимания. Никогда не знаешь, чего можно ожидать от какого-нибудь солдата, и хотя люди, праздно околачивающиеся на перекрестках, обычно безобидны, молодой девушке лучше избегать вопросов, почему она ходит ночью без спутника. Что она смогла бы им ответить? «Мой брат еще слишком молод, а отец попрошайничает на Плас-дю-23-Феврье, клянча денег на пальмовое вино»?

К удивлению Мины, в окнах ее дома виднелся отблеск желтого света, отраженного от гофрированного железа внутренней стены. Неужели кто-то из родителей уже вернулся? Однако войдя, она увидела, что лампочку включили не Нга и не Баба, а ее брат Рафаэль.

- Ты с ума сошел? Она что, была включена у тебя весь вечер? - Мина отвесила ему подзатыльник. Теперь ей приходилось вытягиваться вверх, чтобы это проделать. - Ты же знаешь, сколько стоят аккумуляторы!

- В темноте мне было одиноко. - На нем была черная, слишком тесная для него футболка, перешедшая от сестры по наследству, и на мгновение Мине показалось, будто брат может полностью исчезнуть, если свет погаснет.

- Откуда у тебя взялось время на одиночество? Ты помыл пол, принес воду? Нга же сказала тебе!

- Носить воду - женское дело.

То есть он пренебрег своими обязанностями и провел весь день, забавляясь с шахматами. Доска стояла на столе, и Мина не сомневалась, что расстановка фигур могла бы заинтересовать любого знатока. Рядом, раскрытая, лежала одна из книг Баба - толстенный затрепанный том с загнутыми уголками страниц, с диаграммами и замысловатыми символами, обозначающими ходы. Книга была на каком-то иностранном языке, может быть немецком, но, по-видимому, Рафаэль мог разобраться в ней и не понимая слов. Мимо доски, словно крошечные смертные, безразличные к битве богов, колонной маршировали муравьи - их интересовала лежавшая на столе апельсиновая корка. Еще не успев поставить сумки на пол, Мина двумя пальцами схватила ее и вышвырнула за окно.

Женское дело... Ее тень падала из окна на улицу, настолько узкую, что силуэт головы виднелся на осыпающейся оштукатуренной стене дома старой мадам Сумах. Руки бесконечно вытягивались, словно плавящиеся пластмассовые части компьютеров, которые они сжигали на помойке, чтобы добыть из них медь. Мина закрыла глаза, чувствуя, как сумки в руках тяжелеют, превращаются в груз двух мужчин в ее семье, тянущий ее вниз.

- Ну хорошо. Дай сюда лампу. Мне все равно нужно выйти в туалет.

Она огляделась в поисках, куда бы поставить сумки, и тут в дальнем уголке ее мозга несмело блеснула идея. Она поставила одну сумку на пол, освобождая руку для лампы, но вторую, где лежала говорящая машинка, прижала к телу.

Туалет был занят, и, дожидаясь своей очереди возле рваного голубого одеяла, которое они использовали в качестве занавески, Мина пыталась раздуть в пламя искорку мелькнувшей у нее мысли. Рафаэль сейчас проживал тот продолжительный период, который дозволяется мужчине, прежде чем он волей-неволей станет взрослым. Женщинам приходится с ним нянчиться, он получает лучшие куски. Затем в один прекрасный день взойдет солнце - и он станет солдатом, попрошайкой, начнет нюхать клей или околачиваться на перекрестках; он превратится в источник опасности или досадную помеху.

Дождавшись своей очереди, Мина уселась и вытащила электронного зверька из сумки. Она провела пальцами по его шерсти, вглядываясь при свете лампы, но, похоже, у него не было никакого выключателя.

- Проснись, - наудачу шепнула она и тут же укорила себя за глупость,

осознав, что сказала это на сусу. - Reveille-toi.

Глаза игрушки не были закрыты, но тут они вдруг ожили и задвигались.

- Привет еще раз, - громко произнес зверек. - Где мы, в школе?

- В школе? Нет, это туалет возле моего дома. Ты не мог бы говорить помедленнее и немного потише, пожалуйста?

- А, ты вернулась домой на ланч? - Игрушка заговорила тише, но не так, как если бы понизила голос, а словно он вдруг зазвучал откуда-то издалека. - Однако уже второй час. У тебя будут большие неприятности. Тебе лучше поспешить обратно в школу, и как можно скорее. Меня можешь оставить дома - приносить меня в школу запрещено правилами.

- Месье, вы ошибаетесь. В Калифорнии, может быть, действительно уже за полдень, но тут другой часовой пояс. И я все равно не хожу в школу.

- Ты должна ходить в школу, - обвиняюще произнесла машина. - Ты ведь еще не взрослая. Я умею различать такие вещи. - Ей показалось или зверюшка действительно недовольно поджала губы? Право же, ничего милее и представить невозможно! - Тебе ведь около пятнадцати, верно?

- Мне шестнадцать. Но здесь все не так, как в Калифорнии. У нас не все богачи. У моей семьи нет денег, чтобы платить за школу, а если бы они и были, то учиться послали бы брата, а не меня.

- А-а, понимаю. - Существо очаровательно склонило пурпурную головку. - Но тем не менее ты должна ходить в школу. Когда я вернусь в Калифорнию, то уже не смогу тебе напомнить, но ты все равно не вправе забывать об этом.

- Вон, мы еще поговорим на эту тему. У меня нет денег, чтобы отправить тебя обратно в Америку, так что, скорее всего, ты пробудешь здесь довольно долго...

- Петопия возместит тебе все расходы по пересылке... в разумных пределах.

- Петопия? А что это?

- Это мир, который создали Джейбимэллорм и Тайборхора, - иностранные имена и фамилии слились для девушки воедино, - в гараже у Джейби, когда они в огромных количествах поедали кимчи и пиццу с колбасой. Это простенькая игра с низким разрешением; в ней ты играешь за своего петопийца. Своего собственного симпатичного петопийца ты можешь приобрести в... прошу прощения, я не ловлю здесь беспроводного сигнала и поэтому не могу сообщить, в каких местных магазинах продаются петопийцы.

Мина не знала, что такое кимчи, или пицца с колбасой, или низкое разрешение, но общий смысл уловила.

- Так ты петопиец?

- Совершенно верно. Меня зовут Джелли. - Назвав свое имя, существо внезапно переключилось на американский акцент.

- Значит, мне не нужен магазин - у меня ведь уже есть свой петопиец. Существо подумало.

- Но ты не мой зарегистрированный пользователь. К тому же ты используешь меня офлайн, так что я сейчас работаю в деморежиме. Пока ты не войдешь в Сеть и не введешь правильный пароль, ты не сможешь подключиться ко всем возможностям постоянной виртуальной реальности Петопии.

- Постоянной...

- ...виртуальной реальности. К миру Петопии.

- То есть... ты у меня, но я не твой владелец? А Петопия - это такая игра в воображаемую страну для детишек богачей?

- Петопия - это не какой-нибудь Webfrenz, - отозвалась машина, превосходно имитируя презрение. - Наша возрастная категория старше. - Ее интонация замечательно передавала нужное ощущение: «Ты и я, Мина и Джелли, мы в чем-то похожи, правда ведь? Мы не то что вся эта глупая малышня». Интересно, это какой-то американский программист прописал ей такую реакцию, как сценарий игры? - И для того чтобы стать одним из петопийских владельцев, не нужно быть богатым. Базовый комплект можно приобрести всего лишь за пятьдесят долларов в месяц.

Пятьдесят долларов - это сколько? Доллар нынче стоит что-то около тридцати или сорока евроцентов, так? А евро... Боже милосердный, и они способны тратить такие деньги на детскую игру? И это только за «базовый комплект»! Очевидно, даже их воображаемый мир был поделен между богатыми и бедными.

Вернувшись в дом, она небрежно вынула Джелли из сумки.

- Что это? - требовательно спросил Рафаэль.

- Что - это?

- Твое чучело.

- О, не беспокойся, это всего лишь Джелли. Вряд ли он тебе понравится. Он малость староват для твоей... возрастной категории.

Она не была уверена, что правильно употребила здесь заковыристое французское выражение, но вряд ли Рафаэлю мог быть известен лучший вариант.

* * *

Ознакомившись со списком ежедневных обязанностей Рафаэля и удостоверившись, что он подтвержден авторитетом их матери, Джелли счел своим прямым долгом добиться его исполнения. Мина-то всего лишь слабо надеялась, что сможет использовать машинку как шпиона -

такого, которого Рафаэль будет терпеть, потому что это игрушка. Однако Джелли каким-то мистическим путем умудрялся заставить мальчика повиноваться, хоть и был слишком мал, чтобы его побить. Боясь разрушить заклинание, Мина не спрашивала, как у него это получается, но когда она вечером приходила домой, большие пластмассовые бутылки для воды были всегда полны, дом чисто выметен, а Рафаэль с Джелли играли в шахматы при таком скудном освещении, что им, должно быть, приходилось держать расположение фигур в уме. Рафаэль взял машинку под свое крыло. По-видимому, он стал более-менее своим человеком в интернет-кафе, выполняя для них мелкие поручения, так что ему позволяли каждое утро перезаряжать там аккумуляторы Джелли. Мина начала подозревать, что они еще и давали ему немного денег, но он никогда в этом не признавался.

Лишь по воле случая она выяснила, как все обстоит на самом деле. Была среда, и Баба не было дома уже две ночи. Нга, разумеется, беспокоилась - наверное, так же люди беспокоятся о том, что козел перепрыгнул через изгородь и может попортить огород соседей, - но что она могла сделать? Ей надо было каждый день убираться в комнатах в «Новотеле», а по вечерам она ходила продавать туалетную бумагу на автобусной остановке. Она попросила Мину зайти в обеденный перерыв на рынок, купить арахиса и помидоров для соуса, если цена будет подходящая. Шел дождь, и было адски жарко. Мина прошлепала по дымящимся, пропитанным вонючими испарениями улицам, вышла на рынок - и обнаружила Рафаэля с большой сумкой через плечо, выходящего из микроавтобуса.

Из микроавтобуса!

Он уселся за металлический столик под навесом кафе на краю небольшой рыночной площади. В столешнице была вырезана едва видная с этого расстояния сетка шахматной доски; клетки настолько выцвели, что было уже невозможно отличить черные от белых. Рафаэль небрежно облокотился на оградку вокруг столиков - было видно, что это ему не впервой. Проходившая мимо женщина задела его руку бурой курицей, которую несла, держа за ноги. Она извинилась, он ответил ей смехом. Хотя она и была старше, он встретил ее взгляд с откровенностью пьяного солдата на пропускном пункте в полуночный час.

Мина двинулась дальше и купила арахис, поскольку обязанности оставались обязанностями, и торговалась еще более агрессивно из-за ярости, клоковавшей в ее сердце. Продавец помидоров, впрочем, оказался безнадежен: он не соглашался сбавить цену ниже семнадцати тысяч франков за килограмм, что было чистым грабительством, какими бы свежими они ни были. И все это время она краем глаза следила за Рафаэлем. Вот к его столику подошел

преуспевающий с виду толстяк с лысой головой, похожей на пушечное ядро. У него, наверное, полиомиелит, поэтому он ходит с палочкой. Он пытался сделать вид, будто ему все равно, выиграет он или нет, но всякому было понятно, что это напускное, хотя бы по усилиям, с какими он передвигался, чтобы подтащить к столику свое жирное тело на тоненьких ногах.

Откуда-то появились пачки голубых банкнот по десять тысяч франков, и Рафаэль достал из сумки шахматные часы, а также безжизненное тельце Джелли, которому отвел роль пресс-папье, придерживающего банкноты на краю столика.

Мина подобралась поближе, держась у Рафаэля за спиной. Пот, стекавший по голове толстяка, образовывал сложные системы рек и притоков. Казалось, Бог утюжит рыночную площадь, словно рубашку, зажатую между двумя паровыми утюгами. Официант принес игрокам чайник, однако ни один из них не прикоснулся к перевернутым чашкам. Они играли в какую-то быструю разновидность шахмат, и очень скоро все закончилось. Деньги переключевали в карман толстяка. Мина подавила всхлип и подползла ближе.

«Ну хорошо, если вы так хотите», - услышала она сквозь шум голос Рафаэля. Теперь ей были видны большие сияющие часы на запястье у толстяка. Они снова расставили фигуры, и после небольшого торга Джелли вновь стал недвижимым стражем на новой кучке денег. На этот раз к голубым купюрам добавилось несколько красных, двадцатитысячных. Эта игра длилась дольше. Чумазый бездельник, стоявший рядом с навесом, попытался давать советы, но был проигнорирован обоими игроками. «Echec et mat», - произнес через какое-то время Рафаэль, и по реакции толстяка и грязного бездельника Мина видела, что обоим это застало врасплох. Рафаэль убрал деньги, поблагодарил своего противника за игру и выложил на стол столбик монет в уплату за нетронутый чай. Он взял свою большую сумку и повернулся, чтобы уйти, когда вдруг увидел Мину. В его глазах на кратчайший момент мелькнула тень узнавания; потом он отвел взгляд и зашагал через рынок в гущу толпы. Она попыталась пойти следом, но тут же наткнулась на какую-то старуху, едва не сбив ее с ног. К тому времени когда она закончила извиняться, Рафаэля уже и след простыл.

* * *

Этим вечером за работой она пыталась разобраться в своих мыслях. Хотя в голове у нее царил полная неразбериха, руки продолжали споро делать свое дело - тестировать таблетки жестких дисков и рассортировывать их по трем корзинам: зашифрованные,

незашифрованные и испорченные.

Ее первой реакцией был ужас от того, какие огромные суммы тратит Рафаэль. Но это не деньги, заработанные ею или Нгой, он раздобыл их самостоятельно. Заделался профессиональным шахматным шулером? Действительно ли Джелли был настолько безжизненным, как казался, или он каким-то образом помогал Рафаэлю делать верные ходы? И если Рафаэль зарабатывает деньги, то где прячет их? Может быть, он тратит их на наркотики или ходит по вечерам в непристойные клубы и танцует там с вертихвостками в мини-юбках? Мина мечтала о том дне, когда сможет «выпихнуть его за порог» во взрослую жизнь, чтобы он больше не висел камнем у нее на шее, но не так же рано! Ему всего лишь четырнадцать, хотя он и выглядит старше и крупнее своего возраста. Похоже, он разбрасывает больше денег, чем Нга и Мина вместе взятые - так с какой же стати они должны столько трудиться, чтобы прокормить его, если он их обманывает и скрывает такое богатство? Она принялась фантазировать о том, что бы сделала, будь у нее такие деньги: купила бы Нга красивое, расшитое золотом платье и большое мягкое кресло из Японии со встроенным ножным массажером.

Послышалось влажное шлепанье сандалий: Рафаэль.

- Ты! - Она вскочила, потрясая занесенным кулаком. - Чем это ты занимаешься, а?

- Ты про шахматы? Забудь об этом, у Баба проблемы! Он там подрался с солдатами, и теперь они хотят денег.

Наверное, так чувствует себя собака, у которой выхватили изо рта кость, пока она смотрела в другую сторону.

- Пьяные или трезвые?

- Кто, солдаты или Баба? А все равно - кажется, они там все нарезались.

- Господи, спаси и помилуй!

- Да, дерьмовое дельце, верно? Они у нас в доме, требуют сотню.

- Сотню чего?

- Евро, дурища, а ты чего думала - франков? Это тебе не малыши, которым нужны деньги на конфетку. У меня вообще-то хватает, но они все в S.P.E., а в отеле уже закрыто, и у Исмаэля - это портье - дома нет телефона, а его адреса я не знаю, так что...

- Что такое «S.P.E.»?

- «Systeme de poche electronique» - ну, ты в курсе, там, цифровые сертификаты...

- Нет, я не в курсе. И где эти деньги?

- Здесь. - Рафаэль вынул Джелли из сумки.

- У него что, потайной карман, как у кенгуру?

- Да нет же, неужели ты ничего не знаешь? Это такая куча цифр, ну, как длинный-предлинный компьютерный пароль, который говорит, что

банк должен выдать мне столько-то денег. Все иностранцы такими пользуются, потому что это безопасно, понимаешь? Страховка на случай грабежа и на все что угодно. Но компания не хочет, чтобы отели заключали электронные сделки с местными, улавливаешь? Слишком много мошенников - и по четыреста девятнадцатой^{*1}, и разных других.

Мина кивнула. Это, конечно, все нигерийцы виноваты. Каждому известно, что все они прирожденные воры, как и все малинке от рождения тупы.

- Но я же не мог хранить пачки денег у нас дома, поэтому мне пришлось перевести их в S.P.E. Исмаэль вообще-то не должен был мне разрешать, но мы с ним договорились.

- Но Исмаэля тебе не найти. И куда же мы можем отправиться, чтобы превратить волшебные деньги Джелли в настоящие?

- В интернет-кафе на Авеню-де-ла-Републик. У них всю ночь есть электричество, и возле бара стоит автомат S.P.E., чтобы платить за интернет и покупать пиво и всякую ерунду. Но из-за мошенников этот автомат сделали так, что один человек может снять не больше пятидесяти евро в день. Он проверяет биометрию и...

- То есть если я пойду с тобой, мы сможем оба снять по пятьдесят евро?

- Точно!

Они доехали до места на настоящем желтом такси («Ручаюсь, он пьет «Карлинг блэк лейбл!») - доверительным хрипловатым голосом сообщала грудастая женщина на плоском экране позади водительского сиденья), и непривычное переживание окончательно донесло до Мины серьезность положения. Она ругала себя за то, что такси и скорость, с какой проносились мимо магазина и ларьки, производят на нее такое впечатление. Собственная глупая реакция напомнила ей идиотский рассказ племянницы невестки Нга о том, как та навещала в больнице своего школьного друга, беглеца из отдаленной провинции. Племянница знай только и расписывала, какое там высокое здание да какие бесшумные лифты, какие чистые полы и окна и как все тамошние сиделки могут читать, словно профессора. До нее, кажется, никак не доходило, почему ее друг вообще оказался на больничной койке. Мине казалось, что узы, связывающие ее с Баба, стали теперь такими же тонкими, как ее связь с этим далеким школьным другом дальней родственницы. Мина старалась заставить себя вспомнить то время, когда Баба еще не начал пить, когда он обращался с ней по-доброму - это было все равно что пытаться жевать старый, пересохший рис, от которого потом наверняка разболится живот.

Таксист остановился перед сияющими огнями интернет-кафе.

¹ * *Имеется в виду ст. 419 Нигерийского УК, касающаяся выманивания денег обманным путем. (Здесь и далее прим. перев.)*

- Мы сейчас вернемся, - сказал ему Рафаэль. - Нам просто надо взять немного денег из автомата.

Водитель пытался возражать, но Мина с Рафаэлем выпрыгнули из такси, не дав ему договорить. Они нырнули в темное, продымленное кафе и зашагали - Рафаэль уверенно, Мина пытаюсь, изобразить достоинство - мимо бандитов, мимо богатеньких мальчиков, мимо туристов, палящих в монстров на компьютерных экранах. Рафаэль скользнул на барный стул с таким видом, словно проделывал это не раз, и сказал Джелли, которого держал у себя на коленях кверху пузом: «Reveille-toi». Тот зашевелил мохнатыми пурпурными лапами и закрутил головой, чтобы понять, что происходит вокруг. Его симпатичные маленькие ушки мило болтались и шлепали по голове. Если бы только Баба мог быть таким же милым и приятным!

- Bon, Джелли, - сказал Рафаэль, ныряя в запасники своего трущобного французского, - давай-ка откроем папку «Рабочий стол», «Личные»...

- Обнаружена возможность подключения к интернету, - провозгласил Джелли, двигая челюстью вверх-вниз. На самом деле у него не было ни губ, ни языка, только динамик, но его сделали так, что рот все равно двигался.

- Oui... - вновь начал Рафаэль.

- Найдено 17,7 терабайт обновлений для программного обеспечения, - пропищал Джелли.

- Пропусти, Джелли! Тебе совсем не нужно звонить домой прямо сейчас.

- Отправляю GPS-координаты: север 166 миллирадиан, запад 239 миллирадиан...

Мина ощутила прилив тревоги.

- Он когда-нибудь бывал здесь? - вполголоса спросила она Рафаэля.

- Наяву нет. - Рафаэль нахмурил брови. - Обычно я просто перезаряжаю его в задней комнате. Я его не активирую, пока...

В этот момент между ними просунулась потная, щербатая рожа таксиста и заговорила, обдавая щеку и нос Мины капельками слюны:

- Ну вот что, деваха, ты платить собираешься? Счетчик-то щелкает! Или хочешь, чтобы я вызвал полицию?

- Мой пользовательский шаблон опознает нестандартное использование, - объявил Джелли. - Для вашей защиты была активирована противоугонная система.

- Salam, samarade, - сказала Мина таксисту, который напирал на нее, только что не спихивая со стула. Она положила руку ему на грудь. - Прошу прощения за это недоразумение. Подождите еще секундочку, мы сейчас...

- А ну, красавчик, оставь в покое мою сестру!

- Что у вас тут происходит? - спросила жилистая немолодая

женщина, стоявшая за стойкой, - и тут пурпурный меховой комок взвился, словно демон, сиганул через ущелье позади стойки, отрикошетил от бутылок с напитками и сгинул где-то на полу. Женщина взвизгнула и схватила бутылку, чтобы отмахиваться от привидения. Рафаэль ласточкой нырнул через стойку, а Мина, вывернувшись из объятий таксиста, обежала вокруг, чтобы отсечь Джелли пути к отступлению. Врезавшись в кого-то из посетителей, она приземлилась на полу, мельком увидела пробегающего мимо Джелли, притиснула его коленом к стенке стойки и ухватила за шкуру. Рафаэль потащил ее назад, и они выскочили в заднюю дверь, в темные, знакомые переулки своего района.

Мина держала Джелли в сгибе локтя, словно мяч для регби, зажимая ладонью его болтливый рот, и пыталась соображать на бегу. «Оставь в покое мою сестру». Кто бы мог подумать? Ее брат не просто осел, который только и смотрит, как бы сбросить с себя ношу. Приходилось признать, что он обладает немалой изобретательностью, а теперь еще и вступился за нее - да и за Баба тоже! Тут Мина споткнулась о бродягу, уже устроившегося на ночлег. Пытаясь удержаться на ногах, она выпустила Джелли, и тот покатился вперед по проулку. Рафаэль подхватил его с земли, и когда Мина вновь их догнала, то увидела, что малютка-робот вроде бы немного успокоился. Может быть, она недооценивала его, так же как и брата?

- Джелли...

- Что?

- Ты ведь знаешь, мы не пытаемся тебя похитить.

- О, конечно, знаю, - отозвался он. - Миссис Нэйджел выбросила меня.

- Что за шум? - раздраженно спросила какая-то беззубая старуха, высовываясь из-за мусорного контейнера. Рафаэль извинился, и они пошли дальше по переулку, по направлению к дому.

- Так значит, миссис Нэйджел тебя выбросила? - переспросила Мина.

- Да, ей надоело каждый месяц платить по счетам. Она решила сказать Пайперу, что я потерялся.

- Но ты вроде бы говорил, что включилась твоя противоугонная система...

- Была активирована.

- Да, активирована - из-за того что...

- Из-за нестандартного пользовательского шаблона.

По-видимому, он не усматривал здесь никакого противоречия. Впрочем, это не обязательно значило, что он глуп. Может, для него это было все равно что злиться, когда знаешь, что злиться нельзя, или верить в древесных духов, несмотря на то что считаешь себя мусульманином.

- И кто же теперь твой владелец? - спросила она.

- «Петопия Инкорпорейтед».

- Ты хочешь сказать, что, если тебя выбрасывают, право владения снова возвращается к компании, которая тебя произвела?

- Нет, «Петопия» владеет мной всегда. Пользователи покупают не петопийцев, а лишь лицензию на пользование ими.

- Понятно. То есть фактически у нас на тебя столько же прав, сколько и у любого другого, верно?

- Погоди-ка, дай лучше я, - прервал ее Рафаэль. - Он ведь теперь почти что мой... Точнее, именно я его пользователь, верно? Так что я лучше знаю, как им пользоваться.

- Глупости! Это я его нашла.

- Ну да, ты его сперла, все честь по чести - а теперь я спер его у тебя.

- Это была не кража! Мы уже говорили об этом, верно, Джелли?

- Верно.

- Ну хорошо: допустим, мы сейчас вернемся в интернет-кафе, - продолжала Мина, обращаясь к зверюшке. - Теперь, когда мы все обсудили, ты больше не станешь включать эту свою угонную штуковину?

- Противоугонную систему.

- Ну да. Ты ведь больше не станешь этого делать?

- Стану. Точнее, я сделаю это, если сервер снова подаст мне соответствующую команду, а я думаю, что он подаст, поскольку условия будут те же самые. Впрочем, я уже загрузил несколько обновлений ПО. Теперь мне осталось только 17,5 терабайт. Когда я их закончу, вам придется меня перезагрузить.

- Вон, я все поняла, ты не можешь себя контролировать. Но видишь ли, Джелли, у нас серьезная проблема, и нужно, чтобы ты нам помог...

- Он не понимает такую ерунду, - перебил ее Рафаэль.

- Может быть, он понимает больше, чем ты думаешь, - парировала Мина. Вообще-то Джелли не выглядел таким уж разумным, но даже если он и был всего лишь машиной, эта машина могла учиться. С течением жизни он мог стать умнее. Может быть, он тоже еще рос, как Рафаэль и Мина. - Джелли, одни люди готовы покалечить нашего отца. Они требуют денег.

- Никогда не мирись с запугиванием, - посоветовал Джелли. - Расскажи кому-нибудь из взрослых. Это не такая проблема, которую тебе нужно решать самостоятельно.

- Да, но наш отец сам взрослый, и эти бандиты тоже.

- Ты можешь рассказать учителю или офицеру полиции... Однако, - он снова мило склонил свою головку, - у тебя ведь нет учителя, верно?

- Да. А бандиты на самом деле солдаты, так что полиция нам тоже не поможет.

- Мне позволено предпринимать некоторые действия в случае, если наличествует угроза и нет времени позвать на помощь, - с сомнением проговорил Джелли.

- У нас именно такая ситуация, - заверила Мина. - А что ты можешь сделать?

- Я могу издавать звук, похожий на громкий свисток. Это может привлечь внимание кого-нибудь из находящихся поблизости взрослых. И еще я могу включить сигнал тревоги.

- А это что такое?

- Ну, стандартный сигнал звучит похоже на автомобильную сигнализацию. Как правило, это работает.

- Здесь ни у кого не стоит автомобильная сигнализация, - возразил Рафаэль. А Мина вообще не знала, что это такое. - Но да, я должен был подумать о чем-нибудь вроде этого. Мы ведь как-то уже просматривали твою папку со звуками.

- Ту, где лежат ультразвуковые сигналы игры в шахматы?

- Ну да, ту самую. Но теперь нам нужен такой звук, чтобы его могли услышать и взрослые тоже. Сирена у тебя там есть?

* * *

Задумка с сиреной не сработала - скорее всего, солдаты знали, что здешние улочки слишком узкие, чтобы по ним могла проехать машина, - но на какое-то время отвлекла их внимание: они бросили колошматить Баба, чтобы разыскать и начать колошматить Джелли. Он был превращен в шар для игры в крикет, но уцелел, поскольку ни один из солдат не был достаточно трезв, чтобы попасть по нему как следует. Дом был более удобной мишенью, и они разнесли дом. Мине хотелось верить, что в конце концов они ушли из-за того, что ее семья и пара соседей вмешивались, как только могли, или по крайней мере держались рядом, подставляя себя под удары. В любом случае было очевидно, что Джелли изменил ситуацию к лучшему. Совсем как сам Рафаэль: если прежде он был обузой, то теперь стал хотя бы джокером, носителем хаоса, от которого могла случиться и польза.

Их семейство нашло себе временное прибежище под мостом, где Авеню-де-ла-Републик изящно перешагивала через пересыхающие соленые пруды. Вначале Мина воображала, что они починят дом и снова переселятся в него, но у них не было нужных материалов и инструментов, да и рабочих рук тоже, поскольку надо было зарабатывать на хлеб. Баба лежал в больнице, и было похоже, что ему потребуется какое-то время, чтобы оправиться. Когда Рафаэль попытался обратить свои деньги в банкноты при помощи автомата в отеле, автоответчик компании S.P.E. продекламировал ему радостным женским голосом, что его счет был заморожен «в целях вашей защиты» и что для разрешения затруднения он должен сообщить свой телефонный номер и адрес. Однако у них отродясь не было телефона,

а что до адреса, то Мине никогда даже в голову не приходило, что дом, где они жили, может носить какой-то номер, а улица иметь официальное название.

После того как семья покинула участок, где прежде стоял дом, их отношения с собственностью стали какими-то смутными и натянутыми. По-видимому, никто не мог ясно сказать, как все обстоит по закону. У них была встреча с сыном домовладелицы, и тогда выяснилось, что сама домовладелица уже несколько лет как мертва, о чем они и не подозревали, так что все закончилось спором о качестве пяти коробок туалетной бумаги, предоставленных Нга какое-то время назад в порядке оплаты. В конце концов Мина поняла, что неправильно представляла себе, как устроена собственность в современном мире. Она-то думала, что люди - по крайней мере богатые домовладельцы и богатые американцы - по-прежнему чем-то владеют. Однако из того, что говорили Джелли и сын домовладелицы, становилось ясно: на самом деле в наше время все, чем ты владеешь, это лицензия, нечто вроде временного разрешения на пользование чем-либо, которое может неожиданно испариться по самым разным причинам. Ну, как ребенок в песочнице кричит: «Мое!». Игрушка принадлежит ему лишь до тех пор, пока он не ляжет вздремнуть; проснувшись, он ее уже не обнаружит. А может, и всегда было так, даже в стародавние времена, когда богатые впервые разбогатели, а бедные обеднели. Если на то пошло, как еще можно было чем-то завладеть? Ясно же, что попросту в какой-то момент один пещерный человек дал другому дубиной по башке и смылся с его вещичками.

Под мостом было суше, чем в доме, и когда она приходила по вечерам «домой», ее обоняние быстрее мирилось с запахом соли, чем со зловонием сточных вод в их старом жилище. Кроме них там жили только две семьи, так что даже не было особенно тесно. Если смотреть объективно, то против моста имелось не так уж много возражений, не считая того, что это место совершенно не подходило для установки большого мягкого японского кресла с ножным массажером, - но все же Мина не могла побороть чувство, что это шаг вниз в ее жизни. Настолько же нелогичными были ее вдруг смягчившиеся чувства по отношению к Баба, которому наконец поставили диагноз: повреждение селезенки. Как-то раз, принося ему еду, Мина захватила с собой Джелли, и когда она на минуту вышла из комнаты, а потом вернулась, то обнаружила, что он говорит роботу что-то, подозрительно похожее на полузабытые ласковые слова из ее собственного детства. Он лишь смущенно поглядел на нее, и ей ничего не оставалось, как улыбнуться и погладить его по лысеющей голове. Содержание в больнице стоило огромных денег, которые, как сообщила ей дама, выписывавшая чек, на самом деле были лишь символическим взносом по сравнению с тем, сколько бы это стоило, не

будь ее отец признан нуждающимся. А ведь ему, возможно, могла потребоваться операция.

* * *

Вот каким образом Мина и Джелли оказались в христианской школе, которой заведовали американские монахини. Она сидела перед огромным английским словарем, между ее ногами располагалась вместительная Рафаэлева сумка, набитая жесткими дисками из компьютеров со свалки - теми, которые оказались зашифрованными и, следовательно, бесполезными для Олсени. Свет потоком лился на Джелли из окна, почти целиком занятого дешевой пластмассовой подделкой под витраж с изображением чуда о пяти хлебах и двух рыбах. Голубой, словно телевизионный, свет падал на верхушку страницы шестьсот восемьдесят (от CINCTURE до CINQUEFOIL). Джелли, взгромоздившись на подставку резного деревянного пюпитра, где лежал словарь, корпел над страницами - для него они были огромными, словно ковры. Если бы его можно было без опаски принести в какое-нибудь место с доступом к интернету, процесс, скорее всего, был бы завершен в десятые доли секунды; вместо этого они были вынуждены каждое утро перед работой проводить здесь утомительные часы. Монахиня, присматривавшая за библиотекой, считала Мину очень способной девушкой.

Джелли пошевелился, и Мина протянула руку, чтобы перевернуть страницу, но он сказал:

- Кажется, я нашел один: CINNAMON123.

- «Cinnamon»? Что это такое?

- Cannelier de Ceylan, коричневое дерево. Пряность. Скорее всего, так зовут их кошку или еще что-нибудь в том же роде.

Мина улыбнулась и покачала головой. Ее до сих пор изумляло, сколько богатых иностранцев оказывались глупцами, а ведь они наверняка ходили в школу до восемнадцати лет. Зачем создавать себе столько хлопот, зашифровывать свои диски - и после этого выбирать пароль, который, по сути, представляет собой слово из словаря? Она не сомневалась, что когда Джелли доберется до соответствующих букв, ему попадутся и пароли вроде PASSWORD123 или SECRET123.

- Ну хорошо, и который это?

- Я смогу его найти. Открой сумку.

Она удостоверилась, что монахиня не подсматривает из коридора, и раскрыла сумку у себя на коленях, чтобы Джелли мог забраться в нее. Робот заработал передними лапами, словно собака, роясь в грудe дисков. С каждого из них он предварительно запомнил по небольшому кусочку - это как если бы мы пошли в библиотеку и запомнили по одной

странице из каждой книги. Если ему удалось расшифровать отрывок, используя пароль CINNAMON123, то, вероятнее всего, теперь он сможет расшифровать и весь диск.

- Вот этот, - пропищал он из сумки, показывая носом. Мина соединила робота с диском через порт, находившийся у него во рту.

На мгновение он застыл в неподвижности, затем кивнул и заговорил - ему нисколько не мешал торчавший изо рта кабель.

- Готово, получилось. Все расшифровано. Почта... банковские операции...

Рафаэль разработал новую систему для операций с деньгами - в нее каким-то образом входили телефонные карты с предоплатой и хавала² в Каире. Завтра он появится возле окошка кассира на подвальном этаже больницы с новой маленькой грудой десятитысячных купюр.

- Ah, tres bien, mon petit chou.

Джелли с гордым видом вылез из сумки. Мина погладила его по голове; он завилял огрызком хвоста и потерся о ее живот своей маленькой щетинистой мордочкой. Джелли знал, как знала и сама Мина: он был уже за порогом.

Перевел с английского Владимир ИВАНОВ

© Benjamin Crowell. Petopia. 2010. Печатается с разрешения автора.
Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2010 году.

**БРЕНДА КУПЕР
РОБОТОВ ДОМ**

² * *Хавала* - неформальная система перевода денежных средств, распространенная на Среднем Востоке, в Африке и Азии, основанная на уведомлениях по электронной почте, факсу или телефону.

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Беззвучное скольжение двери по-прежнему удивляло, даже несмотря на то что мы с Эйлис почти два дня перетаскивали коробки в гараж нового дома и сваливали неряшливыми грудями. Волосы липли к шее, пот стекал по пояснице и под коленками. Агент по недвижимости обещала, что здесь никогда не бывает жарко, но, очевидно, о погоде она лгала так же легко, как умалчивала о дополнительных расходах на заключение сделки. Из-за них робоприслуга нам пока была не по карману, а следовательно, мы потели, перетаскивая ящики. Но мы были дома.

Дома.

И с работой на вечер покончено.

Я достал холодное пиво из сверкающего холодильника, дверца которого открылась передо мной так же, как и входная дверь - жутковато бесшумно и деловито. Я вырос с дверями, которые открываешь и закрываешь, напрягая собственные, человеческие мышцы. Мой прошлый дом был построен «зеленым», когда это еще предполагало экономию электроэнергии, а не ее производство. Человечество не упустит дармовщины, особенно если можно пользоваться ею сполна.

Из-за высоких потолков и целых трех этажей наш дом словно

соперничал с лесом кедров и елей. А я оттого чувствовал себя самозванцем. Этот дом через озеро напротив Сиэтла мы купили, получив прибыль от пары-тройки удачных вложений и наследство покойной тетушки. Раздвижная дверь скользнула в сторону (разумеется), едва я подошел, и выпустила на веранду, залитую медовым светом предвечернего солнца. Сколь бы красивыми ни были веранда или лес вокруг, женщина на веранде казалась прекраснее всего. Эйлис собрала темные волосы в хвост, толстый, с мое запястье, который каскадом падал ей почти до пояса. Пот блестел на ее оливковой коже, от нее пахло работой, и кофе, и букетом шираза, бокал с которым она держала в правой руке. Она указала на соседней - в добрых трехстах метрах от нас.

- Всего за пять минут я успела увидеть вон там двух гуманоидных роботов.

- Значит, соседи богаты. Может, одолжат нам одного ухаживать за садом.

Я сам был не прочь заняться садом: грязные ногти - приятное ощущение.

- А вот еще один.

Любопытство в ее голосе заставило меня оглянуться. Нагнувшись над шеренгой ярко-желтых керамических горшков на веранде трехэтажного дома, серебристая женская фигура обрезала засохшие розовые и пурпурные головки с многоцветного ковра и бросала в ведро, такое же серебристое, как ее руки. Я неспешно выпил полбанки пива, наблюдая. Три робота. Один снаружи. Два или три маленьких бродят по дому - негуманоидные. Семьи с уровнем дохода вроде нашего иногда заводят гуманоидного робота, но только если в няне нуждаются больше, чем в спортивной машине или дизайнерской одежде. Обычно же люди обходятся десятком роботизированных пылесосов, мусоросборщиков и мойщиков, наподобие тех, что стояли сейчас на самоходном поддоне у нас в гараже.

- А людей не видно, - задумчиво протянула Эйлис.

- Может, на работе.

Но глаза у нее оставались суженными, зубы сжатыми, и за ухом ходил желвак. Эйлис покачивалась на пятках. Я понимал, что это значит.

- Прогуляемся?

- Ты хочешь познакомиться с соседями?

Я; собственно говоря, подумывал улечься в горячую ванну, прихватив с собой еще пива. Но это был наш первый общий дом, и мне хотелось, чтобы она была счастлива.

- Пойдем представимся.

Асфальт чуть проминался у нас под ногами, от зноя выдавая запахом свое происхождение - старые покрышки, но запах не заглушал аромата лесного мха, приправленного кедровой смолой.

Знакомство с соседями представлялось болтовней у забора: так поступила бы мама. Мы свернули с шоссе на их подъездную дорожку.

Красная точка лазера прошла по нашим голым коленям.

- Ни с места.

Эйлис резко вдохнула и сжала мою руку, но потом отпустила и застыла как вкопанная.

- По какому вы делу?

Я проследил расстояние от своего колена до источника голоса: приблизительно пятнадцать футов. Робоохранник был цвета гравиевой дорожки, цилиндрический, более двух футов высотой и не стоял неподвижно - вот это и заставило меня считать фута. Этот робот не был ни симпатичным, ни гуманоидным. Ярко-синий кружок с красной мишенью у него на боку прямо-таки вопил: «Оружие».

- Мы ваши новые соседи, - обратился я к нему в полголоса. - И пришли представиться.

В его ответе мне послышалось натужное веселье крохи-злодея из фильмов про супермена.

- Эйлис Джонсон и Пол Дайна. Двадцать семь и двадцать восемь лет, соответственно. Вы пробыли здесь ровно шестьдесят семь часов...

Взмахом руки я велел ему замолчать, пока он не добрался до наших банковских счетов или совсем нас не выгнал.

- Тогда ты знаешь, что мы безвредны. Нам бы хотелось познакомиться с твоими хозяевами.

- Их нет дома.

По-прежнему не шевелясь, Эйлис спросила:

- Когда они вернуться?

Робот повернулся на все триста шестьдесят градусов, словно кто-то мог подкрасться к нему сзади, и только потом сказал:

- Пожалуйста, отойдите за пределы участка.

Мы отступили, уютная радость от нового дома несколько скисла. Едва мы отвернулись от соседского дома и робота, у меня зачесалась спина

- на уровне сердца.

- Не самые приятные соседи, - шепнул я на ухо Эйлис.

В ответ она хмыкнула, на лбу залегла складочка.

- Может, нырнуть в горячую ванну?

Она посмотрела на меня надуто, недовольно.

- Они за нами следили.

Я не стал напоминать, что и она следила за ними. Только притянул к себе и опять шепнул:

- Это наша первая ночь в доме. Давай радоваться.

Она остановила меня прямо посреди дороги, на краю нашего участка и поцеловала в шею. Когда она подняла на меня глаза, легкая отстраненность в ее взгляде подсказала, что ее вниманием нелегко будет завладеть. Поклявшись про себя найти способ, я начал

осуществлять свой коварный замысел, опустив руку ей на поясницу и прижав к себе. Домой мы вернулись, обнявшись.

На следующее утро тепло ее внимания еще согревало расслабленные плечи, и конечности у меня раскинулись по кровати, точно резиновые. Птицы пели так громко, словно это была запись. Я постарался различить отдельные голоса, сообразить, сколько разных видов пичужек тут чирикает.

- Милый! - окликнула она.

Неохотно разлепив веки, я обнаружил, что Эйлис стоит на балкончике спальни, одетая в мою клетчатую рубашку. Верхушки деревьев за нашим окном третьего этажа окутывал туман, окрашивая утро в призрачно белые и серые тона.

- Выйдешь ко мне?

Поскольку рубашка была уже занята, я натянул джинсы и вышел, с наслаждением вдохнув наш общий запах. Из нижних окон соседский дом не просматривался, зато с балкончика легко можно было заглянуть прямо в кухню дома роботов, заслоненную от нас только туманом. В ярком квадрате света двигались три серебристые фигуры.

Обняв Эйлис за плечи, я нагнулся к ее уху:

- Поскольку роботам еда не нужна, там должны быть люди.

- Разве ты ее не видишь?

Прищурившись, я всмотрелся.

У стола боком к нам сидела девочка и ела что-то ложкой из миски. Одета она была в белую рубашку-поло и коричневые шорты. Ее аккуратно уложенные светлые волосы перехватывал золотой бант. Выглядела она так, словно сошла с рекламной картинки. Один из роботов напротив как будто что-то ей втолковывал.

- Как думаешь, сколько ей лет? - спросила Эйлис.

В ней была еще детская долговязость, и груди почитай никакой, но ростом она, пожалуй, достигала Эйлис.

- Десять? Двенадцать?

- Она там совсем одна.

- Ты этого не знаешь.

Однако я хорошо помнил: наблюдения Эйлис зачастую жутковато били в цель.

- Это объясняет поведение мерзких роботов. Они защищали ее. Но как-то неправильно...

- В любую секунду появятся мама с папой.

Сложив руки на груди, Эйлис наградила меня сердитым взглядом.

- У дома напротив до сих пор нет ни одной машины. И почему, кроме девочки, никто не ходит по комнатам? И света нигде больше нет. Она в доме одна. Оставлять ребенка в таком возрасте одного - преступление.

Я снова поглядел на окно, где один робот явно разговаривал с девочкой, а другой подносил ей еще стакан сока.

- Она не одна.

В награду я получил еще один сердитый взгляд и притянул Эйлис к себе.

- Ладно, пойдем завтракать. Должны же у нее быть родители.

- Надеюсь. - Эйлис позволила отвлечь себя от яркого прямоугольника окна и еще более ярких обитателей.

* * *

Прошло несколько дней. Мы сидели на новеньких складных стульях из восстановленной целлюлозы, которые заказали для балкона, что в спальне. На столике между нами уместились пара кофейных чашек, два бинокля и камера. Эйлис вот уже два часа не двигалась с места. Она прикусила красивую нижнюю губу.

- Никаких родителей. Никаких людей. Пять дней кряду.

- Объявятся. - Я сам больше в это не верил. - Возможно, домашние никогда не заходят на кухню.

- Глупо.

- Я догадки строю. Хочу вернуть себе мою крошку.

- Не будь эгоистом. - В ее голосе прозвучало легкое поддразнивание.

Мы познакомились с соседями - не из роботова дома, а через улицу: Уильям и Уилма Вудс. Им было, по меньшей мере, семьдесят. Такие, как они, обзаводятся роботами, чтобы те вылизали им сад, а на комнаты давно махнули рукой. Подслеповатые Вудсы, вероятно, ничего особенного не заметили бы, даже живи по соседству пурпурный инопланетянин-каннибал; и когда мы спросили о доме роботов, Уильям втянул и без того впалые щеки и сказал:

- Вы про новый дом? Понятия не имею, кто там поселился. Мы редко куда-нибудь ходим.

Он имел в виду нас. Это мы поселились в новом доме. Дом по другую сторону от нас стоял нежилой и пустоглазый, с традиционной охранной системой, мигавшей лампочками датчиков движения. Позади роботова дома на полмили тянулся лес, а за ним стояла на лугу развалюха с амбаром, при которых имелся загон, где паслись три тощие, с проседающими спинами лошади. Престранные соседи вокруг заставили меня задуматься, а правильный ли мы сделали выбор. Роботов дом явно становился нашей проблемой, по крайней мере на взгляд Эйлис. А поскольку весь мой мир заключался в ней, то и моей проблемой тоже. Впрочем, день за днем наблюдая, как маленькая девочка играет в мяч с роботами, обедает и ужинает с роботами и делает с роботами домашнее задание за кухонным столом, я и сам забеспокоился. Ребенку ведь нужна мама, или брат, или собака, на худой конец. Что-нибудь теплое.

Я неплохо умею искать информацию, но на сей раз волосы хотелось рвать на голове от досады. Дом принадлежал некоей холдинговой компании. А той - и еще сотней других - владело открытое акционерное общество. Так собственность много большая, чем один этот дом, рассеивалась среди тысяч акционеров. Не такой уж уникальный уход от налогов на второй или третий дом. Ясно мне стало только одно: у девочки, или ее семьи, или треклятых роботов есть деньги. А это я и так знал. Стиснув зубы, я продолжал копать, а Эйлис приносила мне кофе и массировала шею. Мы каждый день видели, как, склоняясь над столом, девочка делает уроки, но я не мог найти ее имени в списках учеников ни одной школы, будь то реальная или онлайн-овая. Ребенок с ее внешностью не числился пропавшим нигде по стране.

Мы распаковали вещи, все, кроме поддона с роботами, который Эйлис упорно игнорировала, и двух коробок с безделушками, слишком неказистыми для нового дома.

На третью неделю я проснулся среди ночи и написал по электронке одному приятелю-резервисту, и тот привез нам очки инфракрасного видения. Только одно теплое пятно во всем доме - девочка. Ни одна из спутниковых систем не зафиксировала машин, а на двух фотографиях девочка играла с роботами в баскетбол.

Эйлис придумывала для нее имена (Колетта, Энни, Лиза, Барби) и рисовала ее портрет. Нет, у нас была собственная работа (у меня консультации по инвестициям, у нее - в маркетинге), и обед мы готовили, и любовью занимались. Но остающееся время, которое могло бы уходить на вылазки в город или кино, целиком поглотила девочка роботов.

Не в том дело, что мы хотели детей. Но она начала преследовать нас даже во сне безо всякой на то причины - помимо той, что мы были людьми, а ее окружали существа, которые таковыми не являлись. Мы по меньшей мере один раз в день проходили мимо их дома. И всегда видели робоохранников. Их было трое. Мы не замышляли проникновения со взломом. В конце концов, девочка смеялась и играла. Волосы у нее были аккуратно причесаны, а одежда отутюжена.

Мы гуляли и наблюдали почти каждый день. Время от времени приезжали фургоны доставки, но никаких нормальных машин, никаких друзей, никакой семьи. Только продукты и иногда мешки или коробки - возможно, с одеждой, обувью или книгами.

* * *

Осень начала выхолаживать и укорачивать ночи. Оторвавшись каждый от своей работы, мы отправились на прогулку, а первые желтые и оранжевые листья хрустели у нас под ногами, и небо над

головой было синим-пресиним. Когда мы миновали соседский дом и вошли в лес по другую его сторону, Эйлис долго молчала, а потом произнесла:

- Она слишком послушна. Ребенок ее возраста должен проказничать, корчить рожи и все такое...

- А у роботов есть чувство юмора?

- Черт! Неужели она всегда была такая? - голос Эйлис болезненно взвился. - Я все надеялась, что ее мама в отпуске и скоро вернется. Но она не вернется. Девочку действительно растят роботы.

Она замолчала. Ее ноги чуть оскальзывались на осыпавшейся хвое, дыхание вырывалось быстрее, чем следовало бы при неспешной ходьбе, сжатые губы словно перечеркивали лицо.

- Я туда пойду.

- Давай без драмы, а? Ты говоришь, как персонаж из телесериала про копов.

Повернувшись на каблуках, она заступила мне дорогу - голова запрокинута, чтобы лучше меня видеть.

- Она там как в тюрьме. Но этого не знает. Что если они растили ее с пеленок? Что если эта девочка не знала человеческих объятий? Что если... что если она думает, будто она хуже этих роботов? Чему они ее учат?

- Ш-ш-ш. - Я легонько обнял ее за плечи. Она была хрупкой, как птичка. - Надо сохранять трезвую голову. Нельзя, чтобы нас посадили за проникновение со взломом.

Эйлис хотела что-то сказать, глаза ее расширились, но она промолчала.

- Прости, дорогая. В роботах-няньках нет ничего противозаконного.

- Они не няньки. - Она забарабанила кулачками по моей груди, у нее перехватило дыхание, она действительно содрогалась.

Притянув ее к себе, я погладил ее волосы.

- Надо поискать другой способ.

Эйлис отстранилась и снова принялась меня дубасить, причем довольно сильно.

- Тебе просто все равно! Все равно! - Теперь она на меня шипела. Не кричала (а вдруг проклятые роботы услышат), но кричать ей хотелось, звук нарастал в ней и выходил судорожными всхлипами и резкими выдохами. Она заглянула мне глубоко в глаза, надеясь, что-то выискивая.

Что бы она ни искала, она этого не нашла. Развернувшись, она с прямой, напряженной спиной двинулась широким шагом назад; распустившиеся волосы летели за ней; ее рубашка единственным желтым пятном маячила в зелени и серости, в черноте и бурости леса.

Мне следовало бы броситься за ней. Но я едва сдерживал смех и боялся, что Эйлис заметит это.

И вот, пока она, размахивая руками, шагала по проселку, я стоял, стараясь справиться с эмоциями. У подъездной дорожки она резко повернула влево и продолжала идти, направляясь к крыльцу и входной двери. Я не терял ее из вида, но догнать и перехватить не пытался. Она выглядела прекрасной, грозной и храброй перед лицом собственной глупости.

Один робот скользнул перед ней, силуэт его приземистого тельца различить было трудно. Еще один как будто поплыл к ней, его фигура просматривалась лучше, так как он двигался на фоне зеленой изгороди, украшенной мелкими звездочками белых цветов.

Страхнув оцепенение, я бросился за Эйлис, размахивая руками над головой: пусть робоохранники решат, что я опаснее своей взбалмошной подруги.

Меня они проигнорировали.

Красные линии избородили джинсы Эйлис, располовинили колени, голени, бедра.

Я бежал что было сил, страх заставил меня забыть о границе участка.

Эйлис поставила ногу на ступеньку крыльца и дернулась, потом рухнула, длинные волосы занавесили лицо. Я был уже почти рядом, когда меня встряхнул разряд шокера. Губы мои онемели, не дав вырваться проклятью. Я превратился в желе, упал в нескольких ярдах от Эйлис, не сумев дотянуться до нее. Я не потерял сознания, но мозги мои превратились в кашу, и тело не хотело двигаться, как я его ни понукал.

Робоохранники отодвинулись на почтительное расстояние.

Дверь открылась.

Некто серебристый в джинсах и рубашке-поло наклонился, уставился на Эйлис с любопытством.

Робоохранники разлетелись, очевидно, вернулись к защите дома.

Сев, Эйлис посмотрела робота в глаза, похожие на диафрагмы небольших камер, установленных в глазницах и снабженных веками без ресниц. С нашего балкона третьего этажа эти глаза казались почти человеческими, но вблизи было ясно: эмоции у роботов выражаются через неприметные изменения формы гладкого серебристого лица. Роботов сейчас производят с кожей телесного цвета и розовыми щеками, со светлыми, или темными, или даже седыми волосами, но тот, кто выбирал механизмы для этого дома, предпочитал, чтобы они выглядели как персонажи научной фантастики. Я видел таких, вот только на шоу они казались совсем нереальными - возможно, потому что люди в плохо сидящих костюмах продавали их, как холодильники.

А вот этот был очень даже реальным и к тому же властным.

- Вы вторглись на чужую территорию, - веско заявил он и посмотрел на меня, словно убеждаясь: я знаю, что вторгся.

Я согласно кивнул.

- Простите. Мы соседи.

- Да. - Он перевел камеры на Эйлис. - Мы видели, что вы за нами наблюдаете. Вот почему Джилли приказала служебным роботам вас не убивать.

Какая добрая Джилли!

Я с трудом сел, завел под себя руки, подогнул колени, заметив, что у меня болит спина.

- Так вашу маленькую девочку зовут Джилли? - спросила Эйлис.

- Джилли - глава нашей службы безопасности. Я Роберто.

Мне удалось не расхохотаться. Я встал.

- Приятно познакомиться. - Невзирая на то что он был машиной, его авторитет казался абсолютным.

- Мы пришли в гости. Девочке, которая тут живет, наверное, нужны друзья.

В награду я получил нежный взгляд Эйлис, которая взяла меня за руку, а еще сделала полшага, необходимых, чтобы все выглядело естественно. Мужчина и его подруга стоят на отвоеванной пяди земли в борьбе за тепло и человечность для одной маленькой девочки.

Роберто тоже стоял, сверкающий, на полголовы выше меня, на целую голову выше Эйлис. Робот словно собирался с духом, или, может, правильнее было сказать - перестраивался, будто на параде принимал стойку вольно. Ни тени обвинения не прозвучало в тщательно отмодулированном голосе, когда он произнес:

- Вы говорите о друзьях-людях, надо полагать?

Я был явно не в своей лиге.

- Мы знаем, что о ней хорошо заботятся, - промямлил я.

Эйлис очень и очень чувствительно наступила мне на ногу.

- Можно нам с ней познакомиться? Пожалуйста!

- Через три часа она закончит уроки. Хотите прийти к этому времени на чай?

- Э... Конечно.

Эйлис сошла с моей ноги.

- Спасибо, Роберто. Мы очень ценим ваше приглашение.

Рука об руку мы прошли по подъездной дорожке, робоохранник - сланцевого цвета мазок размером с небольшую собачку, медленно вращавшийся под темно-зеленым кустом рододендрона, - нас словно не заметил.

К себе в дом мы вошли через дверь гаража. Я посмотрел на поддон робовсячины в разной степени разобранности. Эйлис чмокнула меня в щеку.

- Пойду подготовлюсь. Не хочешь поискать рабочий пылесос?

Я удивленно моргнул.

- Конечно.

У меня ушел почти час, чтобы освободить три робопылесоса,

протестировать их и решить, у какого есть реальный шанс очистить пол. Тот, который я в конечном итоге выбрал, был не современным и не серебристым, а, скорее, напоминал отполированный деревянный бугорок на резиновых ножках и с длинной царапиной вдоль спины, оставшейся с тех пор, как он врезался в стену так, что опрокинул на себя стеклянную вазу с полки. Присев на корточки, я потер знакомую спинку, разговаривая с чертовой штуковиной, словно с собакой:

- Что, на добрых пять-шесть поколений отстаешь от соседских, да? Тот, серебристый, может, и лучше всех, но ты мне нравишься.

Он не ответил.

Я отнес его по лестнице наверх, пятнадцать фунтов робомассы под мышкой. Когда я открыл дверь, запах теплой патоки сразу поднял мне настроение. Осторожно опуская пылесос на пол, я заметил, что в поблескивающей кухне он выглядит еще более стареньким и побитым, чем в гараже. Похлопав робота по спинке, я выпрямился и обнял Эйлис за чудный животик, поцеловал ее в макушку.

- Спасибо Джилли: она оставила нас в живых, чтобы ты испекла мне печенье.

Эйлис отмахнулась от меня кухонным полотенцем.

- Печенье для девочки. Охранники знали, что мы соседи. Мы ведь могли прийти взять взаймы чашку сахара, так? Они же не собирались нас пристрелить.

Я решил не спорить и не напоминать, что нас сбили с ног, и сменил тему, стащив печенье, которое камнем легло у меня в желудке. Мы собирались вернуться туда, где нас умышленно обработали шокером. Благие намерения, конечно, но моему телу это не нравилось.

Эйлис освежила макияж, надела чистую голубую рубашку, и мы отправились в гости; я осторожно нес дар соседской дружбы.

Серебристая робосадовница, которая, как я заметил, часто возилась с цветами, сейчас сгребала немногие листья, осмелившиеся упасть на идеально квадратный газон перед домом, и складывала их в красное пластмассовое ведро. Когда мы подошли, она выпрямилась, точно часовой, выставленный нас встречать. Один робоохранник сидел у ее ног, как собака. Остальные не показывались. Когда дверь открылась, я ожидал увидеть Роберто.

Но дверь открыла сама девочка. Она оказалась на голову ниже Эйлис, худощавая, с мускулистыми руками и ногами. Одета была в школьную форму: брючки и белая рубашка, зеленые кеды и зеленые носки. Бант в медовых волосах на сей раз был зеленый. Поразительной голубизны широко поставленные глаза испещрены золотыми и черными крапинками. Для своего возраста, лет одиннадцати-двенадцати, она выглядела чересчур уравновешенной, грудь и бедра у нее чуть наметились, она была, скорее, обещанием женщины. Но более всего меня поразило, что эмоций она проявляла еще меньше, чем роботы.

Без шуток.

Серебристая садовница приветливо улыбалась и стояла расслабленно, одной рукой опираясь о грабли. А девочка в дверях смотрела пусто. Если бы меня попросили определить чувство, отражавшееся на ее лице, я бы назвал страх. Но всего лишь его тень. Такой взгляд видишь у менеджера, когда падает курс акций, или у политика в ночь перед выборами.

Не обращая внимания на эту тень, Эйлис с улыбкой протянула девочке тарелку:

- Привет! Я тебе печенье испекла. Можно войти?

Девочка печенье не взяла, но ответила:

- Роберто попросил проводить вас внутрь.

Тут она легко повернулась на пятках и провела нас по просторному коридору с портретами на стенах, потом вверх по деревянной лестнице в кухню. Она не оборачивалась, пока не села за кухонный стол, и тогда повела рукой, словно приглашая и нас садиться. Невзирая на холодный, оценивающий взгляд девочки и серебристые машины у раковины, сама кухня казалась уютной и гостеприимной. Персиковые с коричневым стены оттеняли светло-угольные и серые акценты, на столе из полированной вишни - маленькие плетеные салфеточки перед каждым стулом. Какие отвели нам, было очевидно: стол накрыли на троих, и по одну сторону перед стаканом с водой уже сидела, сложив на коленях руки, хозяйка. Все это - дом, девочку, роботов, - казалось, привезли разом из дорогого бутика, и потому я вдруг почувствовал себя как на выставке.

Эйлис поставила тарелку на середину стола: от аромата еще теплого печенья у меня потекли слюнки. Она посмотрела на девочку, ей явно хотелось что-то сказать, но она сумела сдержаться и просто села рядом со мной; наши места располагались так, чтобы мы сидели напротив девочки и могли видеть балкон.

Роботица подала Роберто деревянный поднос с тускло-зеленым чайником и тремя маленькими чашечками в японском стиле. На прислуге были белое летнее платье и синий жакет, купленные, вероятно, по каталогу «Нордстром». Кивнув ей, Роберто сказал:

- Спасибо, Руби, - и перенес чай и блюдечко с бледными, тонкими печеньями на стол. Он глянул на подношение Эйлис, ее печенья, толстые и неказистые в сравнении с роботowymi, и сказал просто: - Спасибо.

От ощущения, что я здесь не на месте, и абсурдной мысли, будто Роберто выглядит в точности как злобный дроид из старых фильмов, я едва не расхохотался, и остановила меня только полнейшая серьезность девочки.

Осторожно взяв чашку, я медленно отпил. Настой теплый, но не горячий. Что-то мятное.

Эйлис сдалась, не выдержав молчания хозяйки:

- Спасибо, что приняли нас. Мы так рады с вами познакомиться. Меня зовут Эйлис, а это Пол.

- Знаю. - Она сглотнула, словно не представляла, как с нами разговаривать.

Молчание тянулось, пока Эйлис вновь не нарушила его:

- Как школа? Что ты проходишь?

Уголок рта девочки поднялся в странноватой улыбке.

- Сегодняшняя тема по физике - калиброванная сверхгравитация.

Ответ ничуть не обескуражил Эйлис, которой термин, вероятно, сказал столько же, сколько и мне, то есть ничего. Она ринулась в бой:

- А как насчет литературы или искусства? Ты и их тоже изучаешь?

Роботова девочка кивнула.

- Конечно. - Тут она замолчала, и на мгновение в ее лице снова мелькнул страх. И тут же пропал. - Мы пригласили вас сюда не для того, чтобы говорить обо мне. Мне бы хотелось, чтобы вы перестали за мной наблюдать.

Я моргнул, а Эйлис поморщилась.

Девочка продолжала:

- Я вас отсюда вижу. Мне не нравится, что там есть дом или что вы можете видеть меня со своего балкона. Мне это неприятно, и я хочу, чтобы вы перестали.

Она смотрела на нас в упор. Девочка не притронулась к чаю. Не взяла ни роботово, ни наше печенье.

Эйлис облизнула губы, подбородок у нее дернулся, но в остальном она казалась совершенно невозмутимой - этому она научилась, общаясь с раздражительными клиентами. Что, вероятно, не слишком отличалось от общения с раздражительными подростками. Она подалась вперед.

- Мы наблюдаем за тобой только потому, что нам кажется, ты очень одинока. Нам нет необходимости наблюдать и дальше. Но разве тебе не хотелось бы как-нибудь к нам зайти? Мы были бы рады показать кому-нибудь наш новый дом.

Роберто оцепенел, если про робота можно такое сказать. Чувств у них нет; роботы запрограммированы разыгрывать эмоции. Но он сделался чуточку выше и чуточку величественнее.

Девочка оглянулась на него, словно в поисках совета, и он едва-едва наклонил голову, как бы говоря: «Продолжай, ты все делаешь прекрасно».

Хозяйка перевела взгляд на Эйлис и покачала головой:

- Я просто хочу, чтобы вы перестали. Вы обещаете?

Эйлис прикусила нижнюю губу.

Я больше не мог этого выносить. Сам воздух в кухне пропитался неловкостью. Перед нами ребенок, который не хочет, чтобы за ним

следили. Откуда ему знать, с какими намерениями мы подглядываем? Стыд ожег мне щеки.

- Ладно. Я перестану за тобой наблюдать.

Эйлис бросила на меня взгляд, говоривший, мол, лучше бы предоставить разговор ей. Я потянулся за бледным печеньем, откусил краешек. Ваниль и сахар с толикой муки и яиц для связки. Печенье растаяло у меня на языке.

Я перевел взгляд на девочку, которая мне кивнула, ее лишённые юмора глаза не отрывались от моего лица. Мне она напоминала куклу. Очень хотелось увидеть, как она улыбается.

- Извини, что мы тебя расстроили. Мы не нарочно. - Я помедлил, и когда она промолчала, спросил: - Скажешь, как тебя зовут?

Она поджала губы и оглянулась на Роберто, потом на Руби. По всей очевидности, ни один из роботов не желал или не мог тут ее выручить. Потупившись, она промямлила:

- Каролина.

- Приятно познакомиться, Каролина. Хочешь попробовать печенье Эйлис? Это мое любимое.

Она мотнула головой.

- Мне нельзя есть приготовленное чужими. - Она встала и впервые повысила голос: - Теперь уходите. Пожалуйста, уходите!

Эйлис поморщилась, точно каждое слово Каролины было занозой. Встав, я взял подругу за руку и шепнул:

- Все хорошо. - Потом посмотрел на Каролину: - Нам бы очень хотелось еще раз с тобой увидеться. Мы не желаем никому зла, просто привыкли дружить с соседями.

Ложь чистой воды, но откуда девочке знать.

Каролина кивнула и тихо, но властно приказала Роберто:

- Проводи их.

На этом она повернулась к нам спиной и изящно выплыла из комнаты, спустилась по лестнице, а мы с Эйлис, не скрывая, смотрели ей вслед.

Руби тоже ушла.

Роберто же кинул нам:

- Я провожу вас до двери.

Взяв свою и мою чашки, Эйлис очень медленно и решительно подошла к раковине, чтобы поставить их туда. Повернувшись, она сказала:

- Спасибо за гостеприимство. - Потом мило улыбнулась Роберто и подмигнула мне: - Можно оставить несколько печений? Я положу одно лишнее, чтобы вы проверили на предмет яда.

- В этом, право, нет необходимости.

Реплика Эйлис прозвучала человечно и обиженно, даже немного желчно, а ответ Роберто - уравновешенно и абсолютно здраво. Я взял тарелку, от пережитого мне расхотелось говорить, но случившееся

наводило на серьезные размышления. Когда, открыв дверь, Роберто сделал шаг в сторону, давая нам дорогу, я спросил:

- Вы надеялись, что общение с нами пойдет девочке на пользу или что она сама нас прогонит?

Плотная линия серебряных губ даже не дернулась, но он мне подмигнул. Потому что видел, как Эйлис подмигивает? Потому что хотел сказать «да» на один из моих вопросов? Потому что ему в камеру соринка попала? Я вывел Эйлис на крыльцо, и мы осторожно спустились на дорожку. Даже когда я обернулся посмотреть на балясины и перила лестницы, на поддельное тепло чересчур глянцевых портретов, Каролины не было и следа. Мы миновали всех трех мерзких серых робоохранников с излишком ног. Наконец я сумел подсчитать: по семь на каждого. Не вполне пауки.

Едва мы очутились в безопасности собственного участка, Эйлис повисла на мне. Я думал, она будет вне себя от ярости, но по щекам у нее текли слезы, и она прошептала несколько раз «бедный ребенок», прежде чем позволила мне поцелуями их осушить. И отвести в дом. Той ночью мы заперлись в спальне, прикончили две бутылки шираза, а после старались отвлечь себя сексом, потом лежали, обнявшись на широкой кровати.

Ближе к рассвету я проснулся и увидел, что Эйлис сидит спиной ко мне, смотрит в темное окно, где единственным светом была узкая стружка луны, висевшая между двух сучьев. Ее плечи содрогались от беззвучных рыданий.

* * *

На следующее утро меня разбудил запах свежего кофе. Эйлис сидела за кухонным столом, хмурая лоб.

- Теперь мне кажется, я даже на собственный балкон не могу выйти, а мне надо... удостовериться, что с Каролиной все в порядке.

Я налил себе чашку черного наслаждения и уставился за окно. Отсюда роботов дом не был виден, зато в деревьях прыгали три толстые белки.

- Она оказалась не слишком приятной, - заметил я.

- Возраст такой... я знаю... обе мои сестры через это прошли.

Я был единственным ребенком в семье и не помню, чтобы вообще был угрюмым.

- А ты?

- Вероятно. - Она отпила кофе. - Но сомневаюсь, что человек так же хорошо помнит собственные глупости, как глупости тех, на кого приходится смотреть. Я думала, мои сестры с ума сошли. Мама говаривала, что подростками мы больше всего в ней нуждались.

Наверное, она была права.

- Мы-то что можем сделать, - пробормотал я.

- Каролина ничего не сказала о родителях. Должны же они у нее быть. Подойдя к холодильнику, я подождал, пока откроется дверь, и порылся в поисках хлеба для тостов.

- У меня есть идея.

- О? - Она подняла бровь.

- Ты имеешь виды на остальных роботов? - Половина была исправна, когда мы их упаковывали, остальные в основном нуждались в простых мелочах вроде батареек, или новых шин на колеса, или новых чипов для мозгов. Кое-что я намеревался извлечь из самых старых и ломаных. - Я хочу сказать, не стоит ли нам начать экономить на настоящего домашнего робота?

Она бросила в меня салфеткой. Лоскуток не долетел, просто затрепыхался и упал на пол. Эйлис нахмурилась.

- Я могу всех пустить на запчасти?

- Можешь хоть в реку бросить, если хочешь.

- Королева экологии желает загрязнить девственные воды округа Ист-Кинг?

Не прошло и часа, как она сошла вниз мне помогать. Мы открыли двери гаража, впуская легкий ветерок и блеклый свет облачного дня. Мы использовали двух роботов, которых я отверг сегодня утром: красного и серебристого. Соединив их клеммами, я получил туловище, потом мы оторвали конечности у пары садовых ботов, чтобы сделать ему руки и ноги. С головой не пришлось возиться: у меня был круглый бот с цветными лампочками - изначально от какой-то игры в боевые единоборства, - на макушке у него имелась цепь, которую Эйлис намотала так, чтобы получилась прическа. Я поморщился, когда она закрепила «волосы» клеем. С тех пор как мы стали встречаться, я больше не играл, но робот мне нравился.

Перед самым ужином мы втащили наше составное чудище на два пролета лестницы и водрузили на складной стул посреди балкона. Я закинул ему ногу на ногу и установил цветной пластиковый стаканчик на секаторе, служившем ему правой рукой. Эйлис нацепила ему на голову старые очки для виртуальных игр и возилась с камерами, пока не установила их под нужным углом, а потом постучала легонько по круглой голове и торжественно сказала:

- Нарекаю тебя Франкенботом.

- Удачная идея.

Выставив бедро, как довольная собой девчонка-подросток, она посмотрела на наше неуклюжее многоцветное творение.

- По-твоему, нам нужен второй?

Я поморщился. Идея-то была моя, но проще от этою не становилась.

- Давай понаблюдаем пару недель. Если потребуется, пойдём на

свалку и наберем еще запчастей. Посмотрим, как отреагирует Каролина.

Мы переключили кухонный компьютер на камеры Франкенбота, чтобы видеть роботов дом, пока играли в слова за кухонным столом.

Следующие два дня жизнь шла своим чередом, только следить за соседями мы ходили не на балкон, а на кухню, где пили кофе в дружеском молчании, переключаясь с новостей на погоду, на кухню роботов и назад. От наших занятий меня бы дрожь пробрала, да только я видел вспышку страха в глазах Каролины и не мог этого оставить. Я должен был сделать так, чтобы ребенок перестал бояться.

На третий день мы, как всегда, вышли на прогулку мимо роботова дома. На городок надвинулся мелкий морозящий дождь, поэтому я надел голубой комбинезон для сырой погоды, а Эйлис натянула на голову красный капор и закуталась в желтый плащ-пончо из нового наноматериала, такого скользкого, что вода собиралась на нем каплями, которые, скатываясь, падали с подола на носки туфель владелицы.

Когда мы проходили мимо роботова дома, серебристая садовница скользнула к самому краю подъездной дорожки. Проигнорировав ее, мы пошли дальше, прогулялись с полмили по лесу и повернули назад.

Роботица нас все еще ждала. Когда мы поравнялись с ней, я весело помахал ей рукой.

- Доброго дня.

- Каролина говорит, нечестно.

Эйлис мило улыбнулась садовнице.

- Просто мы так вами восхищаемся, что решили, мол, тоже хотим себе робота.

- Это не робот. - Роботица была такой же блестящей и совершенной, как Роберто и Руби, но двигалась не так плавно и малость поскрипывала, когда поворачивала голову вправо. Все равно в сравнении с ней наш Франкенбот был жалким уродцем.

Эйлис кивнула садовнице:

- Не хотите зайти в гости?

Роботица покачала головой:

- У меня тут работа. И вообще, Каролина ни за что меня не отпустит.

Кажется, наметился прогресс. Вернувшись домой, мы прыгнули в машину и поехали в Сиэтл побаловать себя стейками. За обедом мы пытались решить, Каролина растит роботов или они ее. Полной ясности мы не достигли.

* * *

Несколько недель ничего существенного не происходило. Мы

наблюдали за девочкой глазами Франкенбота, а она то наблюдала за нами в ответ, то совершенно нас игнорировала. Однажды по пути домой мы заметили огромный черный лимузин, который отъезжал, возможно, от роботова дома. Но тем вечером ничего как будто не изменилось, поэтому мы решили, что это были гости других соседей.

Фондовая биржа вступила в период стабильного роста, особенно в сфере наноматериалов, генетики и клонирования животных, так что у меня появилось свободное время (клиенты не так требовательны, когда текут денежки). Я возился с Франкенботом. Однажды Эйлис застала меня за этим занятием и сказала после продолжительного раздумья:

- Хватит железок! Пора попробовать что-то мягкое.

Мы взяли трехмесячного щенка: выбрали в приюте метиса лабрадора с рыжим мазком на кончике хвоста и рыжей лапой. Он многое привнес в дом: следы грязных лап, щенячью шерсть повсюду, шум и суету. Мы назвали питомца Бэр.

Бэр внес изменения в затяжную игру «Заинтересуй Каролину», которую мы затеяли. На третий день выгуливания неуклюжего очаровашки Бэра мимо роботова дома я заметил, как девочка подглядывает за нами из окна. Она стояла неподвижно и, даже когда встретилась со мной глазами, не отвернулась. Еще через два дня они с Роберто перебрасывались голубым мячом на газоне, а садовая роботница выступала зрителем. Каролина делала вид, будто нас не замечает, но стояла под таким углом, чтобы краем глаза все видеть.

Так сложился ритуал: мы гуляем, они играют, всегда в одно и то же время, когда солнце стоит высоко, а день самый теплый. Здороваясь при встрече, мы махали девочке рукой. А остаток прогулки занимались исключительно друг другом и Бэром.

Родители не объявились.

За пределами дома Каролину всегда сопровождали садовница и Роберто. Когда она готовила уроки, с ней была Руби. Руби же каждый вечер расчесывала воспитаннице волосы.

После одного дня, такого дождливого и ветреного, что сама мысль о металлическом человеке и девочке, удовольствия ради играющих под дождем, казалась совершенно нелепой (но они все равно играли), Эйлис посмотрела на меня, вытирая густую шерсть Бэра.

- Думаю, она начинает нам доверять, но даже Бэра для последнего шага недостаточно.

Широким розовым языком Бэр вылизал Эйлис лицо.

- Знаю, - поддразнила его она. - Не твоя вина, что ты недостаточно хорош. Думаю, такого вообще не найти. Понимаю, тебе тоже хочется с ней поиграть. - Эйлис снова взглянула на меня. - Надо придумать еще что-то... Деньги у нас сейчас есть.

Я бросил запланированный на тот день фундаментальный анализ

рынка и провел несколько часов в Сети, выискивая что-нибудь подходящее. Безрезультатно. Тут Эйлис позвала меня вниз: у нас завелся ритуал смотреть, как на лес опускается ночь. Мы привыкли оставлять на полчаса любую работу и наблюдать, как блекнут краски. На первом этаже дома располагалась застекленная веранда с качалкой, где как раз хватало места для нас двоих и Бэра. В окно видны были стволы деревьев и метров двадцать опушки, которую мы создали, полив собственной кровью заросли ежевики, когда рубили, вырывали и пилили колючки. Получившаяся лужайка привлекала кроликов, белок, опоссумов, оленей, а однажды даже одинокого койота, который смотрел на нас с четверть часа и вдруг исчез, едва мы отвели взгляд. На сей раз, пока свет менялся с золотого на серый, у края деревьев мирно паслись три оленя. Белые хвостики ходили вверх-вниз.

Эйлис прижалась ко мне. Бэр довольно поскуливал.

Олени напомнили мне рекламу, на которую я наткнулся несколько раз в моих поисках.

- Пожалуй, пора подумать об украшениях к Рождеству.

- Что? - Эйлис обратила ко мне свое лицо, пахло от нее горячим чаем.

- Еще только второе ноября.

- Послушай, Франкенбот - неплохая идея, но ведь он сидит неподвижно.

Эйлис посмотрела на меня вопросительно.

- Ну и?.. Он ей нравится. Я вижу, как она время от времени на него поглядывает. И это способ наблюдать за девочкой.

Теперь мы нечасто «смотрели» его глазами, ведь особо ничего не менялось. Я даже смастерил пару шарниров, чтобы он мог поворачивать голову, а мы - наблюдать за птицами в кронах, а не за неприступной и чуть печальной Каролиной и ее семьей серебристых машин.

- Ну, Бэр подействовал лучше, он ведь выманил ее на улицу. - Потянувшись, я успокаивающе похлопал пса по спине, чтобы тот чуть успокоился и не спугнул оленей. - Но пони мы здесь завести не можем, а значит, поднять ставку, вероятно, не удастся.

- Бэру не помешал бы товарищ.

- Возможно, то, что у меня на уме, ему понравится.

Как выяснилось, не понравилось.

Я купил и запрограммировал трех оленей: самца, самочку и олененка. Они были серебряными, такими же, как домашние роботы Каролины, и гладко обтекаемыми, даже когда двигались. На год, возможно, на два современнее любых домашних роботов, шкурки блестящие и шелковистые, глаза - камеры (у всех роботов глаза - камеры), но способные двигаться, моргать и почти такие же одухотворенные, как у живых оленей. Их снабдили программой естественных движений и

даже повадок, чтобы они выглядели пугливыми и чуть диковатым. В первый раз, когда я их включил - под вечер седьмого декабря, - Эйлис вышла и принялась фотографировать зверей, снимала крупным планом округлые носы и изящные ушки.

Стоя на краю двора, я нажал кнопку.

Олень повернул голову и потерся о плечо Эйлис, та подпрыгнула от неожиданности, но потом улыбнулась и заставила их ходить за собой хвостиком.

Едва Бэр их увидел, шерсть у него на загривке стала дыбом, и он разлаялся. Мы так увлеклись щенком, что ничего больше не замечали, пока наконец его не изловили. Эйлис, крепко держа поводок еще вырывающегося песика, посмотрела на меня и сказала:

- Обернись.

У самого забора стояли, молча глядя на нас, Роберто и Руби. Заговорил Роберто:

- Каролина подумала, что с собакой случилось что-то плохое.

У меня за спиной Бэр снова взвыл, потом со щелчком открылась дверь. Эйлис вполголоса отдала приказ, и дверь скользнула на место.

- Думаю, мы его напугали, - сказал я.

Эйлис подошла к забору.

- Он оправится. Но, пожалуйста, передайте Каролине, что мы ценим ее заботу. Скажите, его зовут Бэр.

Роберто кивнул.

- Ей будет приятно узнать.

Теперь кивнула Эйлис.

- Не хотите зайти?

Оба в унисон качнули головами.

- Пожалуйста, - шепнула Эйлис. - Передайте ей, что она может прийти в гости. Ведь девочка должна иногда куда-нибудь ходить.

Один из серебристых оленей - олененок - подошел, чтобы стать у забора с нашей стороны и, прядая металлическими ушами, посмотреть на двух роботов.

Роберто глядел оценивающе и молча, но Руби протянула зверьку серебристый палец, и, не будь она роботом, я бы сказал, что она им восхитилась. Она даже улыбнулась.

- Девочке хотелось бы посмотреть на оленей, верно?

- Не знаю, - ответил Роберто.

Эйлис положила мне руку на плечо.

- Вы Рождество празднуете? Она подарки получит?

Тут заговорила Руби - впервые. Голос у нее был шелковистый, с естественными человеческими интонациями:

- Конечно, получит.

- От кого? - спросила Эйлис.

- Каролина приказывает нам вернуться, - сказал Роберто.

Значит, она могла общаться с ними даже на расстоянии. Я посмотрел в сторону их дома, но в окнах ничего не разглядел. Возможно, хозяйка могла видеть их глазами, как мы видели ее через Франкенбота.

- Приходите, когда хотите, пожалуйста, - пригласил я. - И Каролина тоже, если пожелает. Мы ее не обидим.

Роботы ушли, а мы вернулись в дом успокаивать Бэра.

* * *

На следующее утро Эйлис уехала рано, так что я один повел Бэра на полуденную прогулку - под дождем со штормовым ветром, который почти горизонтально гнал мелкие капли. Каролина впервые помахала мне в ответ.

Эйлис вернулась только перед самой нашей вечерней вахтой. С собой она привезла иглу, нитки и огромный мохнатый сверток. Присмотревшись внимательнее, я умудрился угадать в нем пушистую игрушечную собаку. Пока за окном темнело, Эйлис пришила зверьку глаза.

- Тебе надо это видеть, - позвала она, когда я включил свет. Обрезав нитку, она поднесла существо к свету.

Создание было мохнатее Бэра и пошире его, но определенно из собачьих.

- Синди помогла мне ее сшить.

Так звали подругу Эйлис, которая увлекалась шитьем из лоскутков и имела швейную машину.

- Для Каролины?

- На Рождество.

Ночь игрушечный песик провел на кухне. Эйлис отнесла наверх две чашки чаю, и мы сидели бок о бок, смотрели вверх Франкенбота и гладили Бэра. Эйлис была прекрасной, как в тот день, когда мы тут поселились, возможно, даже красивее из-за непреклонной решимости на лице. Она твердо намеревалась так или иначе завоевать эту потерянную девочку. Я обнял подругу, прошептал: «Люблю тебя», чувствуя ее дыхание и биение сердца, запах чая и мокрой собаки, и всего, что делало наш дом домом.

Утром перед работой Эйлис упаковала песика в веселенький красный с зеленым пакет. Когда мы отправились на дневную прогулку, пакет она прихватила с собой. Было холодно и ясно, дыхание вырывалось паром изо рта. Мы остановились полюбоваться тремя серебряными оленями, пасущимися у края опушки, а белка стрекотала им с ветки. Когда мы свернули с подъездной дорожки на шоссе, наши ноги вдруг словно прилипли к асфальту. Даже Бэр застыл и зарычал низко.

Я подумал, не зарычать ли и мне тоже, но решил, что лучше не надо.

У крыльца дома Каролины опять стоял длинный черный автомобиль. Объявились ее родители? Она уезжает? От этой мысли мне стало одновременно счастливо и грустно. Лимузин, наверное, едва успел подъехать, от капота в холодный воздух еще поднимался парок - и, наверное, сделал большой крюк по задам, так как мимо нас не проезжал.

Дверь открылась, и со стороны водителя вышла сутулая старуха. Поднявшись на крыльцо, она выжидательно посмотрела на дверь. Все три робоохранника вились у ее ног, ластились как кошки. Синхронно открылись остальные дверцы, и разом из машины вышли три поблескивающих робота. Я опознал их: они были из того же каталога, по которому я купил оленей, с той же «невероятно гладкой кожей, созданной из миллиона миллионов наносуществ». Всех их рекламировали как последнее достижение в области наноматериалов для роботехники.

Входная дверь отворилась, и вышли Руби, Роберто и садовый робот, на фоне новых они явно проигрывали. Новые сияли как солнце.

Роберто, Руби и садовница казались печальными. Я подумал про оленей, которые выглядели счастливыми, пусть даже не были ни счастливыми, ни грустными, и напомнил себе, что чувствовать роботы уж никак не могут. Я, наверное, навоображал себе всякого, и глупо, что мне вдруг захотелось узнать, как зовут садовую роботицу с серебряными ножницами и красным ведерком.

Следом за роботами плелась Каролина. И выражение ее лица заставило меня шагнуть к самой границе участка. Глаза девочки покраснели от слез. За месяцы наших за ней наблюдений она никогда не плакала. Она была крепкой.

Три новых робота стояли в сторонке. Ждали. Блестели. Вся одежда на них была новой.

Три старых робота скользнули на сиденья большой машины, плавные как вода, шелковые как серебро, - движение одновременно простое и бесповоротное.

Каролина закрыла лицо руками.

Эйлис слабо охнула от боли, такой глубокой, что заставила меня сделать еще шаг - за границу и туда, где старуха стояла рядом с Каролиной, наблюдая за ней, но ее не касаясь. Со мной был Бэр, и я натягивал поводок на случай, если робоохранники отвлекутся от старухи. Эйлис повернулась ко мне: лицо у нее было такое же потрясенное, как у Каролины. Я не понимал, что происходит, кроме очевидного: эта старуха забирает у Каролины семью и дает ей получше, поновее.

У самой старухи в глазах сверкала сталь, человеческая сталь. Выглядела она, по меньшей мере, на семьдесят, чуть сморщенная и сгобленная. Но никак не хрупкая. Мне не следовало бы удивляться,

когда она произнесла:

- Здравствуйте, Эйлис и Пол.

Я оглянулся на Каролину и увидел, что она стоит у дверцы, за которой исчез Роберто, смотрит на нас и одновременно цепляется за ручку. Дверь, казалось, была заперта.

Оборачиваясь к старухе, я постарался совладать с яростью:

- А вы кто?

- Джилли.

Это имя я уже слышал. В первый же день, когда мы пришли сюда.

- Вы глава службы безопасности Каролины?

- И можете заодно рассказать, где ее родители? - прошипела из-за моего плеча Эйлис. - И почему ее оставили совсем одну. - Ее голос взмыл так, что я одновременно поморщился и испытал прилив гордости. - И почему ей нельзя уехать? Нельзя приласкать собаку? - Она опустила глаза на Бэра, который переводил взгляд с Джилли на свою явно расстроенную хозяйку, точно пытался решить, кто требует большего внимания. - Почему ей нельзя прийти посмотреть на наших оленей, нельзя даже есть мое печенье?

Старуху вспышка Эйлис как будто смутила.

Глаза Каролины расширились, но она промолчала. Страх в них был сильнее, чем когда-либо. Только на сей раз она смотрела не на меня. Бедный ребенок.

Сделав глубокий вдох, я внес свою лепту:

- И почему вы увозите единственную семью, какая у нее есть?

Тут Каролина на меня заорала:

- Это все олени! Ваши чертовы олени лучше, чем Роберто и Руби и Джилли не может этого стерпеть!

Наконец-то она повела себя как человек. Джилли ответила тихо и уверенно:

- Нет. Твоих слуг модернизируют раз в три года, и ты это знаешь. Просто время пришло.

- Это из-за оленей! - не унималась Каролина.

Я постарался говорить спокойно, но мой голос дрожал:

- Они только украшение к Рождеству.

Скорее всего, Джилли заменила роботов, потому что они пришли посмотреть на оленей. Перед моими глазами стояла картина: серебристый палец Руби тянется к серебристому носу олененка.

- Она когда-нибудь с родителями видится? - вступила Эйлис. - Им хоть какое-то дело до девочки есть?

Семиногие робоохранники беспокойно закружили вокруг старухи. Та подала им несколько сигналов рукой, и они остановились - все три одновременно, между ней и нами.

- Вы перешли границу. У меня нет законного права убить вас, а вот любую собаку без поводка - есть,

Эйлис резко вдохнула.

Ярко-красная точка вспыхнула на поводке Бэра чуть ниже моей руки.

- Нет! - выкрикнула Каролина.

- Тогда иди в дом, - велела Джилли.

Чтобы попасть в дом, Каролине пришлось пройти мимо нас. Эйлис протянула ей пакет. Удивительно, но Джилли промолчала и позволила Каролине унести подарок с собой. Три новых робота последовали за ней, двигаясь даже еще более плавно, чем прежние.

Я посмотрел на старуху.

- Роберто однажды упомянул ваше имя, но я решил, что вы тоже робот. Теперь, когда я с вами познакомился, мне жаль, что моя первая догадка не попала в цель. Вы не можете дать девочке роботов вместо семьи, а потом забрать их.

Руки у меня тряслись - от страха и от злости. Конечно, нельзя позволить, чтобы такое творилось дальше. Бедный, бедный ребенок.

Джилли поджала губы и на мгновение стала похожей на всех сварливых старух, каких я когда-либо встречал. Одежда на ней была стоимостью, вероятно, в пару тысяч долларов, а драгоценности - на еще большую сумму. Тысячи долларов в роботах кружили у ее ног. Она казалась каменной.

- Пожалуйста, - взмолилась Эйлис. - Оставьте прежних роботов.

Вдруг какой-то оттенок человечности промелькнул во взгляде Джилли, и складки ее губ смягчились. Старуха сделала глубокий вдох.

- Ее родители мертвы. Их не стало семь лет назад. Содержание девочки оплачивает бабушка, а я ухаживаю за этой бабушкой. Вот и все, что я могу сделать. Никого больше нет. Если с одной из нас что-то случится, заботу о девочке возьмут на себя власти.

Она подождала, давая нам это усвоить. Возможно, старуха сказала так, чтобы мы перестали ее донимать, возможно, потому что это была правда. По возрасту она вполне годилась на ту самую бабушку или подругу бабушки. Будут растить ребенка Роберто с Руби или власти штата Вашингтон - еще неизвестно, что лучше.

Эйлис обняла меня за талию. Когда я заканчивал школу, то дружил с двумя девчонками, жившими в приемных семьях. Одна жила счастливо, поступила в колледж, стала юристом. Другую игнорировали как родители, так и государство. Каролина достаточно взрослая, чтобы легко найти новую семью. И, по всей очевидности, богатая. Штату могут понадобиться ее деньги. Но даже будь у чиновников добрые намерения, знают ли они, что делать с таким ребенком? Да еще с такими выдающимися способностями к физике? Нам позволят ее удочерить?

Джилли словно прочла мои мысли:

- Девочка в безопасности и на полпути к своей первой степени бакалавра.

- Но она одинока! - вырвалось у Эйлис. - Разве вы не видите? Ведь деньги-то есть! Взгляните на этот дом! Наймите людей, пусть о ней заботятся они, а не роботы.

Джилли долго на нас смотрела, потом закрыла глаза и забормотала. Я не увидел микрофона у ее уха, но седые кудри были достаточно густыми, чтобы его спрятать. Несомненно, она с кем-то разговаривала. Тем временем мы стояли неподвижно, шевелились только Бэр, который пытался уследить за всем одновременно, и робоохранники, старавшиеся наблюдать за Бэром, за периметром и за нами. Спустя несколько минут, показавшихся вечностью, Джилли обратилась к нам:

- До недавнего времени с ней жила учительница. Два года назад девочка переросла ее возможности, и... ситуация... осложнилась. Каролина исключительно одаренный ребенок, а в теперешних обстоятельствах развивается успешнее, нежели в предыдущих.

Старуха говорила абсолютно убежденно.

Мы молчали. Думаю, Эйлис, как и я, потеряла дар речи.

- Каролина уже дотянулась до того уровня физики и математики, который под силу лишь профессорам. Она делает большие успехи под наблюдением учителей-машин.

- У нее нет друзей! - взорвалась Эйлис. - Оставьте ей хотя бы Руби.

Джилли стояла и смотрела на нас, робоохранники возбужденно выписывали круги, поднимались и опускались, точно нервничали. Но по крайней мере перестали раскрашивать красным поводок.

Лицо Каролины было прижато к окну второго этажа, она смотрела на всех нас. Она снова плакала, буравила взглядом машину. Она прижимала к себе игрушку, которую сшила ей Эйлис. Лица Эйлис я не видел, но надеялся, что ей видны девочка с собачкой.

- Когда вы в последний раз меняли ее надзирателей?

- Думаю, вам пора уйти, - изрекла Джилли.

Слова она сопровождала сигналами, повинуюсь которым, роботы подобрались так близко, что Бэр зарычал и залаял. Мы отступили, но я ненавидел каждый шаг. Ситуация обернулась странной ловушкой: для Каролины - безусловно, но и, возможно, для нас. Мы стояли у подъездной дорожки, давая длинному черному лимузину спокойно уехать.

- Ох, а я-то думала, что ненавижу происходящее, - сказала Эйлис. Она не плакала, только стала тихой и гневной.

- Ты видела Каролину с собакой? Думаю, игрушка ей понравилась,

- Надо было зашить в нее ножовку.

- Возможно. По крайней мере, теперь у нас больше информации. Пойдем, не будем лишать Бэра привычной прогулки.

Так мы и сделали. Ушли. Чуть печальные. На обратном пути посмотрели на дом Каролины, но девочки у окна уже не было. Робоохранники постарались попасться нам на глаза, зависли у

границы участка, такие же угрожающие, как в тот первый раз, когда мы с ними столкнулись. Я волочил ноги, а прекрасная Эйлис казалась скорее безумной, чем одухотворенной. Наконец мы добрались домой.

До сумерек оставалось еще несколько часов, но мы бессознательно выбрали застекленную веранду, а там, завернувшись во флисовые одеяла, смотрели, как легкий ветер мягко раскачивает ветки. Время животных еще не пришло, и мы видели только птиц: двух ворон и сойку. Бэр дремал, свернувшись калачиком, а я гладил волосы Эйлис, жалея, что мы вообще сюда переехали, увидели роботову девочку, попали в ситуацию, разрешить которую совершенно бессильны. Некоторое время спустя Эйлис встала и приготовила пахучий черный чай, а еще через полчаса Бэр стал проситься наружу. Мы выпустили его, но вернулся он очень быстро: олени пугали его. Эйлис приласкала пса, прижала к себе.

- Я тоже ненавижу роботов.

- Может, запрограммировать их, чтобы они завтра сходили к девочке? Эйлис рассмеялась - чуть печально.

- Грустно будет, если их уничтожат злобные охранники.

Мы сидели и смотрели, как день соскальзывает во тьму, не шевелились, пока из-за темноты уже не видели выражения лиц друг друга, а Бэр не начал потягиваться, спрашивая, будет ли ужин.

На кухне я по привычке навел камеры Франкенбота на роботов дом. Потом хотел уже выключить, когда вдруг заметил кое-что.

- Эйлис! Иди сюда!

Она очутилась подле меня в мгновение ока.

Окно кухни было заклеено большим квадратом чего-то белого - может, оберточной бумаги или картона. На нем - выведенные от руки слова: **МОЖЕТЕ ТЕПЕРЬ СИДЕТЬ НА СВОЕМ БАЛКОНЕ!**

Она говорила, что теперь мы можем пользоваться балконом потому, что заклеила окно? Или что-то другое?

А вот Эйлис как будто переполняла уверенность. Она отнесла наверх бутылку шираза и два бокала. Дверь спальни беззвучно скользнула в сторону при нашем приближении, мы сели рядом с Франкенботом - вдвоем на свободный стул. Эйлис налила по полбокала. Свой она чуть приподняла в тосте.

- За Франкенбота, за наш первый прогресс. - Она почти любовно погладила робота по чуть заржавевшей голове.

Я сомневался в наших достижениях, но все равно отхлебнул. И добавил собственный тост:

- За Роберто, Руби и безымянную садовницу.

Эйлис рассмеялась. Бумага в окне соседского дома отодвинулась, и Каролина помахала нам рукой.

Два из трех новых роботов стояли в кухне с непроницаемыми и блестящими серебристыми лицами.

Слишком далеко было, чтобы определить наверняка, но мне подумалось, что Каролина улыбается.

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

© Brenda Cooper. The Robot's Girl. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2010 году.

**УИЛЬЯМ ПРЕСТОН
КАК Я ПОМОГ ПОЙМАТЬ СТАРИКА**

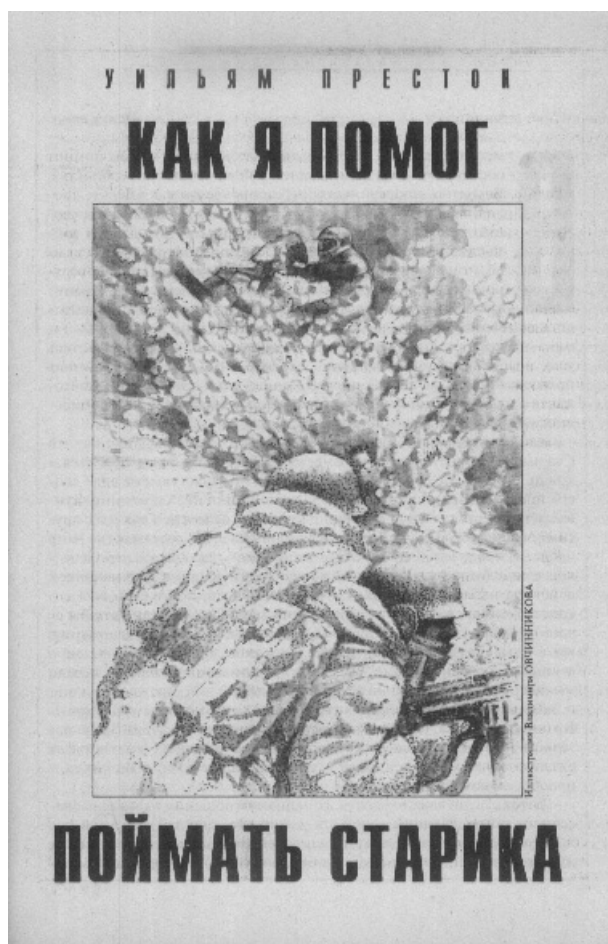

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Моему отцу.

В месяцы затишья я по большей части верил, что он помнит обо мне, но пока не нуждается в моих особых способностях. Вероятно, процесс, который он определял как «Дело», продвигался, хотя мир и казался

просто переполненным тревогами и несчастьями, даже несмотря на то что холодная война доползла наконец до своего скучного финала. Рассказы об этом человеке по-прежнему иногда всплывали на поверхность океана прессы, но появлялись не на первых страницах, как бывало в середине века. Его свершения затушевывались одновременным валом близняшек-новостей на популярные темы - терроризм и светская жизнь знаменитостей, которые казались мне, воспитанному на изучении человеческих культур, всего лишь перевознесением все тех же смертельно скучных тщеславных ничтожеств с их верой в собственную значимость и навязчивой потребностью оставить свой след в истории.

На самом деле мне позволило жениться растущее ощущение, что Старика я попросту выдумал. Вместе мы пережили более трех десятков приключений за более чем десять лет, но зачастую я не знал своего предназначения в операции, и порой эпицентр событий оказывался на расстоянии в несколько тысяч миль от места, куда мы с другими ассистентами были привлечены. За это десятилетие мир предстал предо мной гигантским механизмом, где каждое человеческое деяние было тесно связано с каким-то другим, и за этой цепочкой действий наблюдал Старик, который, казалось, постоянно был сосредоточен на спасении от разрушения всей планеты или хотя бы ее части. По прошествии лет у меня сформировалось иное впечатление: все мною сделанное было направлено либо по касательной, либо в сторону от основной цели. Тихими одинокими вечерами передо мной яркой чередой проносились сцены из той, прежней жизни, в остальное же время навязчиво донимала нынешняя реальность. В конечном итоге, у меня не осталось никаких вещественных свидетельств тех памятных событий, кроме боли в левой ноге в ненастье да ежеквартальных дивидендов от нескольких североамериканских горнодобывающих компаний.

Любовь, душевная близость, семейные отношения оказались спасением, определяющим счастье в жизни, по крайней мере для нас с Кларой. Даже если солнце расширится и расплавит свои планеты или наш хрупкий мир со всем своим бесконечно накапливаемым вооружением сгинет в им же вызванном пламени, наши простые радости все же останутся с нами, пусть и ненадолго.

* * *

Наутро после свадьбы мы с Кларой разбирали подарки в моей бруклинской квартире. Я сидел на диване, положив ноги на кофейный столик, и составлял список подарков и дарителей, а жена диктовала. Она сидела на коленках в углу комнаты среди коробок.

- На этой нет имени, - сообщила она.

Когда-то давно, когда жизнь моя была насыщена тайнами, подобное могло заинтересовать меня, но теперь я просто сказал: «Хм», - и подождал продолжения. Оберточная бумага была серебристой, без рисунка; Клара развернула ее и приподняла повыше коричневую коробку. Открыв ее, жена заглянула внутрь:

- Что у нас тут?

- Что?

Она нахмурилась и вытащила гнутый кусок металла размером с нож для сыра. Клара повертела предмет, чтобы взглянуть на блестящую поверхность под другим углом.

- Надпись, - сказала она. - Или гравировка.

- И что там?

- Иди посмотри сам. У меня ноги занемели.

Я скривился и с кряхтением поднялся. Подумал было проворчать что-нибудь по поводу своих преклонных годков и трудностей с передвижением, но в такой день вряд ли было бы уместным напоминать о десятилетней разнице в возрасте между нами.

Она протянула мне вещицу. Я увидел, что она имела в виду: загадочная надпись - выгравированное по металлу слово «ВЕРУЙ» печатными буквами, и дата - десять лет назад. Подняв очи горе, я попытался мысленно вернуться в тот день и вспомнил фальшивое инопланетное вторжение, долженствовавшее скрыть криминальную программу торговли людьми, и летательный аппарат, сгоревший в великолепном ярком пламени, который мы взорвали (в основном для собственного удовлетворения) в пустыне за пределами территории Храма. Воистину «Веруй»!

- Почему ты улыбаешься? - спросила жена.

* * *

Я читал лекции по антропологии студентам-первогодкам в холодном помещении из бежевого кирпича. Старые окна, в большинстве своем утратившие жалюзи, охотно позволяли зиме присутствовать на занятиях: мои глаза часто слезились от яркого белого света позади сидящих полукруглыми ярусами студентов.

Группа была немногочисленной, и я сразу заметил присутствие незнакомого юноши. По окончании лекции он замешкался, потом стал постепенно, шаг за шагом спускаться с яруса на ярус; его медлительность определенно указывала: он ждет, когда мы останемся с глазу на глаз.

- Чем могу вам помочь, молодой человек? - спросил я. Он не смотрел в мою сторону, сосредоточившись на ступеньках, но на последних

словах поднял голову.

Он топтался в стороне, пока последние студенты выходили из аудитории, а я собирал портфель и уже вешал на плечо спортивную сумку.

- Я здесь, чтобы доставить послание, профессор Лэнаган. .

- Неужели?

- Так и есть, - кивнул он и вытащил листок бумаги. - Мой... шеф предпочитает связываться с людьми лично. - Он поморгал, словно забыл нужные слова. - В ином случае он просто отправил бы вам официальное письмо.

Лист бумаги был сложен дважды.

- Что там?

- Пожалуйста, прочтите.

Я прочел. Дважды.

- И почему я должен принимать это всерьез?

- У меня также есть, что передать на словах, - сообщил он. - В прошлом году один студент зашел в контору департамента финансовой помощи и принес с собой взрывное устройство. - Я напрягся. - Вам посчастливилось находиться там в этот момент, и вы увидели в туалете, как он заряжает устройство. Вы ему помешали, задержали и связались с полицией. Вы попросили представителей власти не упоминать вас в связи с этим делом, и они согласились.

- Как же вы об этом узнали?

Он кивнул на развернутое послание у меня в руке.

- Кому же и знать, как не ему? - Впервые его кроткое, спокойное лицо треснуло кривой улыбкой, и, словно из-за этого, голова склонилась к плечу, которое, в свою очередь, изобразило нечто вроде пожатия. - Просто он все знает. Так или иначе, я сделал все в надлежащее время и в надлежащем месте, а теперь мне пора на встречу с другими людьми... Итак, - он поколебался, - было приятно пообщаться, - сказал он и ушел.

Я стоял столбом, пока не обнаружил, что смотрю на чистую сторону листа, словно там имелось скрытое послание с инструкциями, как действовать дальше.

* * *

Мне всегда было неловко называть его по имени - подобная фамильярность казалась неуместной. Кличка, которой наградили его предыдущие помощники и газетчики, совершенно ему не подходила. Вместо этого я внедрил прозвище, подхваченное почти всеми помощниками, с которыми я встречался: Старик.

Беллетристика - сочные и увлекательные повести, которые в

отрочестве давал мне почитать отец, - и современные новости века глобализации, льющиеся по всем каналам, снабдили меня представлением о картине мира, но если честно, в его присутствии эти сюжеты казались расплывчатыми тенями рук на стене, изображающими сказания о богах.

Хотя перед тем как Старик внезапно появился в моей жизни, я встречал многих своих будущих компатриотов.

Джим Роджерс - Отмычка - представил мне остальных: все они сидели на ручках кресел в офисе, который был похож на большой зал библиотеки с громадным инкрустированным столом в одном конце. Сам Отмычка Джим при моем росте в шесть футов был на несколько дюймов выше меня. Когда мы пожимали друг другу руки, я обратил внимание на его длинные пальцы.

- Я в основном лингвист, - сказал он, - но вояки научили меня немножко разбираться в электронике да в стратегии и тактике боевых действий, вот за это меня Старик и держит. - Он развел в стороны руки, раскрыв большие, широкие ладони.

- Ясно, - произнес я за отсутствием лучшего ответа.

- Говорят, ты здорово поработал в Тергене.

Я взглянул на его губы, потом снова в глаза.

- Ты читал те газетные статьи?

Жители тропических лесов Тергена говорят на одном из почти девяти сотен разрозненных языков, свойственных Папуа - Новой Гвинее. Тергенцы, как и многие их соседи, сильно привязаны к своему языку, в котором отсутствуют логические связи, сближающие их с другими папуасскими диалектами, но даже среди местных наречий тергенский стоял особняком. Теории о своеобразном развитии этого языка и его богатейших корнях более похожи на научно-фантастические рассказы, нежели на результаты филологических или антропологических исследований. Я обратил особое внимание на использование естественных звуков в конструктах языка: щелчки и свист, позаимствованные от животных, звук бегущей воды в глаголах движения и одна фонема, похожая на звук трущихся друг о друга деревьев. Тергенцы были самыми загадочными людьми, которых я когда-либо изучал. Работа обернулась каторгой: антропологи, к которым я нанялся в команду, отслеживали распространение малярии и по всему региону оказывали помощь местному населению.

- Не всё подряд, но достаточно, - откликнулся Отмычка. - Сам Старик приложил руку к этому делу. - Он с нарочито шутовской доверительностью наклонился к моему уху, якобы для конфиденциальности. - Но об этом, конечно, нигде не писали.

- Конечно...

- Его отец жил среди них некоторое время, как мне говорили.

- Неужели?..

Тут он заметил короткостриженую блондинку, которая ждала возможности меня поприветствовать.

- Вот Танкистка... - начал он.

- Господи! - перебила она резким голосом с немецким акцентом. - Кто-нибудь может выучить сначала мое настоящее имя?! - Крепко пожимая мне руку, она хлопнула Роджерса по плечу другой ладонью и сказала: - Что-то это место слишком напоминает клуб для мальчиков.

По давнишней традиции почти всех знали по прозвищам. Герта Прюнер - Танкистка, чей отец командовал танковой дивизией во время войны, - никогда не забывала возвести очи горе или преобильно ткнуть говорящего в плечо, как только упоминалась обидная для нее кличка. Специалист по оружию Артур Тиццарелли - Манок - позже натренирует меня так, что я смогу вырубить противника, пусть и временно, при помощи нашего уникального не смертельного стрелкового оружия. Он был единственным моим товарищем из того времени, с кем я встречался вне операции - всего несколько встреч, организованных Стариком. И лишь у одного из присутствовавших в тот вечер не было прозвища; его звали Ву - инженер-химик, как и его отец, жертва китайской культурной революции.

Мы с Танкисткой недолго приятельствовали. Во время нашей третьей совместной миссии ее парашют не раскрылся, и она с огромной высоты рухнула посреди лесной чащи. Снаряжение было в порядке. Произошла маловероятная, даже невероятная ошибка, особенно для человека, который проходил подготовку в Восточной Германии, и я частенько задумывался: принимая во внимание ее причуды, не сама ли она выбрала день своей гибели.

Мэри Чекай - Моравия - вступила в наши ряды через несколько месяцев после того собрания, и я определенно в нее влюбился. Если бы мы виделись чаще, возможно, наши отношения развились бы в нечто большее. Я знал, что моя привлекательность для нее была в большей степени результатом сильных переживаний в процессе совместной работы, и интуитивно старался более зрело подходить к выражению своих чувств, которые вдобавок казались неуместными.

Очевидно, все сведения обо мне стали всем известны заранее. Танкистка спросила о некоторых составленных мною документах, которые пустил в дело Госдепартамент, и мои ответы оказались неожиданными, но не от скромности, а от удивления, что кому-то это интересно.

Я как раз собирался спросить Ву о возможности использовать библиотеку по назначению, поскольку заметил несколько книг по моей специальности, когда Манок сказал:

- Добрый вечер, Старик.

Я занервничал: как такой массивный человек смог подойти, а я даже не почувствовал движения воздуха. Проем за его спиной прямо за

столом задвинулся, так что я не смог увидеть ничего, кроме проблеска желтого света на деревянных панелях стены. Слегка нахмуренные брови заставили меня заподозрить его удивление, что меня отобрали в его команду (лишь позже я осознал, что подобная серьезность означала не беспокойство, а внимательность). Наши глаза встретились, однако он задержал взгляд лишь на миг. Можно было бы сказать, что мгновение растянулось, но этого не произошло: оно будто сгустилось, углубилось, и я словно рухнул вниз, поэтому пришлось за что-то ухватиться. Полагаю, я почувствовал себя летящим в неведомое будущее.

Хотя на Старике были только брюки и небрежно расстегнутая бежевая рубашка с закатанными рукавами, открывающими великолепной формы мощные предплечья, я ощущал себя одетым не по случаю в своей вельветовой курточке с дизайнерскими заплатками на локтях, а мои волосы, в те годы отросшие почти до воротничка, казались ужасающим нарушением этикета. У него же волосы были почти бесцветными и острижены так коротко, что на голове преобладал бронзовый оттенок кожи. Судя по истории жизни Старика, ему было около семидесяти, но если списать морщины на результат воздействия солнца, он казался мужчиной средних лет.

Собственно говоря, я полагал, что так оно и было.

- Ты уже познакомился с остальными, - загремел его голос, хотя он едва открывал рот.

Я смотрел на его губы и не отвечал. Тычок в плечо заставил меня очнуться, я глянул на Отмычку Джима, который фыркнул и чуть склонил голову, словно говоря: «Теперь ты в курсе, как обстоят дела».

Старик ни на йоту не сдвинулся с места, даже не шевельнулся.

- Да, сэр, - ответил я.

- Они - полноценная команда. - Он сверкнул глазами по сторонам («чтобы окинуть взглядом каждого», - с некоторым потрясением подумал я), и все непринужденно засмеялись и подступили поближе к столу.

- Ты знаешь кое-что о наших делах, - утвердительно произнес он.

- Да, конечно.

- Думаешь, тебе захочется работать с нами?

Я заколебался. Отмычка Джим наклонил голову чуть ниже и сказал:

- Не парься по мелочам, Лэнни. - Так появилось мое прозвище. - Все схвачено с этого места и до конца. Поверь мне. Ну, или... - он мотнул головой, - поверь ему.

Мне удалось сказать:

- Я сделаю все, что смогу.

Тогда Старик с мягкой грацией, совершенно не соответствующей его комплекции, шагнул к стене книг позади стола и вытянул толстый коричневый том. Он быстро пролистал фолиант в поисках нужной

страницы. На столе я заметил подставку с перьевой ручкой в канцелярском наборе; левой рукой он схватил ее и опробовал на промокашке. Буквами, похожими на печатные, но с соединительными линиями, он записал что-то на нелинованных страницах; правила приличия не позволили изучить бумагу пристальнее, однако мне показалось, что буквы сложились в мое имя.

Он поднял голову, охватывая взглядом всю группу.

- Давайте обсудим наше следующее Дело. Время дорого. - И аккуратно опустил ручку обратно в подставку.

* * *

Несмотря на то что большинство связывает со Стариком все самые загадочные происшествия и сверхъестественные события в мире, даже наши наиболее странные случаи имели вполне разумное объяснение, хотя, должен сказать, что мое понятие «разумности» исходит из глубин моей работы на Старика.

Флаг, вывешенный на невзрачном строении и видимый из моей квартиры, поначалу несколько раз сообщал мне о встречах. Флаг, поднятый на половину мачты, означал вызов. Думаю, есть в этом какая-то психически нездоровая нотка... Моих товарищей уведомляли другими способами: доставляли номер загородной газеты или задегивали портьеры в окнах соседнего дома. Старик не мог все это делать сам: он давал поручения, и хотя места и способы подачи условных сигналов менялись каждые несколько месяцев, на фоне сложности наших больших дел их тоже надо было кому-то выполнять, так что, возможно, у него была куча помощников.

Со временем я оценил значимость подобных вещей. Вовлеченный в работу тайной организации, которая позволила мне объездить весь земной шар, я возомнил себя исключительной личностью, принадлежащей к группе людей особой породы. Но это не так. Поначалу я ходил по улицам города или ехал на метро с чувством отстраненности от окружающих «простых людей», позже я взглянул на попутчиков по-другому: может быть, у них тоже есть свои тайны, и даже не менее значительные.

Возможно, мы все в деле.

* * *

Для меня оставалось загадкой, какими тропами люди приносят свои проблемы к Старикку. Он не давал рекламных объявлений. Хотя некоторые из наших операций заслужили публичного упоминания и

наши люди попадали мельком на крупнозернистые газетные фотографии в доинтернетную эпоху, мы оставались частной лавочкой, едва ли не подпольной. Когда нас вызывали на Дело, чаще всего кто-нибудь уже ждал нас вместе со Стариком в конторе. Он (или она) кратко повторял содержание событий, потом старик задавал несколько вопросов, отправлял гостя в приемную, выслушивал наше мнение и предлагал план действий. Затем один из нас препровождал клиента к лифту. В предыдущем здании у нас были собственный лифт и целый этаж, а золотая плашка на входе гласила «Компания «Азимут»: поиск и спасение», но в главном холле здания никаких упоминаний о нашей конторе не было. Позже, во второй башне Всемирного торгового центра, мы делили этаж с другими офисами и встречались в более современных комнатах за дверями без опознавательных знаков.

Вероятно, там были и люди, чья работа заключалась в том, чтобы слушать, настраиваться на волну человеческого несчастья. Они улавливали сигнал о помощи и подталкивали человека в направлении Старика. Иначе как он определял, какими делами заниматься? Естественно, вопль страдания должен был достигать этих высоких офисов самостоятельно. И конечно же, Старик сам работал вместе с нами. Он изучал, насколько я могу судить, каждую область человеческой деятельности. (У него даже был красивый певческий голос, продемонстрированный однажды на вечеринке в Монте-Карло, которая закончилась тем, что мы связали хозяина и предотвратили похищение.) Казалось, время для него идет по-другому. Как еще объяснить широту его познаний, огромные материальные и духовные ресурсы, его многочисленные увлечения? Он жил на иной скорости, словно между секундами - как человек, ставящий паузу в фильме, чтобы внимательно рассмотреть каждый кадр. Все время мира принадлежало ему - все время и весь мир.

Но действительно ли мы делали все возможное, чтобы остановить волну зла? Именно этот вопрос заставил меня принять ужасное решение.

Несколько раз мы вооружались на операцию. Правда, мелкокалиберным оружием, некоторые стволы вообще были заряжены резиновыми пулями; Старик не хотел никаких смертей, если их можно избежать, но активная самозащита - только чтобы остановить кого-нибудь - приветствовалась. Что касается его самого, он никогда не использовал стрелковое оружие. Мастер нейтрализовать даже самого подготовленного соперника одним ударом, Старик верил в благородство человеческого духа, но рассматривал человеческое тело как обычный механизм с выключателем.

Однажды я выразил свое изумление, но добился лишь того, что Старик пригвоздил меня взглядом и сказал: «Хочешь сам это почувствовать?». Его сарказм был так хорошо завуалирован, что я

даже не уверен, верно ли называть это сарказмом. Я отверг его предложение, и он, словно и не было вопроса, наклонился, чтобы взвалить на себя оглушенного диверсанта, который собирался подорвать атомную станцию.

* * *

Немногим более года спустя после моей женитьбы, прибыв в город для посещения лекции и обеда с бывшими коллегами по университету, я заглянул в букинистический магазин - спрятаться от послеполуденного дождя, от которого не спасал мой старенький зонтик. Чтобы меня не заподозрили в столь приземленном использовании помещения - к тому же я определенно не исключал возможной покупки, - я с деланой самоуверенностью шагнул вглубь. Здесь запах дождя вроде бы даже усилился, и казалось, чем дальше я проходил, тем ближе был к источнику шторма. Я миновал ряды полок, вздымавшихся к самому потолку, и свернул в уютный уголок.

Тут и стоял Старик, его серо-стальной плащ был испещрен каплями, громада его неподвижного тела и исходящее от него спокойствие заполнили тесное пространство. Он держал в руке маленькую раскрытую книжицу.

- Привет, Лэнни, - громко сказал он, не поднимая глаз и, возможно, даже не двигая губами. Ох уж эта его знаменитая способность! Интересно, он тренировался так говорить, когда еще не занимался нейтрализацией негодяев?

- Здравствуйте, - сказал я. После всех многолетних приключений - на «вы».

Потом он захлопнул книжку и полностью переключил свое внимание на меня:

- Когда-нибудь читал Ансельма?

- Не уверен.

Он взмахнул маленьким томиком, перед тем как сунуть его обратно на свободное местечко на одной из полок.

- Для некоторых людей невидимый мир столь же реален, как и видимый. - Его лицо осветилось слабой усмешкой. - Другим же требуется напоминание.

Интересно, он имел в виду только себя, углубившегося в чтение, или меня, любого из нас, отрицающего жизнь духа. В молчании я слушал шум дождя, доносившийся с улицы через все еще открытую дверь магазина, и ощущал, что видимый мир достаточно полноценен.

Старик спросил о моей жене, велел заботиться о ней и ушел. А я забыл поблагодарить его за подарок на свадьбу. Мне стало интересно, обнаружу ли я послание в той книжице, которую он держал в руке, но

потом не смог найти место, куда он ее положил. Возможно, ее автором был вовсе не Ансельм, но другой, отсылающий к Ансельму, или некто, напомнивший ему об Ансельме. Ход мыслей Старика всегда оставался загадкой.

Я вспомнил об этом магазине десяток лет спустя, когда рухнули башни. Обитая в нескольких часах езды от города, с безопасного местечка на диване я наблюдал, как взрыв вытолкнул серое облако обломков именно на эту улицу; позже я читал, что эта книжная лавочка стала спасительным пристанищем для людей, бежавших с места катастрофы. Связь между этими событиями проявилась, когда представители власти пришли ко мне с просьбой помочь им поймать Старика.

* * *

В середине ноября, серым туманным утром, когда я только взялся за Камю, кто-то подтащил стул к моему миниатюрному столику.

- Не возражаете? - спросил он. Незнакомец снял серую фетровую шляпу, которая всколыхнула во мне и любопытство (кто сейчас носит подобные головные уборы?), и неприязнь (почему он не пошел за другой столик?). Он оценил мою гримасу и искоса оглядел весь обеденный зал.

- Здесь славно, - выдал мужчина свое экспертное заключение. Затем снял плащ (как я заметил, без подкладки, рассчитанный на более теплый климат). Повернувшись к окну, я увидел на улице машину у одной из обочин, квадратную и очень американскую; уверен, что человек на пассажирском сиденье тоже в ответ посмотрел на меня.

Закрывая книгу, я вдумчиво оценил обстановку - уже долгие годы я этого не делал.

- О чем это вы?

Он поставил стул на неудобном расстоянии. Железные ножки прогромыхали туда-сюда по плитке, пока он молча устраивался за столиком. Я отложил Камю и напрягся. Единственным твердым предметом в пределах досягаемости была сахарница, полная на три четверти. Сойдет. Складные стулья тоже легко могли стать защитой, если их пнуть в нужном направлении. Еще надо не упустить из вида мужика в машине... но навязавшийся компаньон уже держал руку в кармане пиджака. Расстегнутый пиджак свободно раскрылся, и я смог увидеть: он достает не оружие.

- Я из Агентства национальной безопасности, - сказал он, извлекая корочки, и обеими руками раскрыл их. Я прочел удостоверение: его зовут Раксби. - Впрочем, сейчас я числюсь по другому ведомству, которое еще официально не сформировано. Все в мире меняется,

мистер Лэнаган.

- Неужели?

Он хмуро посмотрел на документ:

- Думаю, да.

- А я думаю, нет. - На вид ему было лет 35. - Памяти молодого человека недостаточно, чтобы судить об этом.

Наконец он встретился со мной взглядом.

- Я понимаю и высоко ценю ваши высказывания. - Он привстал и быстро чуть подвинул стул вперед одной рукой, потом снова сел. - Но человеческая вера в сущее - вот что может дать трещину. Вот что изменилось. Наше ощущение безопасности.

- Так чего вы от меня-то хотите?

Он кивнул:

- Хотим связаться с вашим бывшим нанимателем.

- Он никогда не *нанимал* меня, - с полуулыбкой произнес я.

- Ладно, - сказал он столу. - Хорошо. Мы оба знаем, что ваша работа как-то вознаграждалась, но ладно. Дело в следующем, - тут его голова стала подниматься, - мы думаем, что в настоящее время он мог бы оказать нам колоссальную услугу.

- А мне-то откуда знать?

- Ну, мы просто так думаем. Не знаете ли вы, как с ним связаться?

- Нет, не знаю. И - нет, - продолжил я, предвосхищая его следующий, вполне очевидный вопрос, - я бы не сказал вам, если бы знал, но я и вправду не знаю.

Его взгляд забегал туда-сюда - с одного моего глаза на другой, словно сравнивая их.

- Мистер Лэнаган, есть ли у вас какие-либо причины не доверять своему правительству?

- Не больше, чем у любого другого человека, - ответил я.

- Ладно, - слишком поспешно откликнулся он и взял шляпу за излом тульи. - Хорошо, если у вас появится какая-нибудь догадка, где он может находиться, или если он свяжется с вами, пожалуйста, дайте мне знать. - Раксби вытащил карточку и припечатал ее к столу. Я к ней не притронулся. Он поднялся, со скрежетом отодвинув стул, и снял пальто с крючка на стене. - Возможно, мы еще встретимся.

- Мир полон чудес, - сказал я, и он ожег меня взглядом, в котором просматривалось раздражение, чего я, собственно, и добивался.

Только после того как машина отъехала, я взял его карточку. Мой кофе остыл, открывать книгу уже не было никакого желания. Выходя из заведения, я порвал карточку в клочья и выбросил в мусорную корзину.

* * *

Конечно, вечером мы с Кларой обсудили мои дневные приключения. Тесно прижавшись ко мне в постели, она попросила усладить ее слух интересным рассказом. У меня было припасено штук тридцать историй на выбор, а то и больше, одна лучше другой, имевших самое непосредственное отношение к ключевым событиям в мире. Вот бы у меня было тогда какое-нибудь записывающее устройство! Вместо этого остались неясные воспоминания, в которых смешивались и переплетались сюжеты, куда-то пропадали решающие моменты, вдруг возникавшие, когда я приближался к кульминации повествования. Вдобавок наслаивались произведения, читанные в юности и не только, и я уверен, что именно дополнительные сцены из беллетристики удачно склеивали фрагменты моих рассказов.

- У меня плохо получается, - сказал я, уже не помню в который раз.

Обычно Клара не обращала внимания на подобное нытье и заставляла меня продолжать. Однажды она объяснила: «В таком изложении есть определенная частица обаяния. Твои рассказы - будто из другой жизни. Как фольклор, передаваемый из уст в уста. Такие истории обычно разрозненны, но в них что-то есть. Нечто важное для тех, кто их рассказывает». Я поднял взор к потолку и устремил его дальше, словно мог видеть насквозь.

«А что они значат для тебя? - Она задумалась всего лишь на мгновение и ответила: - Жизнь людей может иметь некую цель».

В день беседы с Раксби я ни словом не обмолвился Кларе об этой встрече, пока мы не улеглись в постель. Так получилось, что именно в эту ночь она попросила рассказать ей что-нибудь о Старике, новенькое, ни разу не рассказанное прежде. Вместо этого я поведал ей историю о прерванном завтраке. К тому времени как я закончил, она сидела на кровати, прижимая подушку к груди.

- Значит, ты не будешь им помогать?

- Думаешь, надо?

- Я просто спросила, что ты *собираешься* делать.

- Он говорил что-то о вознаграждении, материальной компенсации от Старика. Раксби со товарищи знают, что я получаю дивиденды от шахт. Что мы все получаем. Они могут докопаться до наших средств и до каждого из нас. С нами-то все будет в порядке. Но с остальными - вовсе не обязательно. И возможно, на этом они не остановятся.

Я наблюдал за ее дыханием: вверх - вниз, два раза.

- Я только спросила, - рассердилась она, - что ты собираешься делать.

Избегая прямого ответа, я сказал:

- Не имеет значения. Старик мертв.

Клара внимательно изучила меня:

- Почему ты так думаешь?

Состроив кислую мину, я качнул головой:

- Какой сейчас год?

* * *

Те из нас, кто хоть сколько-нибудь времени провел в его обществе, говорили о его возрасте. У нас были различные гипотезы: например, Старик - не тот человек, который пережил известные и замечательные приключения в тридцатые-сороковые годы; его интеллект и долголетие определяет какая-то генетическая мутация; причиной исчезновений Старика на некоторое время, порой на целые недели, является его погружение в некую восстанавливающую субстанцию в арктическом убежище.

Излюбленная теория Алана Рэндольфа, Бродяги, была озвучена, когда мы играли в карты на палубе грузового судна.

- Взгляните на меня, - призвал он, очень темный негр с гладкой кожей. Он служил инженером в НАСА и после отставки переехал в Нью-Йорк, где его жена открыла престижный ювелирный магазин.

- И что с тобой? - спросил я.

- На сколько я выгляжу?

- Лет на сорок, - сказала Моравиа, прижав карты к подбородку.

- М-м, не моложе? - он поворачивал голову, словно с удовольствием разглядывая себя в зеркалах наших глаз.

- Меньше сорока, - смилостивилась Моравиа, и мы рассмеялись. Не игравший с нами Манок отложил книгу. Мы все ждали Старика после его переговоров с капитаном: корабль должен был отклониться от курса.

- Прекрасно, - сказал Бродяга. - Принято.

- А на самом деле, - предположила Моравиа, - тебе пятьдесят...

- Семь, - кивнул он. - Пятьдесят семь. А сколько нашему боссу?

- Около семидесяти пяти, - предположил Манок, подключаясь к обсуждению. - В 1933-м, когда он начал карьеру, ему должно было исполниться не меньше двадцати пяти, но, вероятно, уже тогда стукнул тридцатник.

- Так вот, совершенно очевидно, - развил мысль Бродяга, проводя ладонью по лицу, - что у него есть и черная кровь. Обратите внимание на его смуглую и гладкую кожу. А голос! В этом голосе есть... соул^{*3}.

На наш дружный смех он ответил в своей манере:

- В семьдесят я буду выглядеть так же хорошо.

³ * *Соул (от английского soul - «душа») - наиболее эмоционально-прочувствованное, «душевное» направление популярной музыки чернокожих жителей США, сложившееся в южных штатах США в конце 1950-х годов. (Прим. перев.)*

Мы так никогда и не узнали, как Бродяга будет выглядеть в семьдесят. Он умер спустя два года. Инфаркт во время плавания в бассейне. Старик удостоверился, что каждый из нас знает о похоронах.

Местом действия была узкая методистская церковь в Ист-Сайде, словно втиснутая между двумя гораздо большими монолитными зданиями. Войдя, я увидел нескольких своих друзей, но посчитал, что нам не следует располагаться вместе. В последнем ряду сидел широкоплечий человек, сгорбившись и чуть подавшись вперед. Хотя его волосы были не того цвета, на носу обнаружили маленькие очки, а челюсть казалась чуть искривленной, я готов поклясться, что это был Старик. К окончанию церемонии похорон человек исчез.

После службы мы все собрались около столика с церковными книгами, стоявшего у дальней стены. Помню, Ву сказал: «Не каждую проблему можно решить с помощью разума и силы». У меня было ужасное видение, что я сам, как Рэндольф, почувствовав приближение инфаркта посреди бассейна, барахтаюсь в воде, а по конечностям и затем по телу распространяется оцепенение и уходит вглубь, и далекий холодный свет вне мира звуков и чувств поглощает меня.

* * *

- Я не собирался тут оставаться, - сказал я.

- Оставайтесь, - велел Раксби. - Давайте сядем здесь.

Он выбрал тот же столик, который мы занимали в прошлый раз.

Раксби хотел знать, когда я последний раз видел Старика, и я поведал ему о книжном магазине. Это было правдой, и случай казался безопасным. Возможно, меня оставят в покое, если я смогу предложить им лишь это. Когда я закончил рассказ, Раксби задумчиво откинулся на стуле. Он спросил о местоположении магазина, и его кивок как-то заставил меня понять ход его мысли, а потому я продолжил и сообщил, что эта улица стала спасительным направлением для пешеходов, когда рухнули башни.

- Вы обычно встречались в офисах Всемирного торгового центра? Конечно, это было секретом, но раз уж башен больше нет...

- Во второй, южной, - сказал я кружке кофе. Четыре пузырька собрались в небольшую группку и прилепились к краю. - До этого у него были другие помещения. Я видел его там всего несколько раз.

- Верю. Но вам кое-что известно, не так ли? - Он пододвинул стул поближе. - Вы найдете это интересным, но он переехал из офисов Второй башни за месяц до теракта. - Я не поднимал головы, но его рука скользила над поверхностью стола в поле зрения. - За один, - возвестил он, словно прихлопнув, слово рядом с моей кружкой, - месяц. - И хлопнул еще раз.

Я глотнул кофе. Почувствовал, как маленькие пузырьки скользнули в горло.

- И вы выводите из этого заключение, - констатировал я.

- У человека вроде вашего босса такое решение не бывает совпадением. Это кое-что означает.

Почему на последних словах он улыбнулся? Что тут веселого? Это дело уже стало утомлять меня.

- Почему это должно что-то означать?

- Да ладно! Всякое говорят. И по рассказам выходит, что Старик знал о грядущих событиях.

- Вы сами сказали: всякое. Вот вам и наговорили...

Он поджал губы и подмигнул правым глазом, как будто сам так и думал.

- Потому мы и обращаемся к вам. Вы-то всю подоплеку знаете. Вы и ваши старые друзья. А мы пытаемся выяснить, что ему было известно. Что он знает. Как он узнаёт то, что знает.

- Знает?

- Да.

- Вы имеете в виду - он жив.

- Я утверждаю, что он жив. Да. А по-вашему, это не так?

- Понятия не имею. Ничего подобного не слышал. Это было столько лет...

- Да вы вообще просто отрезанный ломоть. Старик с вами даже никогда больше не разговаривал.

- Это в его стиле.

- Конечно. Приходит и уходит. Гигант таинственности.

Я обобщил свои размышления:

- Действительно, иногда казалось, что он предвидел будущее, потому что проникался настоящим. Он понимал людей и куда могут завести их поступки. Он был гением. И человеком действия.

- Ага. Согласен. Итак: что он знал из неизвестного нам? Он знал, что могло бы спасти тех людей?

Вопрос вытолкнул из недр сознания глубоко схороненные размышления о целях Старика. Во время Второй мировой войны он активно ловил саботажников и шпионов, людей, сооружающих бомбы еще более опасные, чем те, что выпускали американцы, однако он не останавливал еврейские погромы. Почему? Сил не хватило? Великие тираны и мелкие царьки, мучения и потрясения - все это существовало в середине века, когда Старик был на пике активности. Неужели мольбы страдальцев оказались столь многочисленны и разнообразны, что затопили и поглотили его? Знал ли он что-то, нам неизвестное, о милитаристских разработках по всему миру, предотвращал ли более опасные теракты, чем те, которыми нашпигованы исторические книги?... Однажды Ву сказал: «Старик не работает в этих областях», - оставив

меня с мыслью, что войны и международные дела лежат вне его сферы деятельности. Но этот последний теракт, его-то он мог предотвратить. Подобное мы всегда старались остановить: планы поставить цивилизацию на колени, разработки сумасшедших ученых - зло в его наиболее убедительном виде. Своим ограниченным, по моему мнению, разумом я с уверенностью полагал, что он мог предотвратить нападение на наш старый город, если бы оказался жив или дееспособен. Как любой другой, в свободное время я мысленно проживал (и тогда, и сейчас) сцены, разворачивавшиеся внутри башен или самолетов: там всегда расцветает огненная вспышка. Иногда конец приходит быстро. Иногда я пробираюсь сквозь дым и неразбериху в поисках выхода. И никогда, ни в одной из своих ужасных иллюзий я не остаюсь в живых. Всегда в конце мир схлопывается в точку, где абсолютны только тишина и темнота.

- Что вы будете делать, если я откажусь сотрудничать?

- Нам нужна эта информация. Вы один из тех немногих к ней допущенных, которых мы знаем.

- Моя семья. Вы угрожаете моей семье.

Все еще глядящие в стол его глаза расширились, и он быстро заморгал. Он хохотнул похожим на застрявший в груди кашель смехом и поднял взгляд на меня.

- Мистер Лэнаган, мы не звери. Ни ваша жена, ни мать не представляют угрозы национальной безопасности. Только вы. И ваши бывшие коллеги. Мы поговорим с ними. Так или иначе, они где-то неподалеку.

- Вы думаете, я не сообщу им о вашем появлении?

Он пожал плечами.

- Сообщайте. Возможно, один из них иначе подойдет к вопросу и сумеет нам помочь. Но вы правы, нам тогда придется применить иные методы убеждения, не как сегодня. - Он с мягким упреком потер пальцами друг о друга, словно растирая в щепотке сахарную пудру, видимо, хотел этим народным способом показать свою осведомленность о дивидендах от рудников.

- Никто вам не поможет.

- Кто-нибудь что-нибудь скажет.

- Люди будут лгать.

- Ясное дело, - кивнул он как-то вбок. - Но вы не лгали, вы действительно не знаете, где он находится. Я вам верю. Возможно, никто не знает. Но вы наверняка можете кое-что сообщить, и все станет проще для всех. - Я наблюдал, как он осматривал все кругом, будто пребывая в размышлении. Потом он сказал: - Смело связывайтесь с остальными.

Я расхохотался ему в лицо. Они думали, что я выдам своих соратников, когда на самом деле я даже не знал, где их искать. Вновь

уверившись, что у меня есть некоторый перевес, я раскрыл карты:

- Мы даже не встречались, когда не работали со Стариком. Это он нас созывал. А сами по себе мы никогда не контактировали и ничего друг о друге не знали.

Правда, но не совсем чистая. Несколько раз мы встречались с Манком.

- Блейн, - позвал он, - телефон женщины.

- Я... Кто...

Не обращая на меня внимания, Раксби повернулся вправо, вытащил ручку и визитку из кармана пиджака и согнулся над столом. Потом я понял, что он слушает. Все это время наши переговоры контролировались из машины. Он аккуратно записал цифры на карточке и повторил их вслух.

- Правильно?.. Спасибо. - Потом он встал и отложил ручку. - Это телефон Мэри Чекай. А это вам снова моя карточка, на случай если вы потеряли первую... Мы знаем, где живет каждый из вас, те несколько человек, которые остались. Прячется только один.

Вновь обретя дар речи, я сказал:

- Нельзя делать вывод, что он прячется, только из-за вашей неспособности его найти.

- Согласен. Но сейчас не те времена, когда мне вменяется в обязанность что-то доказывать. Что я могу сказать?.. - С этими словами он удалился. Когда я брал карточку, то увидел, что он засунул десятку под свое блюдце: достаточно, чтобы заплатить за нас обоих.

* * *

Домой я пошел пешком и по пути размышлял, кто у них будет следующим. Интересно, кто из тех, кого я знал, остался нераскрытым. Моравиа им ничего не скажет. Если будет знать, что они придут...

У меня в комодке в коробочке для запонок все еще хранилась небольшая капсулка. Моравиа, Ву и я получили по такой штучке от двойного агента, который помогал нам проникнуть к главнокомандующему в резиденцию, вырубленную в скале на тайско-лаосской границе. В случае разоблачения легенды (мы - американские наркоторговцы) можно было избежать невыносимых пыток и положить конец боли. Когда мы попрятали яд по карманам, Старик напрягся и нахмурил брови. Ясно, что сам он никогда не прибежал к подобным мерам да и под пытками не согнулся бы.

Перед высадкой Старик сказал:

- Я не допущу, чтобы дошло до этого. Буду каждого держать в поле зрения и вытаску при первом же намеке на опасность.

Так получилось, что мы быстро узнали нужную информацию, Старик и

несколько сочувствующих местных жителей, азиатов, предприняли ночное вооруженное нападение, и в итоге в создавшейся неразберихе нам удалось улизнуть.

Моравиа наверняка, как и я, сберегла капсулу - в качестве сувенира, но еще и потому, что Старик учил нас быть готовым к любой случайности.

* * *

- Моравиа?

Долгая пауза.

- Кто это?

- Лэнни.

- Алло! - перебила она.

- Кажется, что-то на...

- Вот черт! - воскликнула она. - Что случилось?

Я подождал секунду, затем сказал:

- Связь какая-то странная.

Снова пришлось подождать.

- Мой телефон прослушивается, - сообщила она. - Но я достала некий хитроумный маленький приборчик. Старик дал его мне много лет назад. Меняет маршрут контакта, так что звонящего никогда не отследят. Заодно глушит разговор для прослушки.

- Ясно, это объяс...

- Твой наверняка тоже прослушивается. Они... Да, это объясняет задержку. Так. Погоди. Откуда ты звонишь?

- Из дома.

- Точно говорю: прослушивается. Они слышат каждый твой вздох.

- Это неважно, - сказал я, прижимая трубку теснее к уху, словно это имело какое-то значение или хоть что-то решало. - Этого номера нет в справочниках. Как ты...

Я забыл дать немного времени на задержку.

- Послушай, они ищут...

- Черт возьми, Лэнни. Что ты сделал?

- Я не...

- Конечно, ищут, - сказала она. - Но я ни черта об этом не знаю.

- Я ничего не сделал. Звоню тебя предупредить. Видимо, чего-то я недодумал. Но это не имеет значения. Они знают, где мы.

- Я даже разговаривать с ними не буду.

- Времена меняются, - услышал я свои слова. Мой голос кратким эхом вернулся ко мне, словно я не слишком далеко отошел и просто кидаю звуковой мяч об стенку.

- Некоторые вещи остаются неизменными, - ответила она.

- Старик, скорее всего, умер, так что это может оказаться бессмысленным аргументом.

- Нет, если бы он умер, мы бы знали. Вселенная... - сказала она и долго молчала; мне подумалось, что связь оборвалась, но потом она закончила: - Утратила бы смысл...

- А он есть? - Я представил свою жену, вернувшуюся из магазина, как она стоит на кухне, залитая яркими лучами солнца. Видел, как она достает из пакетов бакалею и изучает чек, поднося к нему очки для чтения. Она открыла рот, чтобы заговорить, но не издала ни звука, поскольку все, что мы друг другу сказали за все эти годы, было подслушано и записано. В мой дом могли прийти люди и увезти ее, разлучить нас. Это были теперешний мир и та же самая Вселенная, в которой мы всегда жили. Я мягко сказал Мэри: - Я просто хотел предупредить.

- А я хочу предупредить тебя, - откликнулась она, и связь оборвалась.

* * *

За годы работы и общения со Стариком что хорошего я совершил? Практически каждое дело заставляло меня задавать себе этот вопрос, и гордость, в конце концов, подталкивала рассматривать каждого члена нашей группы в этом аспекте. Иногда чей-то индивидуальный вклад был очевиден. Другой раз... Я не говорил об этом со Стариком, хотя большую часть времени был занят своей обычной работой.

На полпути моей карьеры я завел разговор об этом с Моравиа. Мы тогда с ней временно делили пристанище в пещерах. Разговаривать было трудно: эхо, вытаращенные глаза, яркие лампы на наших шлемах...

- Скажи, что я здесь делаю?

- Ха. Что любой из нас здесь делает?

- Нет, я говорю только о себе. Я имею в виду: я профессор, пишу книги. Моя специальность... ну, ты знаешь. Бывают же случаи, когда Старик вообще не включает меня в группу.

- Как в прошлом месяце...

- Вот именно. Например, в прошлом месяце. Значит, бывают дела, где я совершенно определенно не нужен. И есть дела, подобные этому. Я делаю то, что велит Старик. Вношу свой вклад. Но это... не соответствует моей квалификации. По жизни я специализируюсь совсем на другом. Но здесь это «другое» не требуется.

Мы остановились и распластались на сырых стенах друг напротив друга в сужающемся коридоре. В свете нашлемного фонаря я видел капельки пота, бегущие по лицу Моравиа, и почувствовал влагу также у себя на лице. Я подумал об известняковой породе, о том, как жидкости

становятся твердыми, и в качестве некоторого обратного процесса представил нас обоих превратившимися в лужи после этого приключения. Творилось что-то невидимое, но очень важное, решающее.

- Эй, ты что, ждешь ответа? Например, ты можешь копать. Как тебе такое?

- Ерунда.

- Я попыталась, - ровно сказала она, и было непонятно, шутит она или нет.

- Думаю, могу судить объективно: я не вношу достаточный вклад, - заявил я.

- Ты очень ошибаешься, - вздохнула Моравиа. - Как ты этого не видишь?

- Чего не вижу? - Я выставил раскрытую ладонь, словно она могла положить на нее свое объяснение.

- Старик знает тебя лучше, чем ты сам. Естественно, у тебя есть всякие занятия, бумаги и прочее. Твоя обычная работа. У меня тоже есть. Но кто мы... Старик использует нашу суть. Он знает, что ему надо. Он знает наши истинные таланты. Возможно, эти скрытые способности не приносят нам денег. Но они служат Делу.

Дело. Сердце учащенно забилось, тяжелое дыхание стало слышно по всему коридору глубокого подземелья. Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы успокоиться. Когда Моравиа увидела, что я готов, она спросила: «Нормально?», и я ответил тем же словом, и мы продолжили искать путь к миру, которого так и не нашли.

* * *

Если Старик знал наши сильные стороны, то он знал также наши слабости, болевые точки, как работает наша человеческая природа. Он знал, что каждый из нас будет делать в данных обстоятельствах. Я почему-то нашел это утешительным, когда позвонил Раксби. Также меня поддерживала мысль, что при нашей истовой вере в могущество Старика он не допустил бы терактов, а если это произошло, должно быть, он умер. Если он жив, как настаивал Раксби... значит, я встречу с ним и расскажу все, что знаю - на самом деле я знаю лишь одну-единственную вещь, которую можно хоть как-то применить.

* * *

Лет через пять-шесть после женитьбы я увидел старого врага - Демонтажника - в парке аттракционов: он держал за руку маленького

ребенка. Специальностью этого человека были устройства, которые разбирали на части здания, самолеты и всякое такое - изнутри. Обычные негодяи с ограниченной фантазией подкладывали бомбы, но приборы Демонтажника анализировали, как части соединены в целое, и разрушали эту сборку, словно для них стрела времени летела задом наперед. Понятия не имею, как действовали эти штучки. Настоящий кошмар был в том, что они сканировали и анализировали все, попадавшее в поле их действия, поэтому, когда пара самовольных поселенцев нашла склад активированных аппаратов-монстров, упрятанных в маленькие коробочки, другой прохожий увидел через окно, что именно случается, когда человека буквально разбирают по косточкам.

Старик нашаманил хитроумное изобретение в виде проблескового маячка, который выдавал мигающий желтый луч, долженствующий сбивать с толку оружие Демонтажника. Наш налет на его тайный штаб, скрытый глубоко под землей, был прямо-таки световым шоу, хотя память моя сохранила от этой атаки лишь визуальные фрагменты. Ужасающий эпизод. Когда уже на поверхности, на свежевспаханном поле мы собрались вокруг Демонтажника, а Старик стоял коленями у него на спине, мне показалось, что мы вернулись из ада, прихватив оттуда самого дьявола.

Увидев его спустя годы, я чуть было не бросился в драку: первым инстинктом было сбить его с ног. Вместо этого я застыл без движения.

- Что с тобой? - спросила Клара.

- Вон тот человек.

- Ты его знаешь?

Границы моего видения чуть расширились: около Демонтажника была женщина, державшая ручку прогулочной коляски. Вся небольшая группка стояла в очереди на аттракцион. Мужчина смеялся чему-то, сказанному спутницей. Он почувствовал мой взгляд, мельком поглядел в мою сторону и одарил сердечной улыбкой - видимо, по его мнению, я просто отреагировал на его веселье, - а потом обратил все свое внимание на женщину.

- Милый, ты с ним знаком?

- Больше нет, - ответил я и несколько нервно взял жену за руку.

Естественно, очень нелегко превратить социопата в приличного человека. Естественно, Старик не просто укладывал людей под нож и вырезал то, что делало их аморальными типами. Не его методы!.. Процесс должен быть более... гуманным. Более личностным.

* * *

Каким бы ни был этот процесс, разве врачи делают не то же самое -

таблетками латают химическую или генетическую рану в чьей-нибудь личности? Мы созданы несовершенными, любой из нас. И что означает свободная воля для одержимого, для человека, унаследовавшего склонность к садизму, для того, чье детство, возможно, было чередой мучений? При попечительстве Старика такой человек впервые в жизни будет иметь по-настоящему свободную собственную волю.

Хотя... насколько свободной была моя?

Каким бы ни был этот процесс, прошла молва, что Старик проводит эти хирургические операции в своей арктической цитадели, которую он называл «мое северное убежище», а Джим Отмычка нарек «айсберг-лагерем».

Меня туда взяли только однажды, но я понял, что Старик проводил там немало времени, когда не занимался очередным Делом. Мы прибыли на самолете в маленький канадский городок и уже оттуда предприняли скоростную подземную поездку под тундрой по туннелю - сооруженному когда? кем? Старик не настолько квалифицированный специалист, чтобы самостоятельно совершить такой инженерный подвиг. Никакой тряски в вагончике, будто это не подземка, а пневмопочта, которая доставляла документы в старых офисных зданиях.

Мы оказались в холодном зале, изолированном от остальных помещений. Внутри я успел получить лишь мимолетные впечатления - быстро промелькнувшие перед глазами картинки общего дизайна: под очень высоким купольным потолком располагались комнаты внутри комнат, видимо, сооружение строилось по принципу аттракциона с несколькими выходами в каждом помещении, в дверных проемах виднелись разветвляющиеся коридоры, и все это выполнено в спартанском стиле: ничто не выступало из ледово-голубых стен. В некоторых комнатах на редких полках имелись книги, подстилки и подушки для сидения; мы остановились на кухне, где Старик выложил замороженные блоки рыбы - наш будущий обед, перед тем как вести нас в арсенал, на сбор снаряжения и затем к транспорту.

Мы катались на двухместных снегоходах по плотному снегу, глаза были спрятаны за толстыми защитными очками, которые слишком сильно сдавливали мне скулы. Я оглянулся и увидел, что мы выехали из грани небольшой скалы.

На следующий день, похитив радиомаяк и двух нужных нам безмолвных мужчин (оба теперь лежали без сознания в транспорте Старика), мы вернулись из нашего полярного приключения тем же путем. Тогда я и смог более четко рассмотреть характерные черты ландшафта: отвесную башню изо льда, бескрайние равнины абсолютной белизны, простирающиеся во все стороны, в отдалении - синусоиду горных кряжей.

* * *

Раксби пришел на встречу по моей просьбе. Вечером предыдущего дня выпал снег, и утренняя гололедица заставила меня запоздать. Поворачивая за угол около пекарни, я приостановился, удержавшись за кирпичную стену, потом увидел Раксби, который выбирался с пассажирского места своей машины; вторую фигуру внутри автомобиля я рассматривать не стал.

Я рассказал Раксби все. Он попросил меня приблизительно определить размеры и подсчитать расстояния. Два дня спустя я нырнул на заднее сиденье его машины. Его коллега отсутствовал. Раксби открыл компьютер, чтобы показать фотографии со спутника и подвижные трехмерные макеты - увеличенные изображения серых глыб с тех картинок. Определили три вероятных местоположения.

- Вот оно, - указал я на второе изображение. Даже в таком несуразном виде картинка напомнила мои ощущения того дня: санки упруго катятся по белой бесконечности, и меня переполняет великая радость от работы на Старика. Еще я почувствовал ужасный холод того места. Он проникал внутрь, словно клинок убийцы. После этого приключения я несколько дней не мог полностью согреться. Теперь непреходящий холод снова охватил меня.

Раксби захлопнул компьютер.

- Вы поедете с нами, - сказал он, потом подождал, пока я выйду из машины.

* * *

В самолете меня охватил ужас: шлем заглушал звуки, болтанка заставляла судорожно хвататься за скобы, вокруг сидели до зубов вооруженные вояки - я был ошеломлен и уже наполовину уверился в абсолютной тщетности мероприятия. Если Старик жив, если он здесь, в арктическом бастионе, если его не предупредили о приближении опасности... Эти «если» создавали вымышленное повествование, в котором ни один символ не мог быть принят на веру. Ближе всего к подобным историям я оказывался, работая со Стариком, и даже те сюжеты иногда разыгрывались в реальной жизни так совершенно или так ужасно, как хотели повернуть дело эти люди.

Когда самолет задрожал особенно сильно, сидящий рядом со мной солдат пояснил: «Это небольшая турбулентность». Ему пришлось кричать, чтобы быть услышанным, и хотя он повернулся в мою сторону, его глаза были крепко зажмурены. Его челюсти непрерывно

двигались - он жевал жвачку.

Раксби, одетый, как и все, в комбинезон из плотной темной ткани, враскачку передвигался от скобы к скобе, как человек в вагоне метро; он приблизился ко мне и немного подождал, пока я его узнаю.

- Что? - выкрикнул я, пытаюсь перекрыть вой моторов.

- Я не хочу ему вредить, - ответил Раксби, безуспешно пытаюсь перекрыть шум самолета. - Не хочу вредить никому.

- Как скажете.

- Так и скажу. Послушай, - он опустил на одно колено и ухватился за мой наплечный ремень, чтобы не болтаться и не валиться с ног. - Последний шанс покопаться в памяти - там были другие выходы?

- Все, что знаю, я вам уже рассказал. Но Старик... - я отвел взгляд на изогнутые стены транспорта и на прижавшихся к ним людей, поглощенных своими мыслями. - Только он знает все, больше никто, - закончил я.

- Мы выведем из строя туннель, как только ударим по убежищу. - Он сфокусировал взгляд в точке позади меня, словно мысленно рисовал там картину того, что произойдет. - Потом будет слишком поздно.

Что я мог сказать? Раксби наблюдал за моей реакцией несколько мгновений, потом поднялся и, шатаясь, поковылял прочь.

Мы опустились на лед даже мягче, чем я полагал возможным. Когда завали механизмы, открывающие десантный люк, военные организованной шеренгой покинули самолет, пока я намеренно замешкался, возясь с ремнями.

Раксби снова появился рядом и снял с меня шлем.

- Мы в двух милях, - сказал он. - Я хочу, чтобы ты был во второй машине. Ты это уже видел снаружи, значит, лучше подготовлен и скажешь, где вход.

- Я нарисовал вам схему, - напомнил я.

- Мне по-прежнему нужны твои глаза, - это прозвучало как угроза.

Ослабленный путешествием - и событиями вообще - я наблюдал, как он снимал с меня парашютную сбрую, потом отрешенно поднялся на ноги.

- Погодите, - вдруг отреагировал я. - В какой еще машине?

Только когда я сошел с борта на лед, освещенный огнями самолета, чувствуя себя коровьей лепешкой, я узнал, что самолетов было два. В ста ярдах открылась крышка люка второго транспорта, и оттуда выехала пара танкообразных машин на гусеничном ходу для передвижения по льду.

Недавно выпал снег, сухой и рассыпчатый, и мои ботинки проваливались в него на несколько дюймов, почти до верха шнуровки. Солдаты стремительно помчались на дистанцию, невзирая на снег. Это напомнило мне одно из приключений со Стариком в пустыне, когда мы преследовали остатки затерянной германской танковой бригады.

Там фигурировали семейные тайны и украденные картины, хотя, признаться, хитроумные изгибы и сложные разветвления сюжета стерлись из памяти, а может, вообще меня не заинтересовали. Высматривая, какие еще силы привлечены к поиску, Моравиа в нескольких шагах впереди заметила что-то металлическое. Бегать среди дюн - примерно то же самое, что и маневры здесь, на снегу.

Раксби схватил меня за руку.

- Погоди-ка, - сказал он и указал на машины, выходящие на дорогу. Одна остановилась забрать людей из нашего самолета, а другая прошла совсем близко, приглушенно рыча. Когда она проехала мимо, ветер подхватил снежное крошево из следа гусениц и швырнул его ярдов на пятьдесят прямо мне в лицо.

* * *

Снегоход шел вперед и вперед с бьющей по нервам равномерностью. Я сидел в кабине между водителем и Раксби, наши взгляды были прикованы к впереди идущему транспорту, направляющемуся прямо к сине-белой ледяной грани.

- Ожидалась пасмурная погода, - произнес Раксби.

- Его здесь нет, - я попытался проявить некоторую твердость.

- Ну, тут ты ошибаешься.

- Теперь это гробница, - вздохнул я. - Если он сюда пришел, то только затем, чтобы умереть.

- Знаешь, - сказал Раксби, - непохоже, что ты владеешь всей информацией, которая есть у меня. - И его убежденность удержала меня от дальнейших слов.

* * *

«Дело левиафана», мой второй год со Стариком. Я думал, что огромное внутреннее озеро на вулканическом архипелаге поглотило его. Из глубин выскользнуло белое щупальце - из плоти или из стали? - ясно видимое в неестественно чистой воде. Старик, должно быть, сделал хороший вдох, перед тем как оно потащило его вниз, хотя Моравиа успела лишь испустить выдох, переходящий в крик. Отмычка Джим выхватил из тележки лом с загнутым концом и бросился следом. Хотя вода и была прозрачной, свет все равно не проникал слишком глубоко. Мы сыпали проклятьями и вопили, кричали, что делать.

Должно быть, прошла всего минута, перед тем как на воде появились пузыри. Старик возник над поверхностью по пояс, будто приводимый в движение моторчиком, потом словно подскочил, снова ушел на глубину

и вынырнул; мы услышали судорожный вдох и увидели Отмычку у него на руках. Старик отпустил его, и оба поплыли к неровному берегу.

- Помогите Отмычке, - приказал Старик, его голос эхом пробежал по глади озера, и мы сделали, как нам сказали. Джим потерял ломик, рубашка на плече была порвана. Ву стащил с него обрывки, обнаружив страшную, глубокую рану. Кто-то принес аптечку.

- Вы все хорошо поработали, - сказал Старик. Его нагрудный карман светился: он нашел кристалл, который упорно разыскивал сорок лет. - Извините за пережитый ужас. - Он встретился взглядом с каждым из нас, не останавливаясь ни на ком специально, и широко зашагал к внедорожникам.

Позже я узнал: он установил некую традицию - оставлять своих помощников в уверенности, что он наконец-то встретил свою кончину, а затем шокировать их чудесным воскрешением. Иногда он оттягивал свое появление до момента, когда умирали все надежды, хотя сам я подобного не припомню.

Сидя рядом с Раксби, я размышлял, как на этот раз Старик водил нас за нос долгие годы. Он не просто пережил близкий взрыв сверхчеловеческой силы, обрушение целой скалы; на этот раз он пережил саму смерть. И лишь нечто очень приземленное сумело достать его: он понадобился правительству в качестве мальчика для битья, чтобы было на кого свалить ответственность, а может, чтобы просто поставить еще одну галочку. Как раз в этот момент я понял: руководство страны не верило в то, что Старик всецело его поддерживал.

* * *

Я сказал себе: конечно, у него были отходные пути. Конечно, имелись альтернативные планы. Конечно, он разработал тысячи способов улизнуть. Естественно, он знал, что военные на подходе, еще даже до того, как они привели свой план в действие. Так или иначе, он знал об атаках на нью-йоркские башни, и какими бы ни были его причины скрываться, в конце концов он должен был понимать, как будет воспринято его отсутствие в башне, и предполагать, что длинные руки паникующего безумия при необходимости потянутся в его сторону.

Пока мы ехали по тундре, я представил себе отступление Старика. Затерянные в глубинах лабиринта крепости солдаты будут двигаться на ощупь и заблудятся. Абсолютная темнота обнимет их, фальшивые источники тепла обманут их приборы ночного видения, по мере продвижения коридоры будут менять направление, электромагнитные импульсы расстроят оборудование, а голос Старика прозвучит в тылу и заставит их нападать друг на друга, в то время как сам он ускользнет.

Возможно, у него, как у сообразительного немецкого злодея Доппельгангера, имеется набор марионеток-симуляций, бродящих по цитадели с места на место; Старик должен был извлечь пользу из этих технологий, даже если он излечил мозг человека, который ее разработал.

Поймать Старика? Все равно что ловить ветер.

* * *

Я сделал, как они попросили: подвел поближе и указал вход. В сотне ярдов остановился первый транспорт и выгрузил личный состав, люди быстро распределились по льду, освещенному грязноватой опухшей луной.

- Теперь он уж точно нас увидел, - сказал я, забыв о своей установке, что его там нет.

- Он не убивает, верно? - выдохнул Раксби мне в лицо. - Мы очень на это рассчитываем. Или ты передумал? - Он помолчал, но не отступил. - К такому варианту развития событий я тоже готов.

Он заставил меня вылезти из машины и подойти к нему. Люди двигались быстро, не было слышно ни единого звука во всем окружающем нас белоснежном просторе.

Они подобрались очень близко: возможно, ярдов на тридцать от входа. Я не видел, разверзлась ли земля, но вдруг между ними и мной что-то выстрелило из ледяной поверхности, серебристое и скоростное, словно блестящая пуля размером с человека. Через мгновение раздался вой моторов, и затем я увидел, как нечто тяжело ударилось о землю и устремилось под углом вправо от меня; за рулем компактного снегохода кто-то сидел. Все немедленно бросились в погоню по леднику.

Я видел вспышки, слышал звуки столкновений. Оружие стреляло, посылая яркие пунктиры вдоль ледяного пространства. Раксби придержал меня, хотя я даже не осознал, что подался вперед.

Прицелиться в Старика (если это он) было нелегко, поскольку тот зигзагами уходил вдаль. Вдруг за спиной раздалось рычание моторов, и этот звук пробрал меня насквозь: из нашего транспорта появились два снегохода. Я посчитал, что они не догонят Старика, но через пару секунд в некоей точке пересечения огня их орудий и оружия пехотинцев снегоход беглеца резко подскочил и несколько раз перевернулся. Человек поднялся, шатаясь, и попытался бежать, окруженный разрозненными вспышками.

- Получилось. Они его завалили, - неясно возликовал Раксби сквозь шарф, верхнюю часть его лица скрывал бинокль.

Вдали я увидел шевелящиеся кучки людей; чем дальше, тем больше

их появлялось, словно творилось нечто легендарное. Мы отправились к месту действия, но теперь Раксби позволил мне обогнать себя.

Солдаты догнали Старика, но все еще не схватили. Я видел, как люди отлетают прочь, словно пустые тряпичные оболочки.

- Господи боже! - проговорил Раксби.

На искрящемся снежном поле снова замелькали вспышки, люди роились тесной толпой, и наконец действие слиплось в дрожащий шар, постепенно успокаиваясь.

Все время люди переговаривались через шлемофоны. Но до меня дошел истинный смысл происходящего только теперь, когда кто-то доложил:

- Он повержен. Дело сделано.

Потом задрожала земля, и в месте, где находилась тайная крепость Старика, раздался чудовищный рокот, словно перемешивались камни. Я услышал проклятья Раксби. Из-под ледяной горы вырвалась яркая вспышка, словно столкнулись две звезды, и все мы тут же утратили точку опоры, когда мощнейшая воздушная волна потащила нас вперед. Я упал на локти. Люди закричали. Приподняв голову, я увидел, как исчезает целая гора. Мое воображение нарисовало картинку происходящего внутри: купольный свод обрушивается, веками скапливавшийся поверх геологических напластований лед заполняет пространство, которое Старик создавал для себя: лаборатории, арсеналы, хирургический отсек, библиотеку. Когда все будет истреблено эксцентрическим взрывом его собственного изобретения, там будет ужасный запах. Представлять себе звук не было необходимости: он явился мне через пустоту - грохот, похожий на кашель; по сути, ничего больше и не было, словно мгновенно возникшая аномалия, которую можно столь же быстро ликвидировать.

Едва выпрямившись, я проверил, где Старик, но он никуда не делся, видимо, солдаты по-прежнему вжимали его коленями в снег. В двухстах ярдах впереди на льду появилась черная заплата.

Разражаясь многоступенчатыми проклятьями, Раксби сломя голову бросился к удерживаемому Старику, но его слова уносило в сторону. Потом они протащили Старика мимо, спеленав его так плотно, чтобы он не мог использовать кулаки, а я постарался спрятать от него лицо и отвернулся.

Я направился к «своей» машине, пока Старика тащили к другой, но как только прикоснулся к ручке, оказавшись спиной ко всем, я услышал чей-то голос около правого плеча: «Хорошая работа, Лэнни», - прозвучало пронзительно и беззаботно. Рядом никого не было. Слезы навернулись на глаза, когда я дернул дверцу и запрыгнул внутрь. Водитель, остававшийся в машине, выглянул оценить обстановку. Он посмотрел на меня, моргнул, но не обмолвился ни единым словом. Наши нашлемные фонари выхватывали маленькие кусочки льда,

падающего с размытого неба. Я хотел оказаться дома. Потом, когда отдохну, непременно пойду в магазины и библиотеки и сожгу книги о приключениях Старика, потому что случившееся сегодня само по себе предало огню его историю.

Дверца около меня распахнулась.

- Что было внутри? - кричал Раксби. - Что он уничтожил?

- Не знаю, - ответил я. - Я вам все рассказал.

- Газы? Думаешь, следует проверить это место на токсины или еще какие химикаты? Черт побери, что это был за взрыв?

- Не знаю! - гаркнул я, по-настоящему повысив голос, вусмерть уделанный тем, что случилось, разрушенный самим собой и пришедший на собственные руины.

Раксби лишь бросил взгляд в сторону черной метки на льду.

- Вот дерьмо! - выругался он, приказал: - Подвинься. - И я переместился в середину. Он ткнул большим пальцем в сторону другого транспорта: - Он оттуда сможет выбраться?

Не подумав, я брякнул:

- А ты уверен, что он все еще там?

Он тут же нажал кнопки на дверце.

- Эй, лейтенант, - позвал он в микрофон. - Вы уверены, что он у вас?..

- Потом передал мне с ненавистью во взгляде: - Он сказал, что смотрит на него... Ладно, спасибо... Хорошая попытка, - кивнул он мне.

Наша машина рванулась вперед и мерно заколыхалась, нагоняя предыдущую: всю дорогу к самолетам я наблюдал зад первого транспорта, словно его задняя дверца могла чудесным образом раскрыться и явить группу вооруженных людей, глазающих в светлое пустое пространство посередине.

* * *

Держась за дверной косяк, я все равно не сумел достаточно отклониться, когда Моравиа выбросила вперед маленький костистый кулачок, и получил прямо в челюсть. Я отлетел назад. Жена окликнула меня с кухни. Вместо того чтобы выставить защитный блок руками, я попытался перевернуться. Но не успел: Моравиа рванула меня за рубашку, и я оказался уже на ногах. Где-то поблизости раздался крик Клары, и я постарался какими-то словами успокоить ее, а Моравиа в этот момент врезала мне так, что голова ударилась о косяк.

В глазах мелькнули белые вспышки, и я завалился на журнальный столик, который рухнул на пол вместе со мной. В сознание проникли неясные вопли жены. Пронзительные.

- Уйди! Уйди! - кричала ей Моравиа.

Пробормотав что-то вроде: «Все нормально», я оставался на месте,

мое поверженное тело не оставляло никакого выбора.

Очевидно, Клара не обратила внимания на совет моей соратницы, подбежала ко мне, расprostертому на полу, и обхватила поперек груди. Я продолжал успокаивать ее. На мой взгляд, худшее осталось позади, но она судорожно выдыхала, повторяя: «О Господи! О Господи!». Когда она приподняла меня и помогла встать на колени, я увидел, что Моравиа уселась на подлокотник дивана в гостиной.

Мне пришлось зажмуриться; дневной свет показался слишком ярким.

- Это Моравиа, - сообщил я. - От Старика.

Бывшая коллега потребовала рассказать о произошедшем. Она кое-что об этом знала: во всех сетевых газетах прошла туманная информация о рейде по захвату логова полярного террориста.

- Понимаешь, Моравиа, он прятался там. И зачем рушить базу? С какой целью? Что ему надо было утаить?

- Ты придурок. Уж от тебя-то я этого совершенно не ожидала, но ты придурок. Ты все понял не так. Думаешь, этот Раксби и его команда столь надежны, что им можно доверить все знания Старика? И они всегда будут поступать правильно? Полагаешь, будут бережно относиться к человеческой жизни? Пораскинь мозгами. Подумай о его *неудачной попытке* сбежать, - с иронией произнесла она. - Ты действительно считаешь, что он не смог бы справиться, если бы захотел? А как ты думаешь, почему он увел всех на лед, подальше от базы?

- Он... увел их?..

- Разве кто-нибудь остался внутри, когда раздался взрыв? - наклонилась она вперед. - Нет. Верно? Не было никого! - Она снова выпрямилась. - Он удостоверился, что никто не пострадает. Старик сдался, чтобы не навредить никому. Все, что он делал, - это защищал людей. Если бы он не хотел быть пойманным, его бы никогда не нашли. Он знал, точно знал, что ты расскажешь им о цитадели.

- Я?

- Или еще кто-нибудь... Но в любом случае не я. Он дал им понять, что всему конец. Нас больше никогда не будут преследовать. В этом нет необходимости. Мы ничего не знаем, Старика поймали, все секреты взлетели на воздух, прежде чем они кинули на них хотя бы беглый взгляд. Но спецслужбы захотят эти секреты выведать. Значит, их внимание сосредоточится на дознании. Представь себе, что они будут делать. Люди запуганы. Нет никаких гарантий безопасности. Нет никакого порядка... И теперь, - сделала она вывод, - ни один из нас не защищен.

- Ты говоришь...

- Я не имею в виду нас с тобой и других, кто работал со Стариком. Я имею в виду - ВСЕ. Люди, которые приходили за помощью. Понимаешь? Кто теперь будет присматривать за людьми? К чему это

приведет?

Что-то в ее словах показалось... Клара тоже это услышала и взглянула на меня. Определенно, моя соратница неуравновешенна, ее мысли затуманены. Когда я посмотрел на Моравиа, ее рука двигалась от нагрудного кармана рубашки... Ее пальцы коснулись губ...

- Какая жизнь без него? - сказала она и крепко сжала зубы.

Когда я нетвердо встал на ноги, ее голова откинулась назад, а тело выгнулось мучительной дугой. Годы несколько замедлили мою реакцию, но даже в славные дни моей молодости, когда я выдерживал гонку с великими, я все равно бы не успел.

* * *

Отчасти она была права. В последовавшие за этим дни все казалось иным: менее выразительным, более жестким, тяжелым, непереносимым. Хотя долгие годы перед печальным событием я с ним не пересекался, вера в Старика и его секретные труды укрепляла меня, повышала мою самооценку. Теперь я это прочувствовал.

Старик взял на себя обязательство, принял присягу, которую сам и сочинил. Я однажды прочитал ее: она висела в рамке над его рабочим столом, написанная от руки печатными буквами на небольшом желтоватом листе бумаги, озаглавленная просто - «Клятва». Не вспомню ее дословно, но там было что-то о поддержке любого, кому потребуется помощь, об использовании любой возможности и каждой способности, которой он обладает, для служения людям, о дальнейшем совершенствовании этих способностей. В последних строках говорилось о мире и воздержании от неоправданной жестокости.

Никогда за все мои годы работы со Стариком ни один из нас, его команды, не декламировал «Клятву» и не давал обязательства проявлять лояльность. Мы не подписывали никаких соглашений и не заключали контрактов. Полагаю, имелось в виду, что мы просто следовали за ним. Возможно, он рассуждал так: несмотря на наши многочисленные слабости, в нужный момент мы делали все правильно или, на худой конец, учились делать это лучше.

Я формулировал эти мысли, стоя студеным вечером на лужайке позади дома, уже в отставке, уже женатый. Но не мертвый, а следовательно, не был глух к голосам людей, страждущих милосердия.

* * *

Только я не знал, что делать.

И пришел к пониманию того, что имела в виду Моравиа: логика Старика - математика его морального сознания - была далека от моей. Когда он заставил правительство продолжать охоту, то скрупулезно рассчитал человеческие потери. В том числе, как и я, он должен был принять в расчет жизни своих бывших помощников. Самым приемлемым и обоснованным действием было бы сдаться.

Однако это не все, что он совершил. Он дрался с этими людьми, словно был всего лишь одним из них, одним из нас, позволяя им играть роль великолепных охотников; торжествующие представители закона смело могут похвастаться победоносной операцией в завтрашних газетах. В воображении масс необходимо нарисовать великую битву с впечатляющими эффектами и триумфом. Старик видел только Дело, труд дней и жизней, некую абстракцию, составленную из несвязанных между собой событий, в которую каждый человек вносит свой вклад, даже если порой его размер невозможно определить.

* * *

Прошло три года. Наступила весна. Размышляя о вечном, я стоял на крыльце, когда около дома остановился грузовичок доставки. Из него выпрыгнул молодой человек в типовой коричневой форме, подошел поближе, помахивая руками в такт шагам, и обратился ко мне, глянув на планшетку:

- Мистер Лэнаган?

- Да.

Он указал на грузовик.

- У меня для вас энциклопедии.

Я моргнул.

- Люди все еще их заказывают?

- Гм... Вы же заказали...

- Ну, на самом деле нет. Можно взглянуть? - Он тут же вручил мне планшетку с прикрепленным списком адресов развоза. - Это не... - начал было я, но тут же захлопнул рот.

Можно было высказаться по поводу того, что там проставлено не мое имя. Вместо «Брайан» указано «Лэнни». Я взглянул на грузовик, словно он был битком набит взрывчаткой, достаточной, чтобы поднять на воздух все окрестности.

- И что вы надумали? - спросил курьер.

Я внимательно взгляделся в его лицо на предмет выявить хоть какие-то признаки обмана. Его открытый взгляд лучился честностью. Он казался частью ясного и теплого дня. Возможно, он был тем, кем представился, а может, и нет - в любом случае я почувствовал, что все в порядке, и перестал тщательно изучать его.

- Конечно, - откликнулся я, передавая планшетку обратно. - Заносите.

Ящик размером со стиральную машину, привязанный ремнями к ручной тележке, закачался, когда курьер покотил его по вымощенной плиткой дорожке, потом повернул и поднял ее на две ступеньки в дом. Я велел ему оставить груз посередине гостиной. Руководствуясь стрелками на внешней стороне ящика, он опустил его длинной стороной на пол.

И вытащил двадцатку.

- Мы не берем чаевых, - покачал он головой.

- Мне не часто доставляют посылки. Сделай милость.

Он взял банкноту, причудливым движением прикоснулся к кепке и ушел, мягко прикрыв дверь. Через фасадное панорамное окно я наблюдал, как отъехал грузовичок, заурядный и удивительный одновременно.

Естественно, обратный адрес был размыт водой. Я разрезал липкую ленту ножом для бумаг со стола жены, и в щелочку, где соединяются края картона, проглянул корешок книги. Вклинив туда нож, я поднажал и распечатал посылку. Там оказался целый ящик толстых коричневых немаркированных фолиантов. Я опустился на колени и вытащил один из пары десятков томов.

Открыл наугад исписанную от руки страницу и прочел дату: 7 февраля 1968 года. Стал читать, вернее, декламировать. Кроме дат и имен, все было начертано фонетическим письмом Тергена. Я положил открытую книгу на пол и стал мысленно проговаривать текст, слушая щебет птиц, движение воздуха в кронах деревьев, рокот разбивающихся камней. Последний по времени том слишком быстро кончился, затем другой. Просматривая страницу за страницей, я добрался до своего имени. Уселся поудобнее, и ящик с книгами полностью поглотил меня.

Он оставил мне несколько долговечных знаков своего существования: мои ненадежные воспоминания, стоящий на каминной полке свадебный подарок с выгравированным важнейшим в жизни словом, а также эти дневники, зашифрованные в сказки избранных. И внезапно мир - его видимые и невидимые проявления - предстал предо мной во всей своей полноте.

Перевела с английского Татьяна МУРИНА

© William Preston. Helping Them Take the Old Man Down. 2010.
Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2010 году.

СТИВ РЭСНИК ТЕМ
ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Несчастный случай произошел за четыре фазы сна до приземления. Джейкоб записывал свои наблюдения в бортовой журнал, как вдруг услышал сигнал тревоги. К тому моменту, как он спустился в грузовой отсек корабля, все стихло. Через стекло он посмотрел на приоткрытую дверь отсека и на переключатель. Дверь была открыта изнутри. Все, что до этого находилось в грузовом отсеке, унесло в космос.

- Андерс! - позвал Джейкоб по радиосвязи, подождал мгновение, но ответа не последовало. В ухе зажужжал передатчик, и командование корабля сообщило:

- Исходя из наших данных, Андерс Нильс...

Джейкоб прервал радиосвязь. Он не хотел слышать, что скажет ему командование. Он пошел искать Андерса.

Передняя кабина, предназначенная для команды корабля, была пуста. Также пустыми оказались туалеты, душевые кабинки, отсеки навигации, инженерный, отдыха и общий. Когда раздался сигнал тревоги, Джейкоб находился в отсеке звукозаписи. Он методично проверил каждое помещение, каждый проход, каждую трубу и даже

мусорный отсек. Больше искать негде.

- Андерс, пожалуйста, доложите о вашем местонахождении, - произнес он по радиосвязи.

В ответ - тишина.

Он подождал и все-таки включил связь с командованием.

- Пожалуйста, сообщите о местонахождении Андерса Нильса, - громко потребовал он.

- Андерса Нильса на корабле нет, - ответил мягкий женский голос. - По инструкции, в случае если дверь грузового отсека оказывается открытой без соответствующего приказа, вы обязаны тут же сообщить об этом командованию корабля. Почему вы этого не сделали? Почему вы отключили связь с командованием?

Джейкоб ничего не ответил. Он не мог объяснить, почему пренебрег инструкцией. Может, потому что уже понимал: Андерса нет на корабле - и не хотел слышать подтверждения. В этом ли была причина? Но он же все-таки не сумасшедший... И потом: несмотря на то что они с Нильсом долгое время бок о бок несли службу на космических кораблях, занимающихся сбором и отправкой информации, друзьями, как ему казалось, они не были.

А кстати, возможно ли такое?

Как получилось, что они не стали ни друзьями, ни врагами, никем? Погруженный в работу, Джейкоб не желал строить ни с кем никаких отношений, кроме деловых. Долгие часы он трудился: слушал (этому его специально обучали), улавливал слова, которые проносились в космическом пространстве, пытался их понять и, если удавалось восстановить текст полностью, отправлял заплутавшие послания по назначению.

- Пожалуйста, ответьте на несколько служебных вопросов. - Казалось, голос командования потерял всякую естественность. - Вы обязаны ответить на эти вопросы. - В тоне командования появились металлические нотки.

Джейкоб был профессионалом, он - словно сенсор, чувствительный датчик, служащий императору. Или кому-то иному, или даже чему-то, что последнее время выдавали за императора. Джейкоб выполнял работу, на которую еще не были способны машины, он улавливал все нюансы сообщений. Часто его напарник высказывался об их обязанностях в таких, например, выражениях: «Ты улавливаешь и записываешь каждый случайный пук в Галактике!». Подобные комментарии не вызывали у Джейкоба неприязни к напарнику, но и не способствовали развитию дружеских отношений.

Теперь ему придется завершать задание, а может и всю миссию, одному! Эта мысль накрыла его холодной волной, а затем привела в ярость. Как же быть? Помимо записи наблюдений и работы с сообщениями корабль доставлял инструкции, предписания и

официальные объявления в отдаленные поселения, и сейчас Джейкоб находился как раз на всеми забытой периферии Галактики. Здесь, на окраине, где граница между империей и остальной Галактикой еле заметна, быстрая доставка нового сотрудника на космический корабль невозможна.

- Андерс Нильс разговаривал с вами, прежде чем отправиться в грузовой отсек?

Джейкоб собрал запасную одежду Андерса в сумку, составил опись личного имущества бывшего напарника: туалетные принадлежности, разные мелочи, плеер.

- Пожалуйста, ответьте. Андерс Нильс сообщал вам о своих намерениях?

Джейкоб не обращал внимания на вопросы командования. Он разложил звукозаписи и сделанные от руки заметки, проверил информационные файлы и изображения, хранящиеся на личных инфоносителях Андерса.

Файлы в личном дневнике напарника оказались обширными и детальными. Джейкоб просмотрел лишь несколько записей. Они его удивили. Но у него не было ни времени, ни желания удивляться.

- Вы не замечали, что Андерс Нильс находился в депрессии?

Джейкоб не любил разговаривать с командованием. Зачастую оно старательно изображало сострадание и участливость. В сравнении с ними Джейкоб сам себе казался сухарем.

Осторожно складывая личные документы Андерса в контейнер, он зевнул, потом - еще раз. Через несколько секунд зевки участились. Было невозможно сопротивляться усыпляющей силе командования. Он едва успел добраться до своей койки, как погрузился в сон.

Разбудив Джейкоба, начальство продолжило расспросы о Нильсе. Температура в кабине звукозаписи заметно упала, и Джейкоб почувствовал дискомфорт.

- Пожалуйста, смените форму, чтобы соблюсти установленные нормы. Голос в наушнике был снова мягким и в то же время настойчивым. В сравнении с ним собственные интонации Джейкоба казались отрывистыми и неуверенными. Он двумя пальцами провел по манжете формы, пока на индикаторе не появился нужный темно-синий цвет.

- Вот теперь нормально.

На мгновение воцарилась тишина.

- Император выражает свои соболезнования по поводу утраты члена команды, репортера Андерса Нильса.

Голос прозвучал сердечно, искренне. Джейкобу даже стало стыдно за свое неразвитое чувство сопереживания. Снова воцарилось неловкое молчание.

- Как долго вы служили вместе с Андерсом Нильсом?

- Через несколько фаз сна исполнилось бы четыре года.

- Точнее, пожалуйста.

- У вас же есть эта информация. - Джейкоб даже не пытался скрыть раздражение.

- Отвечайте на поставленный вопрос. Мы понимаем, что вам, возможно, сейчас нелегко. - Командование редко говорило «мы». Вдруг Джейкоб засомневался: с кем же он разговаривает - с человеком или роботом?

Джейкоб провел рукой по столу и достал свой личный дневник.

- Три года. Одиннадцать месяцев. Три недели. Семьдесят три часа. И четыре минуты - по крайней мере до того момента, как раздался сигнал тревоги.

Наступила еще одна долгая пауза. Джейкоб понимал, что это не из-за неэффективности работы командования. Ведь оно могло формулировать необходимые вопросы мгновенно. Просто начальство давало ему время подумать, вспомнить, а само следило и анализировало этот процесс. Но поскольку Джейкобу вспоминать было нечего, он выжидал.

- Так вы знали о депрессии Андерса? - повторило вопрос командование.

- Депрессии?

- Вам известно, по какой причине Андерс мог совершить самоубийство?

- Разве он совершил самоубийство? Каков процент вероятности?

- Сорок три процента.

- Значит, вы в этом не уверены.

Последовало довольно длительное молчание.

- Да, наверняка мы не знаем.

- Выходит, вы не знаете, о чем говорите.

На панели управления мерцал красный огонек. Джейкоб думал об Андерсе и теперь утвердился во мнении, что они действительно никогда не были друзьями.

- Вы прослушали личные дневники Андерса Нильса.

Это уже был не вопрос. Разве командование разучилось формулировать вопросы?

Но Джейкоб все же ответил, решив, что по крайней мере будет выполнять свои обязанности:

- Я слышал не все, только небольшую часть. На прослушивание всей информации не хватило времени.

- Каково ваше впечатление о дневниках Нильса?

- Я... ну... трудно сказать. Они очень подробны. На удивление. И слог прекрасный. Я бы сказал поэтический.

- Эти записи отражают реальные факты?

- Скорее, нет. События в них довольно... странные.

- Что вы имеете в виду?

- Необычные. Сумасшедшие. Нереальные. Мы никогда не бывали в той местности, которую описал Андерс. Вы это прекрасно знаете. Мы никогда не посещали подобных мест, и у нас не было тех приключений, которые он описал.

- А ваши взаимоотношения он отразил верно?

- Нет. На самом деле я его не очень хорошо знал.

- И вы не были друзьями?

- Скорее, просто добрыми знакомыми. Мы работали вместе, и между нами существовали только деловые отношения.

- А почему вы не подружились?

Джейкоб никак не ожидал, что командование задаст ему такой вопрос.

- Я прямо не знаю, что ответить, - выдавил он наконец.

- Почему вы предполагаете, что Андерс не планировал самоубийство?

Джейкоб ничего не ответил. Он молча сидел, уставившись на красный огонек панели управления, пока не начался отсчет перед приземлением.

* * *

Поверхность планеты местами имела светопоглощающее покрытие, которое во времена прадедушек использовали на официальных инсталляциях и для поддержания конструкций. Искусственная поверхность переливалась всеми цветами, но это лишь подчеркивало, насколько сама планета в действительности была серой и однообразной. Создавалось впечатление, что она сопротивляется любым попыткам инопланетных экологов повлиять на нее.

- Добро пожаловать на планету Джой, - объявила девушка-офицер и одарила Джейкоба по-настоящему (как ему показалось) теплой улыбкой.

Джейкоб лишь моргнул в ответ. Что-то не похоже на официально определенное место назначения: может быть, посещение этой планеты все-таки не входит в его миссию?

- По-видимому, кто-то надо мной подшутил.

- Да, может так показаться, - сказала она, все еще улыбаясь. - Но это 960G4-32.

- Значит, я все же в нужном месте.

Передатчик в ухе забормотал: «Сообщите ей, что цвет ее формы не соответствует правилам».

Но Джейкоб проигнорировал это замечание. А ведь верно: форма девушки имела пурпурный оттенок. Но, вероятно, она просто не сумела настроить цвет. Без сомнения, ее форме уже несколько десятков лет, и настраивать цвета чрезвычайно трудно.

- Рада вас видеть! К нам редко заглядывают гости.

Он заметил, что круг его задач на данной планете был слишком широким, общим. Правда, по большому счету, ему это было безразлично.

- Согласно плану я пробуду здесь всего две фазы сна, - сказал он дружелюбным тоном, пытаясь смягчить жесткость фразы.

- Мы решим, что сможем показать вам за столь короткое время. Я знаю, что корабли-репортеры стараются записать как можно больше информации, но нигде не имеют права задерживаться.

Передачик снова зажужжал: «Для планеты 960G4-32 у нас 432 недоставленных сообщения с инструкциями. Это слишком много. Все разослать вы не сможете. Поэтому выберите несколько по своему усмотрению».

Ему не хотелось упускать ни одного из этих сообщений.

Джейкоб кивнул и подумал, что, вероятно, девушка еще не родилась, когда последний корабль-репортер прилетал на эту планету. Она, наверное, почерпнула свои знания о корабле из какого-нибудь старинного руководства. Правда в том, что имперской системе наплевать на отдаленные базы-поселения. У них есть всего пара фактов, касающихся населения и вооружения, которые можно найти в таблицах статистики. Джейкоб слышал, что уже давным-давно высказано предположение, будто подобные далекие планеты со временем потеряют связь с империей и их роль станет ничтожной. Иначе устройство этих поселений было бы более приятным глазу.

- Эния, ты должна была меня позвать, - мужчина, вошедший в кабину, говорил тихо, но в его голосе звучали властные нотки. Он поднял руку в знак приветствия. Джейкоб, не привыкший к подобным жестам, робко махнул в ответ.

- Но я вас звала, полковник, - мягко произнесла девушка, отступая назад, что позволило пришедшему занять место на платформе.

-хлопотное дело это сканирование, - сказал он, слегка покраснев. - Но необходимое. Думаю, они хотят разглядеть у вас щупальца.

Это была старая шутка. Джейкоб подождал, пока древние сенсоры наконец завершили процесс сканирования.

- А вы когда-нибудь обнаруживали Чужих?

- Эта техника на такое не способна. Давным-давно Чужие встречались, и я наверняка сталкивался с несколькими из них во время зачисток. Трудно сказать. В те времена у них от передатчиков отходил провод с металлическим наконечником. «Если это не Друг, значит - Чужой». Помните такой лозунг? Конечно, нет, вы ведь слишком молоды. Нам тогда внушали, что они повсюду. Проблема в том, что их было трудно распознать. Не стал ли этот процесс идентификации проще в последнее время? Думаю, да. Ведь в наши дни так много новшеств.

Джейкоб задумался, какие же новшества имеет в виду этот пожилой

мужчина. Здесь, на краю империи, люди могут быть такими доверчивыми!

- Даже не знаю. Я ведь сам никогда не видел Чужого.

Пожилой офицер пристально на него посмотрел.

- Не следует легкомысленно относиться к этому вопросу! Меня удивляет, что вы никогда не сталкивались с нашим врагом. Вы ведь много путешествовали. Вас информируют о ходе войны? Я имею в виду официальные источники.

Джейкобу стало не по себе. Словно если он не даст удовлетворительного ответа, то офицер поставит его на карантин и подвергнет процедуре дополнительного сканирования. Жаль, что Джейкоб не умел выдумывать истории, как Андерс. В ухе зажужжал передатчик: «Война то угасает, то снова разгорается. Но ситуация в целом стабильна. Империя сохраняет власть». Устыдившись своей неосведомленности, Джейкоб слово в слово повторил то, что ему сообщило командование.

- Очень хорошо. - Офицер подал знак, и платформа, на которой стоял Джейкоб, заскользила вверх по наклонному проходу. Пожилой мужчина взял Джейкоба за руку.

- Добро пожаловать на нашу скромную планету. Приятной посадки. Эния, то есть офицер Болдуин, готовит для вас статистическую информацию. Вы бы хотели осмотреть какие-то определенные места?

- В общем-то нет. Я уже объяснил офицеру, что пробуду здесь всего две фазы сна.

- Хорошо. Но вы понимаете, что здесь ваше командование не сможет воздействовать на ваши фазы сна, не сможет погрузить вас в сон. Если вы хотите сохранить привычный ритм и продолжить свой цикл сна и бодрствования, то вольны в любой момент возвратиться на свой корабль.

- Я так и сделаю... постараюсь, по крайней мере.

- Да, конечно. Не все хорошо переносят переход на новый режим. Внезапно офицер потупился, словно разглядывая панель управления.

- У вас есть сообщения, которые нужно доставить? - спросил он, не поднимая глаз.

Передатчик в ухе еще раз напомнил: «432 недоставленных сообщения».

Джейкоб раздраженно мотнул головой.

- Есть несколько сообщений, но они наверняка давным-давно устарели.

Офицер усмехнулся (казалось, своим мыслям).

- Ну больше нам и не надо! - Он облизнул губы. - Это сообщения для каких-то определенных людей?

«Ж-ж-ж... Для правильного поиска необходимо конкретное имя. В 62% случаев на данный момент сообщения затерялись и не были

доставлены из-за неверной адресации и неправильного определения временных границ».

- Насчет определенных людей я не уверен. Я, конечно же...

- Завтра мой отец уходит в отставку, - выглянула из коридора Эния. - Он ждет письма от императора.

* * *

Они летели низко, едва не касаясь мрачной поверхности планеты. Их скутер походил на огромную сандалию. Джейкоб определил, что это старая модель геомагнитного космоскутера. Казалось, он был построен на скорую руку в домашних условиях, и его качество и прочность оставляли желать лучшего. По правде говоря, здесь, как почти во всей империи, и не слышали о запасных деталях для скутеров.

Время от времени они пролетали над участками с разрушенным покрытием. И тогда их аппарат вилял, со скрежетом меняя направление.

- На самом деле эта посуда гораздо крепче, чем кажется, - девушку, по-видимому, насмешила настороженность Джейкоба. - Извините моего отца.

- Все в порядке. Он ничего такого не сделал. А вы его смутили.

Эния вздохнула.

- Боюсь, да. Просто он уже так давно ждет этого дурацкого письма. И я знаю, что сам он напрямик об этом не спросит.

- Да, я так и понял. Особенно когда он, для того чтоб сменить тему, вдруг начал извиняться за свою и вашу форму. «Моя форма на 22 пункта не соответствует необходимой цветовой гамме. А форма Энии Болдуин - на 36 пунктов», - спародировал Джейкоб старого офицера.

- Самое печальное, что он каждый день следит за этими цифрами несоответствия. А в конце месяца составляет график, чтобы понять, есть ли какие-нибудь улучшения в настройке цвета. Его постоянно волнуют такие вопросы. Как будто он ожидает, что в следующем году моя форма вообще потеряет цвет и станет прозрачной.

Джейкоб почувствовал, что краснеет. Осознание этого наполнило его чувством отвращения к самому себе. Он не смел даже взглянуть на Энию.

- Ваша форма такая старая. Здесь уже ничего не поделаешь! Думаю, ее цветовые отклонения не имеют особого значения.

- Только не для моего отца. Но ему осталось служить всего один день, а потом он перестанет беспокоиться по поводу цвета... Итак, репортер Джейкоб Вестман, есть ли у вас письмо для моего отца? Вы вообще что-нибудь знаете об этом письме? Или всю информацию получаете по передатчику в ухе?

Она, наверное, никогда раньше не видела такого средства связи, но читала о нем в каком-нибудь пособии.

- Немного терпения. Через секунду командование сообщит мне всю известную им информацию.

«Раньше письма от императора вручали офицерам высших чинов, а также офицерам, управляющим поселениями и сторожевыми постами, по случаю их ухода в отставку. Но в наши дни эту традицию практически перестали соблюдать. О ней быстро забывают по мере того, как звенья власти выпадают из общей цепи. Очень редко сам император уделяет внимание таким письмам. Последний случай, когда император посылал подобное письмо, был зарегистрирован... запись об этом неполная».

- Когда-то давно отец знал императора лично, - сообщила Эния. - В молодости они были друзьями и вместе служили. Думаю, именно поэтому отец с большой надеждой ждет этого письма.

«Идет проверка данного заявления. Большая вероятность, что это ложь. Устанавливаем степень правдивости. Такие связи могут иметь особое значение. Надо определить, сложились ли у них дружеские отношения. Определить это сложно, поскольку неизвестно, существует ли в наши дни такая фигура, как император. Параметры классифицируются».

- Вашим информаторам еще нужно время?

- По-видимому, да. Извините.

- А что вы чувствуете, когда у вас в голове постоянно звучит голос? Мне трудно выносить даже тихий звук передатчиков, которые мы используем здесь, на планете Джой. Не говорите моему отцу, но я иногда вообще отключаю связь.

- Честно говоря, временами и меня подобное раздражает. Но ведь это, - глядя ей в глаза, он выдержал паузу, - система.

Она кивнула.

- Знаете, мне здесь становится по-настоящему одиноко. Даже спустя столько времени старые сотрудники разговаривают с тобой то с теплотой, по-человечески, то вдруг начинают относиться к тебе, будто ты - Чужой, враг.

- Мои наблюдения показывают, что в таких отдаленных поселениях подобного рода поведение не удивительно.

- А в Галактике все еще есть Чужие?

«Советуем прекратить всякие рассуждения на эту тему...»

- По правде говоря, не имею ни малейшего представления. Может быть, да.

- А император все еще жив? До нас сюда не доходят никакие новости.

«Отсутствие полной информации - это не повод, чтобы члены команды, находящиеся на службе, своими высказываниями вводили окружающих в заблуждение...»

- Боюсь, здесь я вам ничего ответить не смогу. Я знаю, кто-то наверняка есть. Мы ведь постоянно получаем новые инструкции, указания и приказы. Время от времени корабли снабжения прибывают в место назначения, хотя это редко случается. - В ухе злобно жужжал передатчик, но Джейкоб не обращал внимания. - Встречаются и другие военные корабли. Империя властвует, ее границы не перестают изменяться. Исходя из моих наблюдений, большинство поселений имеет собственную систему самоуправления. Может быть, император все еще существует, а может, вместо него работает комитет. Люди рассуждают о Чужих, но ни один из моих знакомых никогда не видел Чужого. Некоторые говорят, что Чужих не существует... и императора тоже.

- Но император существовал. Мой отец был с ним знаком. Отец говорит, что в давние времена будущий император должен был служить, как и все остальные.

- Должно быть, у вашего отца много интересных историй о тех временах.

Внезапно искусственное покрытие под ними исчезло, и скутер так же внезапно остановился. Им открылась неустроенная, необжитая часть планеты Джой. Многоцветные слои камня закручивались в конусы, потом следовали остроконечные вершины, а далее простирались пустые долины. При дневном свете эти территории выглядели странно. Свет причудливо играл на рельефе, что создавало видимость постоянного движения.

- Очень красиво, - сказал Джейкоб, чувствуя себя неловко, ведь он не привык комментировать такие экзотические виды.

- Да, но боюсь, это конец наших с отцом полетов. Грустно, что мне придется спуститься туда. Я окажусь сама по себе, не будет больше приказов. Словно я лишаясь чего-то. Уверена, вы можете это понять. Но эта планета такая прекрасная и странная! Была бы она некрасивой, я просто не смогла бы на ней жить. - Эния засмеялась. - Думаю, я сказала какую-то глупость.

Джейкобу был безумно приятен ее смех, и ему так захотелось сказать ей об этом, но он сдержался.

- Вы остаетесь здесь из-за отца?

- Завтра он уходит в отставку, и мне придется принять новые обязанности. Думаю, со временем мы все наладим, и я смогу находить предлоги, чтобы почаще покидать планету. Кроме того, отец сейчас во мне нуждается.

- Не могу обещать конкретных результатов, но буду продолжать поиск какого-нибудь письма или сообщения, хотя бы любого официального документа по случаю отставки вашего отца...

- Он действительно лично знал императора, я в этом уверена. Мой отец не из тех, кто выдумывает истории.

«Ложь - это всегда потенциальная угроза. Когда присутствует неверная информация...»

- Я вам верю.

- Но у отца нет в запасе никаких историй. Его воспоминания обрываются после того случая, как он встретил императора во время одного из первых вторжений врага. В какой-то момент взвод вернулся обратно, с императором, и власти, должно быть, заподозрили, что среди вернувшихся есть Чужой, потому что весь взвод тщательно осмотрели, если вообще возможно подобрать слова, чтобы описать эту процедуру. После этого отец потерял большую часть своих воспоминаний того периода жизни. И хотя в его официальных записях значатся и даты, и места пребывания, но почти все детали отсутствуют.

«Вероятность нахождения сообщения при таких неточных параметрах поиска невелика».

- Надеюсь, сообщение для вас где-нибудь всплывет. Я вернусь на корабль и проведу остаток дня в поиске.

- Даже если вы ничего не обнаружите, все равно приходите завтра на церемонию, хорошо? Иметь такого гостя с другой планеты...

- Конечно, - ответил Джейкоб и поежился от мысли, что ему придется находиться в кругу незнакомых людей.

* * *

В тот вечер он сидел в одиночестве в кабине звукозаписи, до очередной фазы сна оставались считанные часы. Так же он будет сидеть еще много лет, пока начальники, которых, по его мнению, было слишком много, не подберут замену Андерсу. И раньше, когда его напарник был жив и находился всего в нескольких метрах от него, Джейкоб, бывало, оставался один. Андерс для него был всего лишь посторонним человеком, который просто сидит и слушает, улавливает и записывает голоса, летящие во тьме космического пространства. В эту ночь Джейкоб, как обычно, вслушивался в мириады голосов, которые сообщали детали постановлений и приказаний, инструкций и правил. Люди из отдаленных миров, не посещаемых уже десятки лет, просили выйти на связь. Кто-то умолял о помощи. Кто-то требовал вознаграждения. Кто-то просто ждал ответного приветствия. Джейкоб уловил несколько взволнованных голосов, интересующихся Чужими; кто-то спрашивал, не захватили ли Чужие Вселенную. Однако сам император хранил молчание. На протяжении всей своей жизни Джейкоб так ни разу не услышал и не увидел императора. Вероятность того, что письмо, которого офицер так ждет, вдруг чудесным образом появится, казалась Джейкобу ничтожной.

- Продолжайте разбирать и доставлять все входящие и ранее не рассмотренные сообщения, - произнес Джейкоб громким голосом. - И подготовьте, пожалуйста, записи из дневника Андерса Нильса.
Весь вечер командование молчало.

* * *

Зал, где устроили церемонию, был маленьким. Да и народу оказалось немного. Зал украсили лозунгами официального характера, цвет которых немного не соответствовал норме, как отметил для себя Джейкоб, и это цветовое несоответствие уносило дисгармонию. На стенах разместили изображения полковника на разных этапах его карьеры. Пустые места в цепочке изображений свидетельствовали о том, что в его биографии существуют белые пятна. На групповых портретах различались военнослужащие. Джейкоб вглядывался в неясные, затертые временем лица и думал: кто-то из них император!

Люди по очереди вставали и рассказывали о том, как они служили с полковником. Некоторые говорили, что полковник - прекрасный командир. Два человека сказали, что он мечтатель, но не предоставили этому доказательства. Мужчина, по виду постарше полковника Болдуина, поведал веселую историю о том, как они вместе служили, но вдруг резко осекся и сел на свое место. Джейкоб подумал, что этот человек наверняка был в отряде, когда его проверяли на наличие Чужих. В результате той операции пострадала память Болдуина, он лишился множества воспоминаний.

Затем со своего места поднялась Эния и объявила всем, что полковник еще и отличный отец. Она говорила о своем огромном уважении к нему, о его безграничном терпении. Когда она села, Джейкоб заметил, как взволнованно смотрит Эния на свиток пленки, который он держит в руке. В этот момент у Джейкоба задрожали руки.

- Кто-нибудь еще желает высказаться? - спросил низенький мужчина в поблекшей форме клерка.

Джейкоб встал, прошел по залу и повернулся лицом к присутствующим. Он окинул взглядом аудиторию в поиске человека, на котором можно остановить свое внимание. Джейкоб понял, что смотреть на полковника он не сможет. А вот поглядывать в лицо Энии в процессе чтения возможно, к тому же это очень приятно. Чтобы руки так сильно не тряслись, Джейкоб крепко вцепился в свой листок.

- Нас окружают огромные космические пространства, переполненные сообщениями и письмами. В эти смутные времена немногие сообщения доходят до адресата, а те, которые мы все же получаем, не всегда несут нужную нам информацию. Но иногда можно соединить обрывки сообщений и понять, что они составляют одно целое. Я не

могу ручаться за стопроцентную точность того, что сейчас прочитаю. Очень трудно уточнить подлинность сообщений, которые мы улавливаем в бескрайних галактических пространствах. Но я интуитивно чувствую, что это послание подлинное: «Полковнику Вильяму Болдуину, офицеру, под охраной и на попечении которого находится планета Джой, от Джозефа, друга навеки, императора, по случаю завершения службы, достойной награды и похвалы, и ухода в отставку.

Теперь, из-за тех ужасных, но необходимых мер, принятых властями по отношению к тебе и некоторым другим служащим, ты, может, и не помнишь, как я долгое время голодал в ожидании пищи и поддержки; мне не хватало мужества. И ты приготовил нам блюдо из крыльев славной птицы, названия которой никто не знал; на этой птице был отпечаток того жестокого мира, в котором мы путешествовали. И когда мы ели, наши глаза вдруг засияли, будто драгоценные камни. И мы стали подбадривать друг друга смехом и песней. Для нас тогда не существовало ни солдат, ни императоров, ни приказов, ни почестей - ничто нас не разделяло. И мы поклялись друг другу, что в скором времени наступит мир. И я буду стоять рядом с тобой на свадьбе твоих детей. И у нас не возникнет серьезных разногласий. И если нас будут разделять миры и пространства, разный жизненный опыт не станет для нас преградой.

Когда нас отрезвила реальность, я увидел твое смущение - я уже был императором, а ты остался офицером. Раньше мы так хорошо знали друг друга, а теперь общество требовало, чтобы каждый из нас играл свою роль. И ты не желал слушать, когда я объяснял тебе то, что знают все императоры, ты заковал свое сердце в броню. А я хотел видеть в тебе прежнего открытого друга. Даже став императором, я не хотел терять друга, несмотря на то что общество пыталось мне это навязать.

В те времена о приключениях мы знали не понаслышке! Мы были родственными душами. Без оглядки я последовал за тобой в огонь при Вейлунге, где погибали летчики и пилоты, где дыхание смерти опалило наши мундиры и волосы. В агонии ты тащил меня к фонтанам того угасающего мира, где прекрасные духи плакали над нашими ранами, и мы лежали, окутанные в их одеяния, а вокруг нас бушевали сражения, но мы больше не были их участниками. Потом я наконец смог открыть глаза и не закричал от боли. А ты уже ждал меня у корабля, и ты повез меня мимо все тех несчастных миров. Затем прибыли те, кто остался от нашего полка. После этого и началась наша первая разлука.

И ты должен знать, что мой народ считал такую дружбу невозможной. Мой народ... На самом деле они сами называли себя моим народом. А в реальности я полностью принадлежал им. Они говорили мне, что некоторые люди не должны встречаться и общаться, они должны

держаться порознь, и дружба возможна только между равными по положению людьми. Поэтому мне приходилось довольствоваться сообщениями о твоих подвигах, о твоей освободительной миссии, проходившей между двумя морями, о том случае, когда ты вытащил тех доверчивых детишек из шахты в Дэбэл Шиан, и о твоём путешествии за облачную завесу в Чейлин.

Если бы ты только помнил нашу последующую встречу в Хеен Темплз! Как я хохотал над твоими шутками! Я раскраснелся, будто юная девица, и плясал от души, а ты пел, пока не охрип! Но потом ты испугался, что твое положение вроде бы не позволяет тебе так свободно, безоглядно, безумно веселиться. Мне все же удалось убедить тебя в том, что иногда безумство - это единственный разумный ответ жестокости, зверству, гибели всего сущего и долгим путешествиям домой, в одиночестве, в полной темноте.

Но все заканчивается. И даже я со своей отличной памятью и многочисленными воспоминаниями не могу вспомнить, когда же мы с тобой, мой друг, последний раз вместе смеялись. Всему приходит конец. Приходит отчужденность. Видимо, у сердца есть свои тайны, и ни одна из наук не может их объяснить. Нас с тобой разлучила империя, но я всегда о тебе думаю.

Джозеф, твой император».

* * *

Джейкоб, не теряя ни минуты, вернулся на свой корабль. Когда тот покинул атмосферу, причем из-за недостатка времени множество сообщений для обитателей планеты Джой не было вручено, в кабине звукозаписи все продолжался разговор командования с Джейкобом Вестманом.

- У нас еще есть вопросы по поводу смерти Андерса Нильса. Вы готовы на них отвечать?

- Задавайте любые вопросы. Вы можете повторить и те, которые задавали мне ранее, в нашем предыдущем разговоре о Нильсе. Все равно мне сейчас больше нечем заняться.

- Прежде чем продолжить, мы хотели бы поинтересоваться вашим пребыванием на планете 960G4-32.

- Я так и думал.

- То письмо императора Джозефа, которое вы прочли, это же откровенная ложь, выдумка, не так ли?

- Да, это была ложь.

- Вы составили это письмо из выдуманных историй, записанных в дневнике Андерса Нильса, о ваших с ним приключениях и путешествиях, которых на самом деле никогда не было.

- Да, дневник Андерса Нильса с его вымышленными приключениями и описаниями нашей выдуманной дружбы, которой никогда не существовало, явился главным источником информации. Но при составлении письма я добавил некоторые детали из жизни самого полковника Болдуина и несколько описаний моих собственных путешествий, которые я совершил за последние девять лет. По стилю напоминает произведение Ли По «Письмо изгнанника». Вы его читали?

- Это стихотворение есть в нашей информационной базе.

- Я знаю, что поступил нечестно.

- Значит, вы признаете, что письмо императора было не настоящим, это откровенная ложь?

Джейкоб не торопился с ответом. Он подумал и сказал:

- Нет, не ложь. Это то, что думал обо мне Андерс Нильс и как он ко мне относился, как он переживал одиночество. Это точное отображение его безудержной тоски и надежд. Еще я думаю, что такую же тоску испытывал полковник Болдуин, а возможно, и наш император тоже, хотя неизвестно, жив он еще или нет. В этом письме я отразил и свои чувства.

- Но события, изложенные в письме, события, которые предположительно происходили в жизни полковника Болдуина, - это же миф!

- События и воспоминания исчезли навеки из жизни Болдуина. Их отобрали у полковника. Если бы полковник в бою лишился ноги, то командование предоставило бы ему протез. События, которые я описал в письме императора, явились своего рода протезом тех воспоминаний, которые он утратил.

- Вы знаете, почему Андерс совершил самоубийство?

- Я не уверен. Но думаю, что истории, которые он сочинял, просто перестали ему помогать, поддерживать его. Он, наверное, страдал от чудовищного одиночества.

- При таких обстоятельствах он должен был поговорить с вами. Он мог бы попросить у нас помощи.

- Некоторые люди просто не могут просить или говорить о своих страданиях. Люди ведут себя так, как умеют.

- Почему же вы не догадались, что Андерс планировал самоубийство?

- Потому что мне не удалось выполнить то, чему меня так тщательно обучали. Я просто не смог услышать!

На этом разговор завершился. Джейкоб вернулся к своей работе.

Долгими ночами он сидел в одиночестве и ждал, когда получит замену Андерсу, и уже сомневался, пришлют ли напарника когда-нибудь вообще. Время от времени он слушал дневники Андерса. Иногда вел свой дневник.

Командование завершило свой отчет и отправило его в бескрайние космические просторы. Оно не знало, дойдет ли отчетная ведомость

до точки назначения. Ему это было безразлично.

Перевела с английского Марина КОЗЛОВА

© Steve Rasnic Tem. A Letter from the Emperor. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2010 году.

Видеодром

хит сезона

СКАЗКА СТРАНСТВИЙ

Бывает дружба, которая оставляет след не только в жизни тех, кого связывает. Она влияет на целые направления в искусстве. И бывает дружба, которая продолжается, хотя самих друзей уже давно нет в живых.

Такой пример дает история дружбы Джона Толкина и Клайва Стейплза Льюиса. Профессор помог Льюису вновь обрести утраченную было веру. С другой стороны, без участия и поддержки Льюиса мир никогда бы не прочел «Властелина Колец».

Не столь известно другое: отношения писателей несколько охладели именно из-за различных взглядов на литературу. Вернее, на то, какой должна быть фантазии, хотя ни тот, ни другой не использовали этот термин. Создавший цельный и замкнутый в себе мир Толкин не слишком жаловал эклектику Нарнии с ее переплетением христианских,

античных и фольклорных образов.

Но так случилось, что это творческое содружество продолжилось уже не в книгах, а на экране. Из двоих друзей лишь Профессор дожил до первых экранизаций своей и льюисовской прозы. Они случились с разницей в год в виде телепостановок. Льюису «повезло» чуть больше: первый игровой сериал по «Хроникам Нарнии» был снят еще в шестидесятых, спустя всего четыре года после смерти автора. Тогда адаптации подверглась только повесть «Лев, колдунья и платяной шкаф». А в конце восьмидесятых компания BBC экранизировала для телевидения первые четыре книги нарнийского цикла. При этом «Принц Каспиан» и «Покоритель зари» были сюжетно объединены за счет центрального персонажа. Любопытно, что сам Льюис работал в службе религиозного вещания BBC во время Второй мировой войны. Сериал несколько походил на телевизионный театр. Говорящих животных играли актеры в откровенно бутафорских «плюшевых» костюмах. Живые люди в кадре взаимодействовали с куклами и рисованной анимацией. Впрочем, кукольный Аслан был весьма убедителен. Ну, а книги Толкина в то время можно было увидеть на экране только в качестве мультфильмов. Хотя «Льва, колдунью и платяной шкаф» тоже уже успели «нарисовать».

А дальше наступил век двадцать первый, а с ним и расцвет экранной фэнтези. Зачином стала кинотрилогия «Властелин Колец», и если бы не ее успех (а также популярность саги о мальчике со шрамом и волшебной палочкой), то вряд ли зритель увидел бы Нарнию. Так друзья продолжали поддерживать один другого.

В конце концов, и «Хроники Нарнии» стали трилогией. Путь к этому оказался не менее тернистым, чем попытки превратить историю Средиземья в пенталогию, добавив две части «одноактного» «Хоббита». А все дело в изменчивой зрительской любви и творческих поисках. Справедливости ради заметим: поиски были продиктованы именно разноплановостью книг Льюиса. Допустим, выдержать эпопею о Кольце в едином ключе не сложно, особенно снимая «в один присест», но с Нарнией такой фокус не проходит. «Лев, колдунья и платяной шкаф» 2005 года был красивой и дорогой сказкой для всей семьи с ненавязчивой христианской моралью, где всего примерно поровну - и серьезности, и забавных «компьютерных» зверей. Он стал одним из тех игровых фильмов, какими студия Дисней брала реванш за оскудевшую жилу классической мультипликации.

«Принц Каспиан», снятый тем же режиссером Эндрю Адамсоном, сменил жанр на героическую фэнтези, наполненную темными замковыми интерьерами, дремучими лесами и яростными битвами, отсутствующими в первоисточнике. Зритель мгновенно отреагировал падением интереса, настолько болезненным, что «Дисней» вообще отказался иметь дело с Нарнией.

Обещанную третью часть «Покоритель зари» взвалили на себя компания «Уолден Медиа» и подставившая плечо «XX век - Фокс».

Создатели решили проделать «работу над ошибками» и повторили стилистику первого фильма. Режиссерское кресло занял ветеран Майкл Эптед, снявший один из поздних успешных эпизодов походов Джеймса Бонда. В довершение с фильмом сотворили то, что не рискнули сделать конкуренты с франшизой о Гарри Поттере - конвертировали в 3D.

Чуда не произошло. Несмотря на более высокую цену «трехмерных» билетов, в первые выходные «Покоритель зари» собрал вдвое меньше любого из фильмов-предшественников. Поэтому финальные слова Аслана, сказанные «по тексту» книги и выражающие творческое и религиозное кредо Льюиса, выглядят прощанием и со зрителем...

Фильм опять меняет жанр - теперь это уже морской квест. Но почти все действие происходит на корабле, и для эпических схваток просто нет места. Оригинал у Льюиса к тому же представлял собой набор приключений, и сценаристам поневоле пришлось генерировать интригу и конфликт, объединяющие сюжет. А значит, неминуемо отойти от книги дальше, чем в предыдущих фильмах. Если первая «Хроника» поднимала тему самопожертвования и прощения, если идея второй была «на Аслана надейся и сам не плошай», то третья целиком посвящена борьбе с искушениями (усиленной по сравнению с источником). Символом выступает придуманный авторами сценария зеленый туман - новизна приема только в его цвете.

Хотя студия Диснея и отказалась принимать участие в съемках, но по иронии судьбы из всей трилогии эти «Хроники» вышли наиболее стилистически близкими к продукции «мышинного дома». Если «Принц Каспиан» во многом подражал «Двум башням», то «Покоритель зари» берет курс в территориальные воды «Пиратов Карибского моря». Так, отчаянный мышонок Рипичип воплощает сразу два главных диснеевских архетипа - Микки Мауса и капитана Джека Воробья. Хотя, в отличие от пиратских фильмов, здесь уровень насилия самый низкий по сравнению с первыми картинами цикла.

И все же создатели ленты действительно вернулись к стилистике «Льва, колдуньи и платяного шкафа» - но только в отработке второстепенных персонажей. Действие ведут очаровательный Рипичип и комический племянник-зануда Юстас, который в финале, разумеется, исправляется. И невозможно не отметить работу оператора: едва ли не каждый кадр достоин быть если не постером, то «обоями» для рабочего стола.

Все же будет очень обидно, если экранную Нарнию, пережившую Белую Колдунью, неверие в магию и смертоносный туман, погубят Деньги. Если взрослые меркантильные соображения помешают детям снова перенестись в мир волшебства.

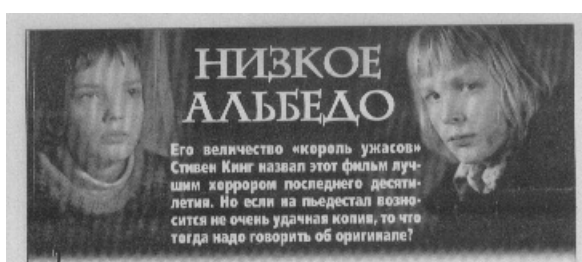
Но, как показывает история, раз в одно-два поколения Нарния возрождается.

А пока туда всегда будет самый надежный путь.
Воображение.

Андрей НАДЕЖДИН

римейк

НИЗКОЕ АЛЬБЕДО

Его величество «король ужасов» Стивен Кинг назвал этот фильм лучшим хоррором последнего десятилетия. Но если на пьедестал возносится не очень удачная копия, то что тогда надо говорить об оригинале?

Зачем снимают ремейки? Есть несколько причин, Самая распространенная - изменившееся техническое оснащение кинематографа, позволяющее создать новый визуальный ряд, вдохнуть новую жизнь в старый, проверенный сюжет на другом уровне финансирования и спецэффектов. Самая нелепая причина - это американская локализация: в Голливуде берут совсем недавнее европейское кино, поразившее своим оригинальным сюжетом, и тупо переносят действие в американские реалии. Объяснение достаточно простое, его давно дал маленький мальчик, сын медиамагната, из замечательного французского фильма «Игрушка»: «Папа говорит, что французскому читателю интересны только французские трупы». Французской «Игрушке», кстати, весьма не повезло с американской локализацией: кривляющийся негр вместо блестящего Пьера Ришара вызывает лишь брезгливость. Из положительных примеров локализаций вспоминается, пожалуй, только один - в исполнении великого Джеймса Камерона лента «Правдивая ложь» по мотивам французского фильма Клода Зиди «Тотальная слежка».

И вот перед нами очередной образчик локализации. В основе -

отличная шведская кинодрама 2008 года от режиссера Томаса Альфредсона «Впусти меня» (Lat Den Rätte Komma In), в свою очередь являющаяся экранизацией одноименного романа 2004-го Юна Айвиде Линдквиста. За ремейк взялся известный нам по картине «Монстро» режиссер Мэтт Ривз.

Пожалуй, на этом ремейке можно смело строить диссертацию на тему «Что нужно простому американцу» (а заодно, и Стивену Кингу, автору, между прочим, книги «Пляска смерти» - о том, как правильно снимать/писать хоррор). С одной стороны, Ривз почти поэпизодно копирует шведский оригинал. С другой - пытается вносить в действие продюсерские штучки. Ведь что нужно американцам?

Первое - простота. Она начинается уже с названия фильма. Название шведское недвусмысленно отсылает к известной песне Моррисси «Let the Right One Slip In», что, в общем, можно перевести как «Впусти меня». Название американское совсем лишено аллюзий и выглядит просто «Let Me In», что тоже можно перевести как «Впусти меня», но в российский прокат во избежание путаницы заокеанский продукт вышел под названием «Впусти меня. Сага». Для простоты же из сюжета убраны моменты, повествующие о жителях городка (уже не в Швеции, а в штате Нью-Мексико),

Второе - в фильме обязательно должны присутствовать погоня на автомобилях и пистолет. Погоню нам предоставят, а ради пистолета даже введут дополнительную сюжетную линию - полицейского.

Третье - героями должны быть американцы. В результате вместо Оскара и Эли главными героями становятся Оуэн и Эбби. Надо заметить, что юные американские актеры совсем не уступают шведским ровесникам, да и опыт актерский чувствуется. Мальчика Оуэна играет Коди Смит-Макфи, запомнившийся по отличному постапокалиптическому роад-муви «Дорога», а девочку Эбби (кстати, в романе маленькая вампирша не совсем женского пола, но эта тема обходится в обеих картинах) представляет уже известная по «Ужасу Амитивилля» и прославившаяся ролью замечательной Убивашки из черной комедии «Пипец» Хлоя Морец. Четвертое - раз американский зритель привык к малому типовому набору саспенсов от дедушки Хичкока, то надо ему их обязательно дать. Чем замечателен фильм Альфредсона: режиссер доказывает, что по-настоящему страшное кино можно снять с «высоким альбедо». Шведский фильм почти весь на белом фоне, хотя и без солнца, играющего свою роль в нужных местах вампирского сюжета. Да и какое солнце в заснеженном промерзлом городке. Ривз же сваливается в банальность, отправляя большую часть действия в темноту, в ночь. В результате экзистенциальная драма все больше становится похожей на заурядную вампирскую страшилку, пусть слово «вампир» в ней и звучит лишь раз, Особенно показательна финальная кровавая сцена в бассейне:

сравните, что страшнее - когда все происходит почти в полной тишине, как у шведов, или когда все ревет и кричит, как у американцев. При этом что слова герои произносят одни и те же.

Ну и пятое - никак нельзя забывать о политкорректности.

Одно можно поставить в плюс Ривзу. Акцент на теме «отца» девочки, который вообще даже не отец, а доросший до лысины и седины мальчик, когда-то давно также влюбившийся в вампиршу. И вынужденный убивать, чтобы она могла жить. Эта тема дает некую определенность, что же станет с главным героем после финальных титров.

А что в сухом остатке? Имеются два похожих фильма, с одинаковым сюжетом, большим количеством одинаковых сцен. Тем, кто видел шведский оригинал, ремейк стоит смотреть лишь с исследовательским интересом, для сравнения. Тем же, кто драму Альфредсона не смотрел и не собирается, американский вариант вполне может показаться одним из лучших хорроров. Как и Стивену нашему Кингу.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

рецензии

ПАРАНОРМАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ 2

PARANORMAL ACTIVITY 2

Производство компаний Blumhouse Productions, Room 101 и Paramount Pictures (США), 2010.

Режиссер Тод Уильямс.

В ролях: Брайан Боланд, Спрэг Грэйден, Молли Эфраим, Вивис Кортес, Кэти Фезерстон и др.

1 ч. 31 мин.

Первая часть «П.Я.» была снята в камерной манере - действие почти не выходило за стены дома. В помещении поселился барабашка - скрипящие двери, шорохи, в общем, обычный низкопробный полтергейст. Молодая семья решает от него избавиться. Покупает видеокамеру, вызывает охотника за привидениями... Охотник трусит, и молодым приходится разбираться самим. Саспенс появляется лишь по прошествии двух третей фильма. Смотреть на псевдодокументальное хоум-видео, снятое на любительскую камеру, - занятие не из легких, Правда, финал фильма неожиданно оказался лучше его содержания.

Продолжение не то чтобы ждали, но его появлению никто не удивился. Кому пришлось по душе часть первая - посмотрели вторую; кто считал фильм 2007 года полной бессмыслицей - так же отреагировал и на сиквел. Хотя сюжетно вторая часть, скорее, приквел первой. Действие происходит за два месяца до тех событий.

Демоны мучают семью младшей сестры. У нее родился мальчик. А как узнала ее падчерица: бабушка героини, получившая когда-то богатство от сделки с демоном, в качестве оплаты предложила первого ребенка мужского пола. Отсюда, кстати, стало наконец понятно, как вообще возникли в этой семье паранормальные явления.

Особо впечатлительных могут заинтересовать лишь эпизоды с маленьким ребенком и псом, якобы чувствующими присутствие потусторонней силы. Модная в этом сезоне дерганая камера, а также рваный монтаж должны были, по идее, показать «реальность» происходящего. Однако все это не слишком погружает зрителя в экранные события. Затянутое повествование, нулевая актерская игра - за два года, прошедших между съемками, ни смена режиссера, ни увеличенный бюджет так ничего и не улучшили. Что же ждать от третьей части, съемки которой уже анонсированы?

Вячеслав Яшин

УГРОЗА ИЗ ПРОШЛОГО

SHERLOCK HOLMES

Производство компании Asylum Home Entertainment (США), 2009.

Режиссер Рейчел Гольденберг.

В ролях: Бен Сидер, Гарет Дэвид-Ллойд, Доминик Китинг, Уильям Хув, Элизабет Арендс, Дэвид Шеклтон и др.

1 ч. 26 мин.

Для затравки: кто-нибудь в курсе, как зовут Шерлока Холмса? Его имя Роберт. А как звали его старшего брата? Торп. Это замечательное литературоведческое «открытие» сделала творческая группа киностудии Asylum. Именно под такими именами действуют герои сэра Артура Конан Дойля в новом фильме, мимикрирующем под блокбастер Гая Ричи.

1940 год, У окна с видом на горящий от немецких бомбардировок ночной Лондон примостился пожилой господин. Это Джон Ватсон. Он диктует молоденькой сиделке, мисс Хадсон, невероятную историю о своем друге. Историю, о которой молчал почти шестьдесят лет. Последнюю историю о Роберте Шерлоке Холмсе.

1882 год. Британская империя, Лондон. Перед сыщиком, потерявшим

без вести семь лет назад своего любимого брата, сотрудника секретной службы, возникла загадка: в Ла-Манше гигантский морской Ктулху затопил корабль, а в лондонских трущобах появились свирепые гости из юрского периода. Будучи самым умным внештатным сотрудником Скотланд-Ярда, великий сыщик должен разобраться в тайне века, Разумеется, не без помощи Ватсона, работающего медиком в клинике. И, конечно же, миссию по спасению мира два напарника выполнят с честью.

Еще зрителя ждут всякие стимпанковские чудеса - латунный андроид, его помощник-киборг, летающая машина с крыльями, рыгающая огнем, и всякие полезные, но противозаконные гаджеты. Относиться серьезно к мокбастерам «Асайлума» категорически невозможно, хотя уж совсем беспросветным кошмаром фильм не кажется, Ну, побаловались сценаристы, создав фанфик по мотивам шерлокианы. Неплохой, кстати, фанфик. Дотошные зрители могут обнаружить массу несоответствий с реальностью, однако эти многочисленные «анахронизмы» даже создают некую ауру альтернативной викторианской эпохи.

Вячеслав Яшин

ПУТЬ ВОИНА

(THE WARRIOR'S WAY)

Производство компаний Culture Unplugged Studios, Fuse Media и Sad Flutes (США - Ю. Корея - Н. Зеландия), 2010.

Режиссер Снгму Ли.

В ролях: Чан Дон Ган, Кейт Босворт, Джефффри Раш, Дэнни Хьюстон, Мэтт Джилландерс, Тони Кокс, Ланг Ти, Эналин Радд, Маркус Хэмилтон, Род Люисих и др. 1 ч. 40 мин.

Мастеру меча Янгу на поле боя нет равных. По заданию своего наставника он без страха и упрека уничтожает врагов пачками, купаясь в крови и оставляя за собой горы трупов. Но последнее задание - убить маленькую девочку - Янг не может выполнить, Он спасает младенца и, чтобы избежать мести со стороны своего клана, бежит из Японии на Дикий Запад, в захолустный городок, который терроризирует банда...

Столкнуть две такие непохожие культуры, сыграть на контрастах, заставить ковбоев драться с ниндзя - все это вызывает интерес, Именно ради таких контрастов и можно взглянуть один раз на «Путь воина». Пусть идея отправить храброго самурая на Дикий Запад не нова, пусть даже искусственность антуража видна невооруженным глазом, визуально американо-азиатский фильм Снгму Ли выглядит

неплохо.

Хуже дело обстоит со зрелищностью. Конечно, от фильма с бюджетом в 45 миллионов долларов с неизвестными актерами и сюжетом «я предал свой клан ниндзя, клан мне непременно отомстит» сложно ждать откровений. Так предложите хотя бы яркий экшен! Но, увы, у фильма «Путь воина» и с этим проблемы. Несмотря на то что главный герой способен катаной отрубить крылья летящей мухе, забористого действия здесь нет, в отличие, например, от вышедшего в 2009 года «Ниндзи-убийцы», Бои поставлены примитивно. Взмах меча - и на стене кровавый след. Прыжок, блеск меча, красный фонтан на пол-экрана - и так несколько раз подряд. Никакой индивидуальности в постановке схватки. Все это было. И было не один раз. Янг рубит врагов двумя-тремя простыми ударами, которые вызывают лишь скуку. При этом многие схватки режиссер зачем-то оставляет за кадром. Но зато как будто смакует рапид пули, пущенной из винтовки. Эка невидаль!

«Путь воина» способен подарить несколько напряженных минут. Но это точно не тот фильм, который необходимо смотреть на широком экране.

Степан Кайманов

тема

ОБМЕН РАЗУМОВ

То, что в одноименном романе Роберта Шекли происходит в будущем, кино повсеместно использует в настоящем.

«Встреча двух личностей подобна контакту химических веществ: если

между ними наступает реакция, они взаимно преобразуются». Этой цитатой из Карла Густава Юнга открывается относительно недавняя австралийская комедия под знаковым названием «Их поменяли телами». Способность и возможность выходить за собственные рамки - как духовные, так и телесные - давно волнует художников. И если не отрывающееся от реальности искусство выражает это в произведениях о смене социальных ролей вроде «Принца и нищего», то фантастика часто использует мотив прижизненной реинкарнации.

Тема пересекается с мотивом «похищения персоны», который был проанализирован Сергеем Кудрявцевым в одноименной статье⁴. Здесь также идет речь, как правило, о замене одной персоны на другую, но акценты смещены. В подобных сюжетах неизменно используется ход, когда два противоположных по каким-то характеристикам персонажа оказываются буквально в телах друг друга. У этого приема есть и модификация, похожая на «игру в одни ворота»: когда только один герой получает новое тело, принципиально отличное от того, что носил «в прошлой жизни». Для подобных превращений существует даже англоязычный термин *body swap*. И хотя этот прием бытует в кино еще с давних времен, фильмы с такими сюжетами продолжают сниматься.

Переходный возраст

В 1882 году английский писатель Томас Энсти Гатри, который работал под псевдонимом Ф.Энсти и входил в состав редколлегии прославленного сатирического журнала «Панч», опубликовал роман «Все наоборот, или Урок для отцов» («*Vice Versa, or A Lesson to Fathers*»). В книге Энсти коммерсант Балтитюд меняется телами со своим четырнадцатилетним сыном. Немую черно-белую экранизацию романа, предпринятую в 1916 году, можно признать отправной точкой темы «обмена разумов» в киноискусстве. И одновременно наиболее популярной историей на эту тему - роман переносился на кино- и телеэкраны как минимум пять раз. При этом что фильмов и сериалов под названием «*Vice Versa*», эксплуатирующих мотив получения нового тела, еще больше (последний вышел совсем недавно, в 2009-м). А наиболее известная версия книги Энсти увидела свет в 1988 году в исполнении Брайана Гилберта.

В том же 1988-м зрители увидели и комедию-клон Рода Дэниела «Яблоко от яблони» («*Какое отец, такое и сын*»). Мегапопулярный в восьмидесятые годы британский комик Дадли Мур сыграл здесь хирурга, поменявшегося телами со своим сыном в результате

⁴ * См.: Кудрявцев С. *Похищение персоны. Если. 2005. № 10.*

воздействия индейского снадобья. Фильм примечателен тем, что помимо архетипической истории Ф.Энсти подозрительно напоминает и более ранний советский вариант. Так, еще в 1960-е Юрий Сотник написал пьесу «Просто ужас!», в которой происходит обмен сознаниями между отцом-врачом и сыном-школьником. Пьесу тоже неоднократно экранизировали - первый раз Лев Мирский в 1971 году (музыкальная сказка «Два дня чудес»), второй - Александр Полынников в 1982-м под оригинальным названием. Любопытно, что в обоих фильмах роли разного плана исполнил Леонид Куравлёв. И хотя в фильме Полынникова отец (Семен Морозов) не хирург, а ветеринар, и не вдовец, а вполне благополучно женат, перипетии их отношений с сыном «до и после» весьма напоминают сюжетные ходы последующего фильма Дэниела.

Впрочем, достоверно не известно, придумал Юрий Сотник свою версию полностью независимо или все-таки был знаком с историей, рассказанной Энсти, подобно тому, как Алексей Толстой знал сказку о Пиноккио. Точно так же и «Яблоко от яблони» могло быть просто естественным развитием «Vice Versa», ведь кому-то рано или поздно должно было прийти в голову, что ребенок в теле взрослого доктора не менее смешон, чем в теле коммерсанта.

Появилось и «женское» прочтение истории в романе Мэри Роджерс «Ужасная пятница» (у нас часто переводят как «Чумовая пятница»). Там уже телами меняются сорокалетняя мать и ее дочь. Роман тоже выдержал три экранизации. В ранней, 1976 года, роль дочери сыграла еще совсем юная Джоди Фостер. Последняя на сегодняшний день «чумовая пятница» наступила в 2003-м, здесь характерами поменялись Джемми Ли Кертис и Линдси Лохан.

Еще в золотую эпоху Голливуда обнаружилось ответвление темы, обыгрывающее переселение одной-единственной души из старого тела в более молодое и наоборот. Начало этому положила комедия 1941 года «А вот и мистер Джордан» по пьесе Гарри Сигала «Небеса могут подождать». Перспективный боксер Джо Пендлтон, а по совместительству - саксофонист и пилот-любитель, после авиакатастрофы оказывается на небесах. Любопытно, что «перевалочная база» на облаке выглядит как аэропорт, а души усаживаются в пассажирский самолет. Но выясняется, что ретивый начинающий ангел выхватил душу слишком рано, и срок героя еще не настал. А пока суд да дело, бездыханный труп на Земле успели кремировать. Чтобы разрешить казус, боксеру дают новое тело... вернее, старое. Хотя каким оно было на самом деле, мы не видим, потому что смотрим глазами загробного проводника героя «мистера Джордана», который воспринимает Джо в истинном свете. Только что убитый миллионер с новой душой восстает из мертвых и грезит о возвращении на ринг, попутно обретая любовь своей жизни.

Блестящая киносказка впоследствии была дважды удостоена ремейка. Первый состоялся в 1978 году и носил заголовок оригинальной пьесы - «Небеса могут подождать». Его поставил Уоррен Битти, он же сыграл главную роль. В соответствии с веяниями времени боксера заменили на игрока в американский футбол. Последний раз историю экранизировали в новом веке - и тоже в соответствии с модой, в комедии 2001 года «Снова на Землю» главный герой, темнокожий, возвращается в тело белого миллионера - со всеми вытекающими последствиями, вроде массированного прослушивания рэпа и попыток выступления в «черном» стенд-ап комеди.

Отдельным поворотом темы можно считать фильмы, где главный герой неожиданно и резко взрослеет: широко известную у нас комедию Пенни Маршалл «Большой» с Томом Хэнксом, а также «Джек» Фрэнсиса Форда Coppoly и «Из 13 в 30» Гэри Уайника. А недавняя лента «Папе снова 17» эксплуатирует обратное превращение мужчины «под сорок» в подростка.

Конфликт в подобных фильмах возникает из несоответствия: кем ощущает и осознает себя персонаж и как относятся к нему окружающие. В ситуации, когда случается «перекрестный» обмен, это усиливается извечным конфликтом поколений, который и разрешается в финале путем смены точек зрения. Актуальность этой темы порождает огромное количество ремейков. Мораль всех этих историй неизменна: каждому - свое, и понять кого-то можно, только приняв его взгляд на мир. Ведь даже в арсенале семейных психологов есть трюк, когда для решения конфликта клиента просят пересаживаться со стула на стул, побуждая «войти в роль» своего оппонента, а затем посмотреть на ситуацию и со стороны...

Далеко не всегда, однако, поводом к кинематографической «перемене возраста» служит именно конфликт двух людей. В комедии «18 опять!» (1988) происходит обмен между дедом и его внуком после того, как на собственном 81-м дне рождения бодрый патриарх семьи пожелал вернуться в молодые годы. При этом дед и внук жили душа в душу, чего не скажешь об их отношениях со «средним» поколением. И вот автокатастрофа становится причиной реинкарнации. Внуку повезло меньше: он лежит в коме в теле старика. А в это время дедушка-бонвиван наслаждается новым качеством жизни и заодно решает студенческие проблемы своего потомка. Только угроза, что коматозное тело отключат от системы искусственного жизнеобеспечения, побуждает его совершить обратную перемену.

Другая ситуация разыграна в одной из новелл арт-хаусного фильма Пола Макгигана «Кислотный дом» (1998), где футбольный фанат меняется телами... с грудным младенцем. Однако возрастной «разбег» может быть и совсем небольшим, как в комедии «Загадай желание» (1996). Здесь обмен случается между старшей и младшей сестрами,

абсолютно различными по характеру и не ладящими друг с другом, Такой возрастной обмен телами - кладезь смешных ситуаций, и почти все фильмы, о каких говорилось выше, относятся к жанру комедии. Самим же участникам обычно не до смеха, недаром любимый режиссерско-актерский штамп - это истошный вопль персонажей при взгляде в зеркало. Страх потери собственной жизни не как физического существования, а как ее «образа» эксплуатируют уже триллеры и хорроры. В «Дарующем бессмертие» (1990) Джоэла Бендера беспринципный, но гениальный хирург пересаживает мозг богачев в юные тела. «Доноров» отлавливают на ночных улицах зомбиподобные прислужники. Жуткие магические ритуалы «худу» в «Ключе от всех дверей» (2005) Йена Софтли тоже замешаны на переселении колдуна в более молодое тело. И здесь «обмен разумов» и мотив «похищения персоны» сближаются наиболее тесно.

Такой разный пол

Сюжетный ход, когда телами обмениваются герои противоположного пола, во временной перспективе лишь немногим «моложе» фильмов с возрастными «переменами». Первой такой картиной, по-видимому, стала экранизация романа Торна Смита «Разворот», опубликованного в 1931 году. Фильм о супружеской паре, после ссоры перед статуей Будды временно поменявшейся бранными оболочками, был снят в 1940-м режиссером Холлом Роучем - он известен как постановщик нескольких немых фильмов с Гарольдом Ллойдом и фантастической ленты «Миллион лет до нашей эры», ремейк которой пользовался успехом и в советском прокате.

«Механически» засунуть мужскую личность в женское тело и наоборот далеко не всем кажется выигрышным ходом. В комедии «Весь я» (1984) обмен происходит не до конца: миллионерша в возрасте, пожелавшая вернуть молодость, по ошибке переселяется не в оболочку девушки, а в тело адвоката (Стив Мартин). И теперь ей принадлежит одна половина организма, а хозяину - другая.

Классический вариант (с упомянутым названием «Их поменяли телами», хотя в оригинале - «Встречаясь с врагом») разыграли в австралийской картине 1995 года с Гаем Пирсом. Обмен телами позволяет преодолеть разногласия недавно расставшихся ведущего музыкального телешоу и обозревательницы научного издания. Чуть раньше особый поворот интриги можно было увидеть в голливудской комедии «Прелюдия к поцелую» (1992). Загадочный старик поцеловал невесту на свадьбе, и тут же поменялся с ней телами. Не сразу сообразивший, что к чему, молодой супруг (Алек Болдуин) вынужден на практике выполнять обещание любить жену в каком угодно облике...

Не заставили себя долго ждать и сугубо «школьные» трактовки. В «Цыпочке» (2002) типичный американский персонаж, капитанша чирлидерш, под воздействием магического украшения обменивается телами с тридцатилетним нелепым воришкой, которого играет комик Роб Шнайдер. В недавнем фильме 2006 года «Мальчик в девочке» (неудачный перевод англоязычной игры слов «Кажется, это мальчик... или девочка») мы видим прямую отсылку к роману Торна Смита. Двое соседей, недалекий футболист-плейбой и его занудливая одноклассница - «синий чулок» выясняют отношения перед статуей индейского божества... чтобы поутру обнаружить у себя явно неродные половые признаки. Однако сама по себе такая перемена - еще полбеды, потому что «ему» вот-вот предстоит играть в чемпионате, а «ей» - поступать в самый престижный университет. Вынужденные подтягивать друг друга в спорте и учебе, герои постепенно находят у себя много общего и даже влюбляются.

Снятая годом позже «Любовь-морковь» Александра Стриженова, нужно признать, является не более чем переносом западных штампов на российскую почву, фактически ничего к ним не добавляя. Некоторую новизну дает лишь вторая часть, где уже использован мотив обмена «родители-дети», и, пожалуй, впервые этот обмен происходит в формате «двое на двое».

Мотив обмена «мужчина - женщина» используется не только в комедийных ситуациях, и не только как центральный. Можно вспомнить лирическую сцену в фильме Джерри Цукера «Призрак», когда медиум (Вупи Голдберг) уступает бесплотному духу (Патрик Суэйзи) свою оболочку, чтобы тот мог потанцевать с любимой. Или эпизод из «Дневного Дозора», где Галина Тюнина эффектно изображает героя Константина Хабенского в женском обличье.

«Гендерный» вариант фильма «Небеса могут подождать», только сдобренный черным юмором, - комедия Блэйка Эдвардса «Подмена» (1990), Убитый тремя собственными любовницами мужлан получает временный «обратный билет» на Землю, с тем чтобы найти хоть одну женщину, которая искренне его любит. Без этого не будет рая. Однако некстати появившийся дьявол предлагает немного усложнить задачу. Так ловелас сам превращается в женщину, выдает себя за собственную сестру и за глаза узнает о «братце» много нового и нелицеприятного. А в финале даже становится женой и матерью, и его (ее?) новорожденная дочь как раз и оказывается тем единственным существом, кто своей любовью дает пропуск на небеса.

Смену пола можно использовать не только как повод для смеха и лирики, но и как средство напугать зрителя, в который раз поставив вопрос о последствиях неконтролируемых научных экспериментов. Что с успехом проделал Винченцо Натали в недавнем фантастическом хорроре «Химера» (2010). Нестабильная половая принадлежность

искусственного создания-«химеры» рождает не только нравственные, но и любовные коллизии у пары исследователей, которые вывели существо, используя собственный генетический материал. Учитывая то, что смена пола давно уже не фантастика, а дорогостоящая медицинская операция, выпад Натали - энное предупреждение об опасности «химичить» с человеческой природой - выглядит смело.

Лицом к лицу - лица не увидеть

Еще одна довольно плодоносная ветвь этого древа изображает обмен сознаниями людей, совершенно разных по моральным установкам. Чаще всего это преступник и страж закона. Наиболее известный пример - экзистенциальный боевик Джона Ву «Без лица» (1997). Причем «ментального» обмена между террористом Кастором Троем и федеральным агентом Шоном Арчером не происходит - хирурги только пересаживают их лица и корректируют фигуру (спустя более 10 лет после выхода фильма такая операция стала возможна, однако до полной «идентичности» результата медикам еще далеко). Для самого Ву эта стопроцентно голливудская картина одновременно была этапом в развитии его авторского кино. Режиссер неоднократно показывал сходство двух противников, нередко бывших друзей, стоящих по разные стороны закона. В «Без лица» сходство достигло пика - каждый получил внешность, окружение и образ жизни своего врага, чтобы обнаружить, что на деле почти идеально вписывается в чужую жизнь, и даже почувствовать какую-никакую ответственность за нее.

Иногда и пересадки лица не требуется. В более ранней комедии «Состояние сердца» (1990) полицейскому-расисту пересаживали сердце убитого чернокожего адвоката. Дух покойного, который без своего согласия пожертвовал жизненно важный орган, заставляет несимпатичного копа расследовать преступление, а заодно бороться со своими предрассудками.

Классический вариант ментального обмена демонстрирует французская экранизация романа Рене Беллето «Машина» (1994), поставленная Франсуа Дюпейроном. Картина интересна еще и тем, что здесь играет одну из немногих своих «фантастических» ролей Жерар Депардьё. Его персонаж, талантливый психиатр, изобретает машину для проникновения в мысли другого человека. Однако во время эксперимента над серийным убийцей происходит непредвиденное: врач и пациент меняются телами. Разумеется, маньяк воспользуется ситуацией, а поскольку лента европейская, то однозначного хэппи-энда зритель не дождется. Зато молодежно-комедийный вариант истории рассказывает фильм «Большой монстр в кампусе», пере веденный у нас как «Их поменяли мозгами» (2000). Не менее талантливый

подросток, сын нейрохирурга, чтобы оживить погибшего друга, пересаживает в его тело найденный в лаборатории папаши мозг, а тот оказывается мозгом убийцы...

Все подобные киноработы обычно демонстрируют частные, единичные случаи. Иными словами, это первый уровень четырехэтажной схемы развития фантастических идей, еще несколько десятков лет назад предложенной Генрихом Альтшуллером, - уровень, где допущено всего одно фантастическое нововведение. Второй - когда допущение из частного превращается в систему. Пока что в теме прижизненной реинкарнации таких случаев очень мало. Например, известная «независимая» картина Спайка Джонца «Быть Джоном Малковичем» (1999), Неудачливый кукловод находит дверцу, позволяющую на время проникнуть в голову актера Джона Малковича и контролировать его тело. Однако воспользоваться дверцей желает множество людей. А наиболее ударная сцена - когда в собственное тело через этот «черный ход» путешествует... сам Джон Малкович.

Научно-фантастический вариант представляет американо-канадская лента «Обмен телами» (2000). В недалеком будущем аппаратная реинкарнация становится повседневным способом путешествий и даже развлечений и широко используется наряду с клонированием и генной инженерией. Однако заправляет всеми этими новшествами, как нетрудно догадаться, одна корпорация, ради собственных интересов способная пойти на любые нарушения этики и даже заказные убийства. В центре сюжета - «обыкновенная история» схватки положительного героя и террориста, свободно меняющего оболочки. Некоторый апгрейд состоит лишь в том, что герой не профессиональный законник, а обыватель, вынужденный проявить характер, чтобы вернуть присвоенное злодеем тело.

Наконец, французская комедия «Нас двое» (2008) дает еще один любопытный ход. После автокатастрофы скромный менеджер Раню вынужден делить свое тело с личностью некогда популярного шансонье Жюль Габриэля. Вот только сам Габриэль остается вполне «в своем уме». Все дело в том, что Раню обладает странной способностью «копировать» в свое сознание личности других людей и почему-то обязательно музыкантов. Их полку в его черепной коробке все прибывает и прибывает...

Этот «второй этаж» темы имеет еще множество ресурсов - например, объединение с другими «ветвями», когда меняются личностями преступник и полицейский разного пола. И тем более не задействованы третий и четвертый этажи - когда отождествление с другим станет возможным без обмена телами или, скажем, когда в этом отпадет необходимость: социум превратится в единую сеть, и при желании индивидуум сможет путешествовать по различным телам, как по городу. Такой фильм еще только ждет своего режиссера.

Почти как люди

Во всех предыдущих случаях телами и душами обменивались исключительно люди. Тем не менее существует целый пласт сюжетов, когда человек меняется или просто уступает свою оболочку кому-то негуманоидному.

От передачи сознания «от человека к человеку» кино логично пришло к передаче «другу человека». Наиболее известный пример - отечественное «Собачье сердце» Владимира Бортко, ведь под скальпелем профессора Преображенского вместе с гипофизом к псу Шарикуну перекочевала если не вся личность, то моральный облик донора. Анти-Шарикова показывает семейная французская комедия Алена Шаба «Дидье» (1997), в которой чудесным образом превратившийся в мужчину пес оказывается едва ли не человечнее двуногих. Разумеется, существует и прямой вариант реинкарнации в практически неизвестной у нас ленте «Догматик» (1999), где хозяин меняется телами со своей собакой.

Существуют и более экзотические доноры тел. Молодежная фантастика «Тамми и динозавр» (1994) демонстрирует, как злой гений пересаживает мозг погибшего подростка оживленному тираннозавру. Однако большую популярность у кинематографистов приобрели сюжеты с обменом сознаниями между человеком и некоей мистической сущностью, зачастую изначально нематериальной, Германская комедия Рольфа Лозански «Школьный призрак» (1987) рассказывает, как девочка-сорванец Карола решила поменяться местами с привидением. Обретший детскую оболочку дух с удовольствием ходит в школу, а Карола в образе «ожившей картинки» наслаждается свободой, пока вовремя не спохватывается. В отечественной «Жажде страсти» (1991) Андрея Харитонова героиня Анастасии Вертинской меняется телами с собственным «темным двойником» из зеркала. В полуживотной ленте Генри Селика «Обезьянья кость» (2001) тело находящегося в коме художника оккупирует придуманная им самим нахальная мартышка.

Наконец, в ставшем современной классикой фильме Мартина Бреста «Знакомьтесь, Джо Блэк» (1998) тело погибшего молодого человека использует сама Смерть. Однако решается эта ситуация точно так же, как и в случае с обменом «мужчина - женщина» или «старый - молодой». Отстраненная Смерть (хотя в англоязычной традиции эта сущность - мужского пола) за недолгое время пребывания среди живых привыкает оценивать все с точки зрения человеческих ценностей, а в итоге даже обретает способность к любви и самопожертвованию.

Множественность, а не единичность случаев обмена «человек - не

человек» использует камероновский «Аватар». Хотя перенос человеческого разума в искусственно выращенный инопланетный гибрид, строго говоря, не совсем реинкарнация, однако финальный выбор главным героем новой «оболочки», с одной стороны, являет собой канонический «обмен разумов», а с другой - нарушение канона, ведь обычно персонажи стремятся вернуть свое тело назад, а не наоборот.

Фильм Камерона дает и потенциальную возможность дальнейшего развития этой сюжетной идеи, Если биосфера Пандоры - нечто вроде природной Сети с элементами коллективного разума, то можно предположить художественный прием, когда аватаром способен быть практически каждый организм, Будет это разыграно в грядущих продолжениях или однажды проявится в ином проекте? Поживем - увидим. А пока в планах студий еще несколько фильмов с уже очень старой, но все еще популярной идеей «обмена разумов» между человеком и человеком.

Аркадий ШУШПАНОВ

рейтинг

ЛИДЕРЫ-2010

Самые кассовые фильмы с элементами фантастики и мистики в прокате США и мира в 2010 году.

2010 год оказался в коммерческом плане даже более удачным для кинофантастики, нежели 2009-й - прежде всего, по количеству фильмов (10 названий против восьми), которые превысили двадцатимиллионный рубеж посещаемости в США. А вот во всем мире пользовались большой популярностью 24 ленты (в 2009-м их было 22), собравшие свыше 100 млн долларов.

Причем самый невероятный результат продемонстрировал «Аватар», выпущенный в самом конце 2009 года, но основные дивиденды получивший в 2010-м. В итоге у него \$2,8 млрд на планете, что превосходит прежние рекордные показатели «Титаника» того же Джеймса Камерона почти на миллиард! «Аватар» получил в 12 раз больше, чем стоил в производстве, у «Титаника» это соотношение

было лишь девятикратным. Кроме того, «Аватар» стал абсолютным лидером по кассовым сборам в США - \$760,5 млн. Однако если считать по числу зрителей, то он не достиг даже ста миллионов, в то время как у «Титаника» была посещаемость 130,6 млн человек.

И все-таки феномен «Аватара» знаменателен тем обстоятельством, что это один из немногих чисто фантастических фильмов. В 2010 году среди НФ-картин стоит отметить еще «Начало» Кристофера Нолана, которое превзошло свой бюджет в мировом прокате в пять с лишним раз, а также официально считающуюся европейской по производству «Обитель зла 4: Жизнь после смерти», тоже почти пятикратно окупившую себя - в первую очередь, из-за успеха вне американского проката.

Но вновь, как и в 2009 году, самыми поразительными следует назвать показатели «Паранормальной активности» (у нас - «Паранормальное явление»), только второй серии, которая обошлась в 3 млн долларов, однако сумела собрать на планете в 56 раз больше! И еще один мистический фильм ужасов «Последнее изгнание дьявола» достиг впечатляющих результатов, при бюджете \$1,8 млн получив в мировом прокате \$64,75 млн (соотношение 1:36).

А среди коммерческих неудачников года - «Скотт Пилигрим против всех» и «Человек-волк», которые не смогли даже по всему миру компенсировать затраты на собственное производство, И только весомые сборы за границей не позволили провалиться картине «Кошки против собак: Мсть Китти Галор».

Фильмы, выпущенные под занавес 2009 года, помечены знаком *, Фильмы, прокат которых еще продолжается, помечены знаком **. Данные приведены по состоянию на 15 декабря 2010 года.

1. «Аватар» (Avatar), фантастика, реж. Джеймс Камерон, бюджет - \$230 млн, кассовые сборы в США - **\$760,5 млн**, посещаемость в США - 97,8 млн зрителей, кассовые сборы в мире - **\$2779,5 млн**. *

2. «Алиса в стране чудес» (Alice in Wonderland), сказка, реж. Тим Бартон, \$200 млн, **\$334,2 млн**, 42,05 млн зрителей, **\$1024,3 млн**.

3. «Железный человек 2» (Iron Man 2), комикс, реж. Джон Фавро \$200 млн, **\$312,15 млн**, 39,25 млн зрителей, **\$621,75 млн**.

4. «Сумерки. Сага. Затмение» (The Twilight Saga: Eclipse), мистико-романтический фильм, реж. Дэвид Слейд, \$68 млн, **\$300,55 млн**, 37,8 млн зрителей, **\$693,5 млн**.

5. «Начало» (Inception), США-Великобритания, триллер, реж. Кристофер Нолан, \$160 млн, **\$292,45 млн**, 36,8 млн зрителей, **\$825,4 млн**.

6. «Гарри Поттер и дары смерти. Часть 1» (Harry Potter and the Deathly Hallows Part 1), США-Великобритания, фэнтезийно-приключенческий фильм, реж. Дэвид Йейтс, \$250 млн, **\$259,9 млн** (прогноз - \$280 млн)

\$781,8 млн. **

7. «Гадкий я» (Despicable Me), анимация, реж. Пьер Коффен и Крис Рено, \$69 млн, **\$250,25 млн**, 31,5 млн зрителей, *\$538,75 млн*.

8. «Шрек навсегда» (Shrek Forever After), анимационная фантазия, реж. Майк Митчелл, \$165 млн, **\$238,4 млн**, 30 млн зрителей, *\$737,45 млн*.

9. «Как приручить дракона» (How to Train Your Dragon), анимационная сказка, реж. Дин ДеБлуа и Крис Сэндерс, \$165 млн, **\$217,6 млн** 27,4 млн зрителей, *\$493,2 млн*.

10. «Битва титанов» (Clash of the Titans), фэнтезийно-приключенческий фильм, реж. Луи Летерье, \$125 млн, **\$163,2 млн**, 20,5 млн зрителей *\$493,2 млн*.

11. «Мегамотг» (Megamind), анимационный комикс, реж. Том МакГрат \$130 млн, **\$140,8 млн** (прогноз - \$147 млн), *\$208,1 млн*. **

12. «Повелитель стихий» / «Последний маг воздуха» (The Last Airbender), фэнтезийно-приключенческий фильм для семейного просмотра, реж. М.Найт Шьямалан, \$150 млн, **\$131,6 млн**, 16,55 млн зрителей, *\$318,95 млн*.

13. «Принц Персии: Пески времени» (Prince of Persia: The Sands of Time), фэнтезийно-приключенческий фильм, реж. Майк Ньюэлл, \$200 млн, **\$90,75 млн**, 11,4 млн зрителей, *\$335,15 млн*.

14. «Перси Джексон и похититель молний» / «Перси Джексон и олимпийцы: Похититель молний» (Percy Jackson & the Olympians: The Lightning Thief), Канада-США, фэнтезийно-приключенческий фильм для семейного просмотра, реж. Крис Коламбус, \$95 млн, **\$88,8 млн**, 11,15 млн зрителей, *\$226,45 млн*.

15. «Паранормальное явление 2» / «Паранормальная активность 2» (Paranormal Activity), мистический триллер, реж. Тодд Уильямс, \$3 млн, **\$84,35 млн**, 10,6 млн зрителей, *\$168,4 млн*.

16. «Ученик чародея» (The Sorcerer's Apprentice), фэнтезийно-приключенческая комедия, реж. Джон Тартелтауб, \$150 млн, **\$63,15 млн**, 7,95 млн зрителей, *\$215,3 млн*.

17. «Кошмар на улице Вязов» (A Nightmare on Elm Street), мистический фильм ужасов, реж. Сэмьюэл Бейер, \$35 млн, **\$63,1 млн**, 7,95 млн зрителей, *\$115,7 млн*.

18. «Человек-волк» (The Wolf man), мистический фильм ужасов, реж. Джо Джонстон, \$150 млн, **\$62 млн**, 7,8 млн зрителей, *\$139,8 млн*.

19. «Обитель зла 4: Жизнь после смерти» (Resident Evil: Afterlife), Германия-Франция-Великобритания, боевик, реж. Пол У.С.Андерсон, \$60 млн, **\$60,15 млн**, 7,55 млн зрителей, *\$294,1 млн*.

20. «Зубная фея» (Tooth Fairy), США-Канада, фэнтезийная комедия для семейного просмотра, реж. Майкл Лембек, \$48 млн, **\$60 млн**, 7,55 млн зрителей, *\$112,35 млн*.

21. «Легенды ночных стражей» / «Легенды ночных стражей: Сова с

острова Га'Хул» (Legend of the Guardians: The Owls of Ga'Hoole), США-Австралия, анимационная фантазия для семейного просмотра, реж. Зак Снайдер, \$80 млн, **\$55,1 млн**, 6,95 млн зрителей, *\$138,65 млн*.

22. «Хищники» (Predators), фильм ужасов; реж. Нимрод Антал, \$40 млн, **\$52 млн**, 6,55 млн зрителей, *\$126,75 млн*.

23. «Машина времени в джакузи» (Hot Tub Time Machine), комедия, реж. Стив Пинк, \$36 млн, **\$50,3 млн**, 6,3 млн зрителей, *\$64,4 млн*.

24. «Милые кости» (The Lovely Bones), фэнтезийный триллер, реж. Питер Джексон, \$64 млн, **\$44 млн**, 5,55 млн зрителей, *\$93,5 млн*. *

25. «Кошки против собак: Месть Китти Галор» (Cats & Dogs: The Revenge of Kitty Galore), фэнтезийно-приключенческая комедия для семейного просмотра, реж. Брэд Пейтон, \$85 млн, **\$43,6 млн**, 5,5 млн зрителей, *\$112,45 млн*.

26. «Последнее изгнание дьявола» (The Last Exorcism), США-Франция, мистический фильм ужасов, реж. Даниэль Штамм, \$1,8 млн, **\$41,05 млн**, 5,15 млн зрителей, *\$64,75 млн*.

27. «Легион» (Legion), мистика, реж. Скотт Чарлз Стюарт, \$26 млн, **\$40,2 млн**, 5,05 млн зрителей, *\$67,9 млн*.

28. «Безумцы» (The Crazies), мистический фильм ужасов, реж. Брек Айснер, \$20 млн, **\$39,1 млн**, 4,9 млн зрителей, *\$54,6 млн*.

29. «Вампирский засос» (Vampires Suck), мистическая пародийная комедия, реж. Джейсон Фридберг и Аарон Селцер, \$20 млн, **\$36,7 млн**, 4,6 млн зрителей, *\$79,95 млн*.

30. «Дьявол» (Devil), мистика, реж. Джон Эрик Даудл, \$10 млн, **\$33,6 млн**, 4,25 млн зрителей, *\$53,5 млн*.

Сергей КУДРЯВЦЕВ

**АЛИСТЕР РЕЙНОЛДС
ИСПРАВЛЕНИЕ**

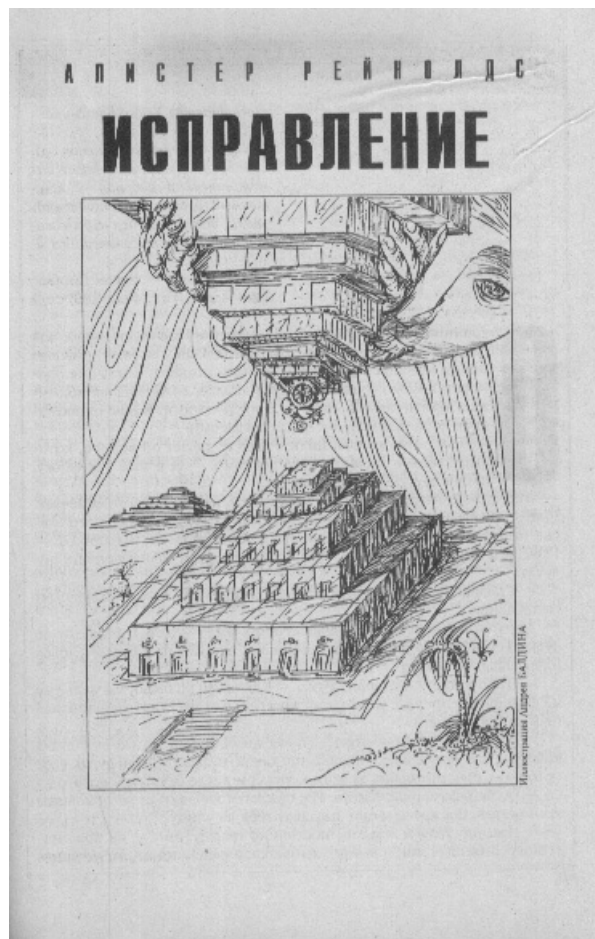

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

Посвящается Ханну Бломмила

Внутри изъеденного камня находилось нечто, выглядящее как механический эмбрион - зачаточный бутон индустриальной эпохи, остававшейся нерожденной в течение тысячелетия.

Джон Сибрук,
«Нью-Йоркер» от 14 мая 2007 года

Охранник Катиб, работающий обычно в ночную смену, как раз отмечает время прихода, когда Рана на бегу проводит пропуском по считывающей панели сканера. Когда она пронесется мимо в своем плотном плаще, согнувшаяся под тяжестью ноутбуков и коробок с документами, Катиб провожает ее исполненным сострадания взглядом.

- Что, опять на всю ночь, Рана? - задает он вопрос, который задавал уже сотни раз до этого. - А я тебе так скажу: найди другую работу, девочка.

- Мне стоило немалых усилий заполучить именно эту, - отвечает, притормозив, Рана. Она почти скользит по полу, до зеркального блеска отполированному небольшой армией роботов-чистильщиков. - Где еще

я могла бы делать то, что мне нравится, да еще и зарплату получать?

- Сколько бы ты ни получала, мешки у тебя под глазами не стоят таких денег.

Зря это он про мешки, она и сама о них знает - и ей это тоже не по душе. Тем не менее она улыбается в ответ, ибо Катиб добрый человек и не желает ее обидеть.

- Это пройдет, - говорит Рана. - Как бы то ни было, мы ведь уже на финишной прямой. Или ты не заметил, что нас ждет грандиозная церемония открытия?

- Я что-то слышал об этом, - почесывает бороду Катиб. - Я лишь надеюсь, что им все еще понадобится какой-нибудь старый дурак вроде меня - присматривать за этим корпусом после открытия нового.

- О, ты незаменим, Катиб. Им придется избавиться от половины экспонатов, прежде чем они выставят тебя на улицу.

- Именно это я и сам себе постоянно твержу, но... - он пожимает могучими плечами, а потом улыбается, давая понять, что не намерен обременять ее своими проблемами. - Но все же это будет что-то, правда? Я могу видеть эту штуку со своего балкона, она почти из любой точки города видна. Поначалу мне это не нравилось, но теперь, когда все закончено и сверкает, я начал привыкать. И оно наше, я об этом все время думаю. Это наш музей, и больше ничей. Что-то такое, чем мы можем гордиться.

Рана его хорошо понимает. Новое крыло, почти законченное, подавляет своим величием старый корпус. Этот сверкающий зиккурат со своим собственным микроклиматом был спроектирован монашествующим британским архитектором, оказавшимся по иронии судьбы ревностным христианином. Противоречивый выбор, если по правде, однако ни один человек, который видел эту приливную волну из стекла и стали, не остался равнодушным. По мере продвижения солнца по небосклону открываются и закрываются управляемые компьютером заслонки, чтобы контролировать потоки света, льющиеся в атриум зиккурата - крытый внутренний дворик, где поначалу будет выставлен Механизм, а также для того, чтобы поддерживать в здании идеальную температуру. При взгляде издали игра заслонок смотрится какой-то зачарованной подвижной мозаикой: гипнотический, никогда не повторяющийся танец мерцающих вспышек. Рана читала в каком-то журнале, что архитектор до своего прибытия в Большую Персию никогда не прикасался к компьютеру, но когда понял, какие возможности предоставляет работа с ним, окунулся в цифровую стихию с рвением новообращенного.

- Это будет чудесно, - подтверждает Рана, разрываясь между желанием поболтать с дружелюбным Катибом и стремлением поскорее приняться за работу. - Но ведь церемония не состоится, если к этому времени Механизм не будет установлен точно на своем месте, не так

ли?

- Это такой способ вежливо намекнуть на необходимость как можно быстрее попасть в свой офис, - с улыбкой произносит Катиб, давая понять, что не обижается. - Помочь тебе с этими коробками и компьютерами, дорогая?

- Спасибо, не надо, я справлюсь.

- Если что понадобится, вызывай меня. Я тут до шести. - С этими словами он разворачивает журнал и принимается водить карандашом по сетке наполовину разгаданного кроссворда. - И не перенапрягайся на работе.

Последнее он бормочет как бы себе под нос, но все же достаточно громко, чтобы Рана услышала.

По пути в офис Рана не встречает ни одной живой души, если не считать время от времени попадающих в поле зрения роботов-уборщиков и роботов-охранников, патрулирующих здание. Но переходы и экспонаты все еще освещены, хотя и приглушенным светом, а с некоторых смотровых галерей можно видеть на улице редких прохожих, возвращающихся из театра или с поздних ресторанных посиделок.

В служебных коридорах все по-другому. В холлах царит мрак, а через высоко расположенные окна можно видеть лишь залитые лунным светом облака. Роботы сюда наведываются нечасто, а большинство кабинетов и общих залов закрыты и безмолвны. В конце одного из коридоров стоит сияющим стражем автомат по продаже кофе. Обычно Рана прихватывает стаканчик в свою комнату, но сейчас у нее заняты руки. А попробуй-ка протиснуться в помещение, открывая дверь плечом, да чтобы ничего не обронить!

Помещение находится в полуподвальном этаже: такой прохладный склеп без окон. Полулаборатория, полукабинет. Коллеги считают Рану слегка чокнутой из-за того, что она работает по ночам, но у нее есть на то свои причины. Днем нужно делить свое рабочее место с другими сотрудниками, а все эти разговоры и перерывы сильно мешают.

И даже если коллеги не слишком отвлекают, то ведь имеется еще и смотровая галерея, огибающая все здание и проходящая мимо комнат со стеклянными стенами. Такие стены позволяют посетителям музея вживую наблюдать работы по реставрации и каталогизации. Публика, как правило, изо всех сил пытается изобразить больше интереса, чем испытывает на деле. Что, разумеется, неудивительно, ведь трудно придумать менее зрелищное и скучное занятие, чем то, которое можно наблюдать внутри служебных кабинетов. Ничего привлекательного и гламурного. Последние три недели Рана с помощью тончайших инструментов занималась реставрацией одной-единственной бронзовой шестеренки. Посетители могли это посчитать работенкой на одно утро, однако она отнимала у Раны больше жизни, чем отношения

с родными и близкими. Она уже наизусть выучила каждую царапину и каждый скол этого зубчатого колеса и знала его, как старого друга или как древнего злейшего врага.

Есть и еще одна причина работать по ночам. Ее мозг лучше функционирует в ранние часы. И хотя приходится об этом только сожалеть, но в три часа ночи ее разум выдает на порядок больше озарений, нежели в три часа пополудни.

Она снимает плащ и вешает у двери. Открывает два лэптопа, разместив их рядом друг с другом, и включает питание. Освещение в комнате остается приглушенным; чуть более яркий круг света выхватывает ближайшее окружение ее верстака, в самом центре которого и находится бронзовая шестеренка, покоящаяся на особом регулируемом штативе. На противоположной от Раны стороне верстака на вертикальных полках, стойках и подставках закреплены разнообразные никелированные инструменты и всевозможные увеличительные устройства. От некоторых из них к настенным розеткам тянутся кабели питания. Есть тут визор с мощной увеличительной оптикой - нечто вроде опускающегося на глаза рыцарского забрала. На полках можно отыскать лазеры и ванночки для чистки мелких предметов ультразвуком. Есть дубликаты шестеренки, над которой работает Рана, и многочисленных ее сестер, отлитых из бронзы. На них проводят всякие испытания. Имеются пластиковые копии частей самого Механизма: Рана может разделять и снова собирать их, чтобы объяснять посетителям, для чего они служат и как работают. Зрители могут увидеть и другие шестеренки, уже извлеченные из устройства для реставрации. Они запечатаны в пластиковые коробки, а те расставлены по полкам в соответствии с ходовыми обозначениями на этикетках. Некоторые из шестеренок явно чище, чем та, над которой работает Рана, а другие все еще грязные, изъеденные временем, с поврежденными зубцами и выщербленной поверхностью.

Ну и наконец, в дальнем углу верстака находится сам Механизм. Он не превышает размерами коробку для обуви и заключен в деревянный футляр с откинутой назад крышкой. Когда его доставили, коробка была битком набита машинерией - подобием часового механизма из плотно упакованных осей и храповиков, вращающихся шариков, прорезных штифтов и тонких, вручную выгравированных надписей. Только вот ничего не работало. Поверни заводную рукоятку - и услышишь лишь скрежет изношенной, намертво заклиненной передаточной системы. Никто в музее не мог припомнить времена, когда машина находилась в нормальном состоянии. Рана слышала, как кто-то говорил, что такое было лет пятьдесят назад, но уже и тогда не все детали находились на месте. Некоторые части были извлечены сотню лет назад, и на место их не вернули. Другие заменили или потеряли двести лет назад. С тех

пор Механизм вызывал даже что-то вроде раздражения: сказочное устройство, которое не делало того, чего все от него ожидали.

Отсюда и решение руководства музея: отреставрировать Механизм до полной и аутентичной функциональности ко времени открытия нового крыла. Естественно, работу поручили Рана как наиболее продвинутому отечественному эксперту по этой машине. Руководство поначалу хотело навязать ей команду, но злополучные соискатели докторских степеней, из которых состоял коллектив, быстро обнаружили, что их лидер предпочитает работать в одиночку, не обременяя себя утомительным сотрудничеством.

Нежелание делиться славой? Вряд ли.

Временами, глядя на календарь и отмечая, как мало недель осталось до открытия, Рана впадает в уныние и размышляет, не слишком ли тяжкое бремя она взвалила на свои плечи. Но прогресс все же заметен, и самые трудные моменты реставрационного процесса уже позади.

Рана берет в руки инструмент и начинает соскребать крошечный коррозионный грат с одного из зубцов шестеренки. Вскоре она уже полностью поглощена методично повторяющимися движениями, а ее мысли вольно проскакивают целые эпохи, погружаясь в пучины истории. Она размышляет о людях, чьи руки касались этого металла. Она пытается представить себе всех тех, на чью жизнь повлияла эта небольшая нашпигованная механикой коробка, все измененные благодаря ей жизни, все нажитые при ее содействии состояния и все рухнувшие из-за нее империи. Римляне владели Механизмом на протяжении четырех веков - должно быть, вывезли из Греции на одном из своих кораблей, возможно с Родоса. Но римляне были слишком ленивы и нелюбопытны, чтобы как следует разобраться в работе устройства, и только дивились его способности производить вычисления. Мысль, что тот же самый прибор, который столь точно предсказывает движение Солнца, Луны и планет на протяжении всего метонова цикла - двести тридцать пять лунных месяцев, - может делать еще и что-то другое, просто не приходила им в голову.

Не то - персы. Они-то смогли разглядеть неисчерпаемые возможности всех этих вращающихся колесиков и цепляющихся зубцов. Все эти древние часовые механизмы и вычислительные коробки - умные устройства, направлявшие армии, флоты и инженеров по всему земному шару и сделавшие Большую Персию тем, чем она является ныне, - имели лишь отдаленное сходство с ноутбуками на верстаке Раны. Но линия преемственности, генеалогическое родство были несомненны.

Тут должны бродить призраки, думает Рана, затянутые в кильватерный след этой коробки, захваченные Механизмом по мере того, как он пропахивал свой путь сквозь столетия. Жизни

изменившиеся, жизни уничтоженные, жизни вообще не случившиеся; но можно ощутить призрачное присутствие этой молчаливой аудитории, толпящейся в тихом подвальном помещении и ожидающей следующего движения Раны.

Некоторые из них хотят, чтобы машину уничтожили раз и навсегда.

Другие желают снова увидеть ее во всем блеске.

Рана не принадлежит к категории мечтателей, но если уж она дает волю воображению, то грезит о сверкающих бронзовых шестеренках, крепко цепляющихся друг за друга и яростно вращающихся - танец металла и геометрии, который приводит в движение Небеса.

Сафа грезит о числах, не о шестеренках: она математик. Ее пионерская работа, благодаря которой она и попала в музей, называлась «Энтропийный обмен и гипотеза многих миров».

Как иностранка, допущенная в страну в качестве редкого специалиста в одной предельно эзотерической области знаний, Сафа обладает большими правами, чем какая-нибудь беженка. Тем не менее и она вынуждена подчиняться унижительному требованию носить воротник слежения - тяжелый пластиковый ошейник, который не только ведет запись всех ее перемещений, не только видит и слышит все, что видит и слышит она, но и может парализовать ее или подвергнуть эвтаназии, стоит только правительственному агенту заподозрить, что действия наблюдаемой противоречат национальным интересам. Кроме того, она всегда должна перемещаться в сопровождении сторожевого пса-киборга - лоснящейся черной твари с эмблемой агентства национальной безопасности на пуленепробиваемой груди. Но псу по крайней мере хватает такта, чтобы затаиться в дальнем углу помещения и не лезть на глаза в этот роковой час, когда Сафа намеревается обратиться с речью к собравшимся здесь администраторам и спонсорам.

- Сожалею, что нам пришлось вызвать вас сюда в столь поздний час, - обращается к собравшимся директор музея. - Сафа разбирается в этом лучше меня, но мне достоверно известно, что наше оборудование работает надежнее, когда город отходит ко сну - стихает дорожное движение, не ходят поезда метро. Рутинную работу мы можем планировать на дневные часы, но механизм вроде этого - столь деликатным - требуется максимальное подавление шумов. Я правильно изложил, Сафа?

- В точку, сэр. А если все попытаются задержать дыхание и не дышать в течение последующих шести часов, то это будет вообще замечательно. - Она лукаво ухмыляется, будто опасаясь, что кто-нибудь из присутствующих примет ее слова всерьез. - Полагаю, некоторые из вас надеялись увидеть сам Механизм, но, боюсь, мне придется разочаровать вас: установка его в наше оборудование - это

слишком долгая и хитрая процедура. Если бы мы начали это прямо сейчас, то на следующей неделе все еще ожидали бы завершения. Но я могу показать вам кое-что не менее интересное.

Сафа демонстрирует собравшимся белый фаянсовый кувшинчик, который она принесла специально для такого случая.

- Видимо, вы думаете, что это самый обыкновенный старый кувшинчик, который я откопала в буфете для персонала... и вы правы. Ему, возможно, не более десяти или пятнадцати лет. Уверена, никому из вас не надо напоминать, что Механизм несопоставимо старше: мы знаем, что корабль, на котором его перевозили, пошел ко дну где-то в первой половине первого столетия до Рождества Христова. Тем не менее этот сосуд поможет более наглядно представить то, о чем я намерена вам рассказать. Имеется почти бесконечное число копий этого объекта, и все эти копии являются *одним и тем же кувшином*. На одной исторической линии я подцепила насморк и не смогла присутствовать, и кто-то другой там стоит перед вами и держит в руке этот самый кувшинчик. На другой линии некто несколько лет назад извлек кувшин из буфета, и тот сейчас находится в чьей-то кухне через полгорода отсюда. Еще на одной линии его приобрел кто-то другой, и сосуд не попал в музей. А где-то он разбился, так и не покинув фабрики, на которой его сделали.

Ее губы сложились в мгновенную, тут же сгинувшую улыбку.

- Вы понимаете, о чем я говорю. Труднее представить, что все эти копии одного и того же кувшина находятся в состоянии некоего призрачного диалога друг с другом, связанные чем-то вроде квантовой сцепки. Хотя, конечно, это не вполне сцепка и не по-настоящему квантовая.

Еще одна быстрая, нервная усмешка.

- Не беспокойтесь: сегодня не будет никакой математики! Главное, независимо от того, что происходит с кувшином, независимо от того, как с ним обращаются и с чем или кем он вступает в контакт, он никогда полностью не теряет связи со своими дубликатами. Сигнал может ослабеть, но никогда не исчезает совсем. Даже если я сделаю вот так.

Она внезапно выпустила кувшинчик из руки. Тот упал на пол и разбился на десяток острых белых осколков.

- Кувшин разбился, - сообщила Сафа, изобразив на лице скорбь, приличествующую печальному событию. - Но в каком-то смысле он все еще существует. С остальными его дублями все в порядке - и каждый из них ощутил некое эхо, когда разбился вот этот. И это эхо все еще ощущается где-то там, по всем направлениям, подобно затухающему звону колоколов.

Сафа прервалась, чтобы опуститься на колени и собрать с пола пригоршню фрагментов злосчастного сосуда.

- А теперь представьте, что я каким-то образом смогла заставить резонировать эти осколки с целыми копиями кувшина. Представьте далее, что я также как-то смогла похитить у каждой из целых копий небольшую долю ее упорядоченности, а взамен привнести в нее небольшую порцию хаотичности вот этой копии, то есть проделать обмен состояний.

Сафа на миг замолкла, пытаюсь понять - удерживает ли она еще внимание аудитории? Следуют они за ее мыслью или уже потеряли нить и только притворяются? Это и с нормальными слушателями бывает трудно понять, а уж по непроницаемым лицам всех этих администраторов вообще ничего не прочтешь.

- Так вот, мы можем все это сделать. Мы назвали этот процесс «Исправление» - перенос крошечных порций энтропии из одного мира в другой, из одной параллельной вселенной в соседнюю. А устройство, позволяющее проделать такой энтропийный обмен, естественно, нарекли «Обменником». Ну, конечно, чтобы восстановить этот кувшин в его первоначальном облике, потребуется очень много времени. Но если мы начнем с кувшина, который был лишь слегка надколот и немного изношен, то возвращение к исходному состоянию произойдет гораздо быстрее. И вот это уже напрямую касается Механизма из Антикитеры⁵. Он разобран на несколько частей, и мы подозреваем, что некоторые его детали отсутствуют, но в других отношениях его состояние просто великолепно для предмета, прошедшего около двух тысяч лет под водой.

Сафа медленно поворачивается лицом к огромной гудящей глыбе Обменника. Это тускло поблескивающий серебряный цилиндр с круглой дверью на одном конце, заключенный в массивные оранжевые

⁵ * Антикитерский механизм (другие варианты написания: антикитирский, андикитерский, антикиферский, греч. Μηχανισμός των Αντικιθήρων) - механическое устройство, обнаруженное в 1902 году на затонувшем древнем судне недалеко от греческого острова Антикитера (греч. Αντικίθηρα). Датируется приблизительно 100 годом до н.э. (возможно, до 150 года до н.э.). Хранится в Национальном археологическом музее в Афинах. Механизм содержал большое число бронзовых шестерен в деревянном корпусе, на котором были размещены циферблаты со стрелками, и после реконструкции использовался для расчета движения небесных тел. Другие устройства подобной сложности неизвестны в эллинистической культуре. В нем используется дифференциальная передача, которая, как считалось до сей поры, изобретена не раньше XVI века, а уровень миниатюризации и сложность сопоставимы с механическими часами XVIII века. Ориентировочные размеры механизма в сборе 33 x 18 x 10 см. (Здесь и далее прим. перев.)

шасси. Он, как гирляндами, обвит кабелями, охлаждающими трубопроводами и служебными галерейками. Машина по величине может сравниться с небольшим термоядерным реактором, но в несколько раз превосходит его по сложности. У нее более мощные, но и более чувствительные магниты, более разреженный вакуум, а его управляющая система столь опасно приблизилась к порогу разумности, что правительственные агенты все время должны быть начеку, чтобы тут же уничтожить машину, как только она обретет сознание.

- Вот это и есть наше оборудование. Механизм сейчас находится внутри него. Фактически мы уже начали резонансное возбуждение. Мы надеемся, что где-то там, в море альтернативных временных последовательностей, имеется копия Механизма, которая никогда не попадала в воду. Разумеется, эта копия тоже может быть каким-то образом повреждена, но где-то должна быть копия, находящаяся в лучшем состоянии, чем наша. А может быть, таких дубликатов тоже почти бесконечное множество. Возможно, это только нам так не повезло, и никакой другой двойник не был утоплен.

Сафа покашливает, чтобы прочистить горло, и вдруг видит свое отражение в одной из стеклянных панелей какого-то шкафа в углу помещения. Осунувшееся лицо, складки усталости в уголках рта, мешки под глазами - портрет женщины, которая слишком долгое время слишком тяжело работала. Но как еще иранский математик может чего-то добиться в этом мире, если, конечно, не рассматривать вариант с подкупом, лестью и угодничеством? Сафа родилась в бедной семье, и мир не спешил приветливо распахнуть перед ней все двери.

«Мешки под глазами разглядятся, а плоды трудов останутся надолго», - напоминает она сама себе.

- Процесс исправления будет заключаться в том, - произносит она, восстановив самообладание, - что мы похитим практически бесконечно малое количество упорядоченности в каждой из практически бесконечного количества альтернативных вселенных. Взамен мы сольем в каждую из этих временных линий крошечный избыток энтропии. Детали Механизма почти не почувствуют перемены: изменения в каждой копии будут ничтожно малы, практически неизмеримы. В какой-то копии это будет микроскопическая царапина, в другой - незаметное пятнышко коррозии или пара атомов, загрязненных примесями. Другое дело у нас, поскольку мы крадем порядок из огромного количества миров и собираем все эти крошечные порции в одной-единственной временной последовательности, - изменения в состоянии Механизма в нашей Вселенной будут громадными. Мы окажемся в выигрыше и восстановим Механизм в том виде, в каком он был до того, как утонул в море. Ну, а все остальные параллельные миры ничего не потеряют. Речь идет вовсе не о том,

чтобы заменить чью-то копию, находящуюся в отличном состоянии, на нашу поврежденную.

«Ну, кажется, все прошло гладко, - думает Сафа, - я их вроде бы убедил. Похоже, обойдется без дурацких вопросов, и не нужно будет играть софизмами, дабы их обойти. Самое время гостям прошаркать к столам и заняться бутербродами с сыром...»

Однако в аудитории медленно возносится чья-то рука. Она принадлежит какому-то пылающему энтузиазмом юноше в очках с квадратными стеклами и со строгой челкой.

Юноша спрашивает:

- Как вы можете быть в этом уверены?

Сафа кривится. Она ненавидит дурацкие вопросы.

Рана откладывает инструмент и напряженно вслушивается. Где-то в музее прозвучало что-то вроде сильного хлопка дверью. Она сидит в молчании не меньше минуты, но звук не повторяется, и Рана возобновляет работу и продолжает соскребать крошечное пятнышко коррозии тончайшим долотом с алмазным наконечником.

А затем слышится другой звук, что-то вроде биения крыльев, будто птица мечется по темным холлам. Этого Рана уже не может перенести. Она выходит в подвальный коридор, гадая, не заявился ли кто-то еще поработать ночью? Но другие помещения все так же заперты, и света в них нет.

Она уже собирается вернуться в лабораторию и позвонить оттуда Катибу, когда снова слышит звуки возни. Рана находится рядом с лестничным колодцем, а звук отчетливо доносится откуда-то сверху: возможно, его источник - всего лишь этажом выше.

Уцепившись за перила, Рана поднимается по лестнице. Храбрость в ее душе, похоже, преобладает над мудростью - ведь в музей неоднократно проникали воры. Но на том этаже есть еще и кофейный автомат, и Рана намерена заполучить стаканчик напитка, который поможет ей продержаться как минимум час. Она тяжело дышит, достигнув наконец следующей лестничной площадки, и сворачивает в коридор, узкий и запущенный, как и все места в музее, не предназначенные для посетителей. По одну сторону от нее - высокие наружные окна, по другую - закрытые двери служебных помещений. Никаких воров не видно, зато через две двери в освещенном участке коридора стоит кофейный автомат. Рана нащупывает монеты в кармане и набирает на панели заказ. Машина оживает, начинает клацать и урчать, а Рана вдруг чувствует на щеке дуновение ветерка. Она смотрит вдоль коридора и снова ощущает порыв ветерка, будто где-то открылась дверь, впустив внутрь ночную прохладу. Но единственная дверь, которая могла открываться в эту пору, - именно та, где дежурит Катиб, а она находится в другом конце здания.

Пока стаканчик неспешно заполняется кофе, Рана решает провести небольшую разведку и идет навстречу сквозняку. Коридор заканчивается в конце этого крыла здания, где резко сворачивает направо. Рана огибает угол, и взгляду ее открывается нечто неожиданное. По всей длине коридора во всех окнах нет ни стекол, ни металлических рам: просто высокие пустые проемы в стене. И здесь же действительно находится источник слышанного ранее звука - возможно, ворон или похожая птица, темная, отчаянно бьющая крыльями. Она явно залетела через проем и теперь не может выбраться наружу. Птица яростно бросается на простенок, и ее глаза горят безумным отчаянием.

Рана стоит в остолбенении и размышляет, как такое возможно? Она же бывала здесь. Тут все должно быть так же, как на участке коридора за ее спиной. Может, она просто задремала над своими коробками и компьютерами? Но нет, она же помнит, как вышла на шум, как поднималась по лестнице, подходила к кофейному автомату и набирала заказ. Она в отчаянии вглядывается в опустевшие оконные проемы.

Дело не только в отсутствии стекол. Либо она сходит с ума, либо оконные проемы действительно выглядят так, будто стены решили сомкнуть сонные глаза.

Она должна вызвать Катиба.

Рана спешит назад тем же путем, каким сюда пришла, позабыв про кофе, за который успела заплатить. Да к тому же, когда она пробегает мимо кофейного автомата, то не видит на его панели никаких огоньков, словно он никогда и не был включен.

Рана возвращается в подвал. На лестничных пролетах у нее возникает ощущение, что ступени под ногами какие-то слишком уж сильно выщербленные, но когда она достигает последних ступенек, все вроде приходит в норму. Внизу она останавливается, чтобы привести в порядок мысли и чувства.

Ну, по крайней мере здесь, в подвале, все так, как и должно быть. В ее комнате ничего не изменилось, свет включен, мониторы лэптопов светятся, шестеренка все так же находится на своей подставке, а разобранный Механизм по-прежнему занимает дальний угол рабочего стола.

Рана опускается в кресло, сердце все так же колотится; она поднимает трубку телефона.

- Катиб?

- Да, дорогая, - его голос звучит, как будто между ними расстояние в полмира, и треска в трубке больше, чем должно быть; по крайней мере ей так кажется. - Чем могу быть полезен?

- Катиб, я была сейчас наверху и...

Рана запинается. И что она ему скажет? Что видела пустые проемы

там, где должны быть окна?

- Рана?

Рана теряет самообладание.

- Я только хотела сказать, что... кофейный автомат сломался. Может, кто-нибудь его посмотрит?

- Только завтра. Сейчас здесь нет ни одного специалиста. Но я сделаю запись в журнале.

- Спасибо, Катиб.

После паузы он спрашивает:

- Больше ничего? Или что-то еще не в порядке?

- Нет, - отвечает она. - Больше ничего. Спасибо, Катиб.

Рана догадывается, о чем сейчас думает Катиб. Она слишком много работает, полностью заиклилась на своем задании. Поговаривают, что Механизм оказывает на людей такое действие. Он их затягивает. Они погружаются в лабиринт возможностей и вероятностей и уже не выходят из него, по крайней мере такими, как прежде.

Но Рана все еще убеждена, что слышала хлопанье крыльев ворона.

- ...Уверенной относительно чего? - переспрашивает Сафа с любезной улыбкой.

- Относительно того, что все будет работать так, как вы рассказали, - поясняет пылливый юноша.

- Математические выводы предельно ясны и прозрачны, - отвечает Сафа. - Уж я-то знаю - сама разработала большинство этих методов.

Получается не вполне скромно, но, похоже, присутствующим это до лампадиона.

- Я хочу сказать, что здесь нет места неопределенности. Мы знаем, что спектр альтернативных временных линий простирается почти бесконечно, и мы знаем, что забрасываем в каждую из этих временных последовательностей наименьшее возможное количество энтропии.

Сафа изображает сдержанную улыбку, надеясь, что этого объяснения будет достаточно для любознательного юноши и она сможет продолжить свою презентацию.

Но тот далеко не удовлетворен ответом.

- Все это прекрасно, но не кажется ли вам, что вы исходите из молчаливого допущения, будто во всех этих временных линиях наличествует порядок, которым они могут поделиться? А если это не так? Что если все остальные Механизмы точно так же повреждены и покрыты коррозией, как наш? Что произойдет тогда?

- Все сработает в любом случае, - заверяет Сафа, - общее количество информации^{*6} во всех параллельных временных линиях таково, что мы

⁶ * *В теории информации понятия энтропии и информации являются дополнительными друг к другу. Информация является*

почти с полной уверенностью можем гарантировать обнаружение по крайней мере одной совершенно целой копии. Разумеется, если все Механизмы повреждены ровно в той же степени, что и наш, то Исправления не выйдет - вы не можете получить что-то в обмен на ничего. Но такой вариант крайне маловероятен. Поверьте мне, я вполне уверена: мы сможем отыскать достаточно информации в параллельных мирах, чтобы реконструировать нашу копию.

Юноша, кажется, удовлетворен ответом, но как только Сафа открывает рот, чтобы продолжить речь, он снова поднимает руку.

- Извините, но... мне просто интересно. Мы будем закачивать в каждую из этих временных линий одно и то же количество энтропии?

Это грамотный технический вопрос, из которого следует, что молодой человек гораздо лучше подготовил домашнее задание, чем большинство присутствующих.

- На самом деле нет, - отвечает Сафа настороженно. - Как показывают расчеты, при обмене энтропией всегда имеется некоторый небольшой разброс значений. Если определенная копия Механизма обладает большим количеством пригодной для нас информации, то мы закачаем в нее больше энтропии, чем в копию, которая может предложить меньше информации. Но все равно речь идет об очень незначительных различиях, о мелочах, которые никто не в состоянии заметить.

Юноша запускает пятерню в челку.

- А если найдется только один?

- Что, простите?

- Я имею в виду: если там, в параллельных мирах, существует только одна-единственная целая копия, а все остальные повреждены в той же степени, что и наша собственная?

- Такого не может быть, - отвечает Сафа, надеясь, что найдется кто-нибудь, кто перебьет любознательного энтузиаста, задав ей другой вопрос. Не то чтобы она была в себе не уверена, просто чувствовала, что этот допрос может продолжаться таким вот образом всю ночь.

- Но почему же? - упорствует молодой человек.

- Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Математика утверждает: вероятность подобного настолько ничтожна, что мы можем про нее забыть.

- А вы верите математике?

- А почему я не должна ей верить? - Сафа начинает терять терпение, она чувствует: на нее наезжают и пытаются загнать в угол. Самое

мерой упорядоченности системы, энтропия - мерой хаоса. С ростом накопленной в системе информации увеличивается ее упорядоченность, а энтропия соответственно уменьшается, и наоборот.

время директору музея встать на ее защиту, но, как всегда в таких случаях, он, видимо, отвлекся на что-то другое. - Разумеется, я верю в математику. Было бы крайне странно, если бы это было не так.

- Я только хотел спросить, - голос юноши звучит обиженно, как будто это на него нападают. - Может, это действительно маловероятно - я вам верю на слово. Но просто мне хочется знать, что произойдет в этом случае?

- Не забивайте себе голову, - твердо произносит Сафа. - Этого не случится. Не случится никогда. А теперь, с вашего позволения, я могу продолжить?

Ее пальцы давят на кнопку вызова Катиба. Но никакой реакции не следует. Телефон мертв, и она только теперь замечает, что его дисплей не светится. Она кладет трубку на рычаг, потом делает еще одну попытку, но ничего не происходит.

Только после этого Рана внимательно приглядывается к шестеренке, над которой работала. В антикитерском Механизме имеется тридцать семь зубчатых колес, это двадцать первое, и хотя оставалось еще немало сделать, прежде чем его можно будет вернуть в коробку, но все же она его изрядно почистила. А сейчас шестерня выглядит, будто Рана и не начинала работу. Целыми неделями Рана очищала ее поверхность от коррозии, а теперь та снова вся покрыта пушистым зелено-голубым налетом, как будто кто-то погрузил артефакт в сильную кислоту в те минуты, когда Раны не было в лаборатории. Более того, когда она, не веря своим глазам, в полном отчаянии разглядывает колесо, то замечает: на нем не хватает трех зубцов - то ли отломаны, то ли просто сточились до основания, результат один и тот же. И что хуже всего, по колесу проходит глубокая царапина, а скорее, даже трещина, готовая расколоть его пополам.

Выбитая из колеи, но и в равной степени захваченная каким-то болезненным любопытством, Рана берет скребок, с которым работала до того, как услышала странные звуки, и касается им участка, пораженного зелено-голубой коррозией. Часть пушистого налета отделяется почти сразу, да только вместе с ним откалывается добрая четверть шестеренки, и отвалившийся кусок рассыпается и превращается в кучку бледных гранул на столешнице верстака. Пораженная Рана впадает в ступор. Она не в силах поверить глазам, она просто стоит и смотрит на уничтоженное зубчатое колесо, из которого вырван громадный кусок. А затем в ее руке ломается и сам инструмент.

- Этого не может быть, - говорит вслух Рана.

Затем ее взгляд падает на другие шестеренки в пластиковых коробках, и она видит: все, абсолютно все они покрыты тем же хрупким коррозионным пушком.

Что касается самого Механизма, вернее выпотрошенного ящика, то тут ее взору предстает вообще нечто невероятное. Она уже готова была допустить, что за время, пока она поднималась вверх и возвращалась, какая-то странная, до сих пор не наблюдаемая химическая реакция нанесла повреждения металлическим частям, но коробка-то была *деревянная!* Она не подвергалась никаким изменениям в течение веков, с тех самых пор, когда очередной бережный владелец Механизма аккуратно заменил старый деревянный корпус новым.

Но теперь ящик превратился в нечто, выглядевшее скорее камнем, нежели деревом, в чем лишь с большим трудом можно признать рукотворный артефакт, а не создание природы. Рана протягивает руку и с трепетом касается его поверхности.

На ощупь эта субстанция кажется волокнистой и бесплотной. Ее палец проходит сквозь вещество, как призрак сквозь стены. Будто перед ней не реальный объект, а голограмма. Вглядываясь в нутро Механизма, Рана видит: все еще остававшиеся на месте шестеренки слиплись в единую, покрытую коррозией массу. Как будто на цельном камне кто-то выгравировал размытую схему часового механизма..

И тогда Рана разражается смехом, поскольку все фрагменты загадки встали на место и сложились в единое целое. Все это просто-напросто шутка и - учитывая, в каком напряжении она находилась последнее время, - дурная шутка. Но все равно всего лишь шутка, а не сигнал о том, что у нее крыша едет. Кто-то специально пошумел наверху, чтобы ее выманить, а как бы иначе они смогли проникнуть в ее лабораторию и подменить Механизм на его разрушенную копию?

Исчезнувшие окна, испуганно мечущаяся птица - это, конечно, перебор, но подобные детали хорошо имитируют хаотическую логику сновидения и говорят о богатстве фантазии неведомого шутника.

Что ж, у нее есть чувство юмора. Да только сейчас юмор неуместен. Кто-то заплатит за все это. И последняя капля - отрубленный телефон. Это уже не смешно, это подло.

Она делает движение, чтобы подняться на ноги и отправиться разыскивать неведомых шутников, которые, должно быть, прячутся в тени - скорее всего, в затемненной галерее для обозрения, оттуда она видна как на ладони. Но когда Рана упирается ладонями в поверхность верстака, ее пальцы проваливаются в дымчатую поверхность столешницы.

Исчезают, будто она погружает их в воду.

Ее осеняет внезапная догадка, что это не Механизм из Антикитеры стал бесплотным, а вообще все, что ее окружает.

Нет, это тоже неверно. Что-то, конечно, случилось со зданием, но если бы стол стал призраком, то все находящиеся на нем тяжелые предметы - Механизм, инструменты, оборудование, ноутбуки - к этому

времени наверняка уже провалились бы сквозь него. Имеется более простое объяснение, хотя такое понимание наполняет ее душу межзвездным холодом.

Это она исчезает, становится призраком, теряя субстанциальность.

Рана наконец встает на ноги, но все происходит, как если бы она превратилась в облачко дыма. Она не столько стоит, сколько парит, едва касаясь пола под ногами. Воздух в легких ощущается как все более и более разреженный, но чувства удушья не возникает. Она пытается идти, и какое-то время ее ступни безрезультатно шаркают по полу, прежде чем ее призрачное тело приобретает какой-то хилый импульс, направленный в сторону двери.

Когда она вернулась с верхнего этажа, коридор у основания лестницы оставался нормальным, но сейчас он тоже превратился в какой-то темный угрожающий проход с грубо вырубленными в камне проемами по бокам, ведущими в какие-то темницы. Ее кабинет остается единственным узнаваемым местом, но даже он не может устоять перед волной изменений. Дверь исчезла, остался лишь зияющий проем в стене. Пол теперь вымощен неровно выложенными каменными плитами. На полпути к ее рабочему столу камни трансформируются в нечто вроде бетона, который, в свою очередь, уступает место твердому красному блестящему покрытию, которое и должно тут быть. Электрические светильники на столе внезапно мигают и гаснут. Со скрежетом отрубаются ноутбуки, их экраны тоже гаснут. Линия изменений на полу крадется в сторону верстака, словно приливная волна. Рана слышит, как где-то во мраке капает вода.

Она была не права, предполагая, что по крайней мере предметы на столе не поддадутся процессу дематериализации. Тот же процесс, что затронул сначала ее саму, захватывает теперь ее заметки, инструменты, ноутбуки и фактуру самого верстака. Даже Механизм теряет признаки реальности, его шестерни и другие компоненты начинают растворяться в воздухе у нее на глазах. Деревянный ящик становится пепельно-серым и распадается в кучу праха. Сквозняк, врывающийся в помещение, уносит его прочь.

Рана соображает, что Механизм исчез последним, потому что волна изменений, пришедшая со всех сторон, именно его имела своим фокусом, и какое-то время эта крошечная точка держалась, оказывая сопротивление силам, трансформирующим реальность.

А теперь она ощущает, что процесс ее собственного исчезновения ускоряется. Она не может ни двигаться, ни кричать. Она находится в полной власти сквозняков, гуляющих по кабинету.

Ветер выдувает ее сквозь холодные каменные стены в ночной воздух над городом, который она с трудом узнает. Она безвольно плывет по небу, она может наблюдать, но не может участвовать. Куда бы ни направился ее взгляд, везде Рана видит руины и запустение.

Зазубренные пустые оболочки домов четко вырисовываются на фоне лунного сияния. Временами Рана узнает остатки некогда знакомых мест, но и они настолько изменены, что вскоре она полностью теряет ориентацию. Даже блестящая в лунном свете река, похоже, изменила свое русло. Рана видит полуразрушенные каменные и металлические мосты, которые уже не соединяют берега. Багровые всполохи озаряют горизонт и мерцают сквозь глазницы окон опустошенных зданий.

А затем она замечает черные машины, пробивающие путь сквозь заваленные каньоны между руинами. Жестокие и пугающие машины войны, с пушками на турелях, неукоснительно целящимися в сторону дверных проемов и густых теней. Железная поступь их механических ног попирает камни разрушенного города, камни, которые когда-то были чьим-то жильем, пока не появились эти монстры. Нет нужды отыскивать глазами флаги или гербы, ведь и так ясно, что это машины оккупационной армии и что ее город раздавлен механической пятой агрессора. Она видит, как из какого-то подвала выскакивает одинокая фигурка и швыряет в ближайшую машину жалкий сосуд с зажигательной смесью. Резкий поворот турели - и огненные строки прошивают нападающего насквозь. Человек падает на камни.

Ветер возносит Рану ввысь, и город превращается в карту самого себя. При очередном развороте в поле зрения Раны попадает здание, некогда бывшее Музеем античности, но выглядящее теперь как разрушенная тюрьма или разбитый форт, один из многих. На мгновение она вспоминает, что современное здание музея было воздвигнуто на очень древнем фундаменте - здесь существовала даже целая последовательность разных зданий, каждое из которых воздвигалось на остатках стен своих предшественников, они служили разным целям и разным правителям, но не меняли своего местоположения в течение столетий.

И в ту же секунду Рана приходит к мгновенному пониманию того, что случилось с ней самой и с ее миром. Механизм был вырван из истории, и соответственно, вся эта историческая линия, в которой Механизм сыграл такую громадную роль, перестала существовать как реальность, стала чистой возможностью. Не существует больше Музея античности, ибо нет больше Большой Персии. А ее нет, потому что блестящее творение древнего разума, счетный механизм, направляющий суда, армии и инженеров по всем земному шару, просто-напросто никогда не существовал. Как и сама Рана.

Но момент понимания краток, и озарение уходит, как и пришло. Призраки - это не души умерших. Это души людей, вычеркнутых из истории, когда история меняется. И хуже всего, что они не могут как следует помнить ни людей, какими они некогда были, ни событий, свидетелями которых являлись.

Ветер возносит Рану еще выше к разреженным серебряным облакам.

К этому времени она уже вообще ни о чем не думает, а лишь грезит о бесконечных сцеплениях прекрасных бронзовых шестерен, которые на протяжении целой вечности приводят в движение Небеса.

Перевел с английского Евгений ДРОЗД

© Alastair Reynolds. The Fixation. 2007. Публикуется с разрешения автора.

журнал
ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА
АНТИКВАРИАТ
И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку

Достоверная информация и реальные цены

Подписка:

- по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) - индекс 99438;

- по каталогу «Пресса России» - индекс 45720;

- в отделе распространения, тел.: (499) 248-7408, факс: (499) 248-3811.1

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9 Тел.: (499) 248-0576 (редакция), тел.: (499) 248-7408, (495) 585-7316 (отдел распространения),

www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),

sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

ВАНДАНА СИНГХ БЕСКОНЕЧНОСТИ

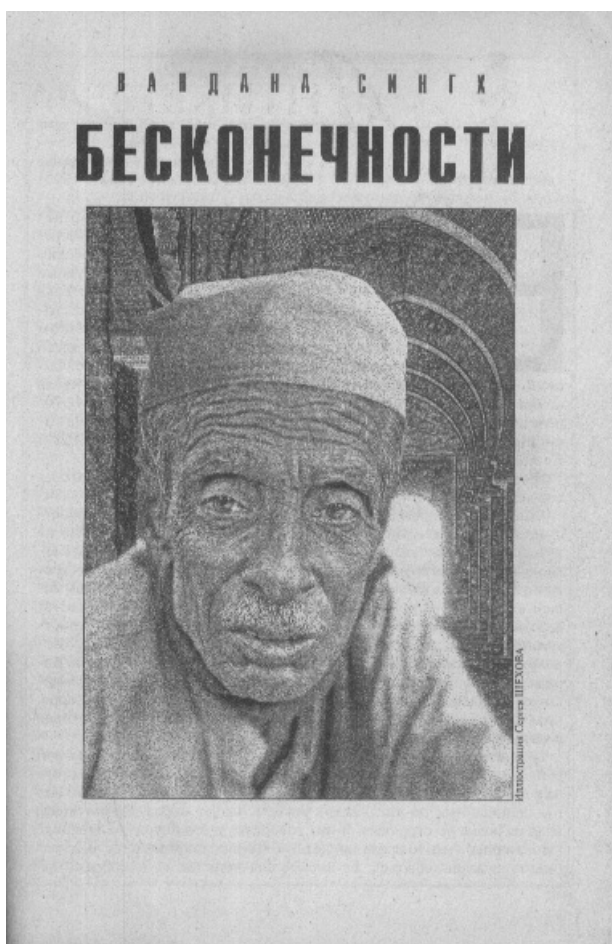

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Уравнение для меня ничего не значит, если в нем не выражается замысел Бога.

Сриниваса Рамануджан,
индийский математик(1887-1920)

Его имя Абдул Карим. Он невысок, худ, чрезвычайно педантичен в одежде и привычках. Прямой как палка. На лице - короткая остренькая бородка, волосы с проседью. Когда он выходит из дома купить овощей, люди на улице приветствуют его с уважением: «Салам, господин учитель» или «Намасте, господин учитель» - в зависимости от того, какую религию исповедует говорящий. Он знаком всем, этот школьный учитель математики. Он живет здесь так давно, что видит лица своих бывших учеников повсюду. Вот, например, водитель авторикши Рамдас, который никогда не берет с него денег; а вот продавец бетеля в лачуге на углу, который отпускает ему в кредит и не торопит с оплатой. Продавца зовут Имран, и он посещает мечеть куда более регулярно, чем Абдул Карим.

Все его знают, этого вежливого учителя математики. Но у него есть свои тайны.

Живет он в старом желтом доме, где штукатурка кусками осыпается со стен, обнажая кирпичную кладку. Деревянная мебель, такая же ветхая и потрепанная, открывается взгляду случайных прохожих, когда на ветру робко трепещут выцветшие шторы на окнах. Дом выстроен в старомодном стиле, с внутренним двориком, который весь вымощен кирпичом, за исключением круглого пятка земли, где растет огромное сливовое дерево. Двор окружен высокой стеной с единственной дверью, за которой находятся заросли, когда-то бывшие огородом. Но руки, которые за ним ухаживали - руки матери Абдула Карима, - теперь едва способны донести до рта щепотку риса в трясущихся пальцах. Качая головой, мать сидит на солнышке во дворе, пока сын занимается хозяйством, по-женски тщательно протирая и начищая все вокруг.

У учителя двое сыновей: один в далекой Америке, женат на *gogi bibi*, блондинке, подумать только! Он никогда не приезжает погостить да и пишет всего несколько раз в год. Жизнерадостные письма его жены, написанные по-английски, учитель читает очень внимательно, водя пальцем по строчкам. В них говорится о его внуках, о бейсболе (это, видимо, что-то вроде крикета), о планах приехать в гости, которым не суждено сбыться. Ее письма для него так же непостижимы, как мысль о том, что на Марсе есть разумная жизнь. Но за чужими словами чувствуется доброта и сочувствие. А его мать не хочет даже слышать об этой женщине.

У второго сына какой-то бизнес в Мумбаи. Дома он бывает редко, но когда приезжает, всегда привозит дорогие вещи - то телевизор, то

кондиционер. Телевизор заботливо накрыт вышитой салфеткой, и его каждый день протирают от пыли, но учитель не может заставить себя его включить. В мире слишком много горя. От кондиционера у него начинаются приступы астмы, поэтому он никогда им не пользуется, даже в иссушающий летний зной. Его сын для него загадка; мать обожает внука, Абдула же терзает беспокойство, что этот юноша стал чужим, что он ввязался в какие-то сомнительные дела. Сын никогда не расстается с мобильным телефоном, все время звонит неизвестным друзьям в Мумбаи и то раздражается веселым смехом, то понижает голос до шепота, расхаживая туда-сюда по трогательно чистой гостиной. И хотя никому, кроме Аллаха, он в этом не признается, Абдул Карим почти уверен, что сын ждет его смерти. Он всегда вздыхает с облегчением, когда сын уезжает.

Но это всё домашние заботы. Какой отец не тревожится о детях? Вряд ли кто-то удивился бы, узнав, что тихому, доброму учителю математики эти тревоги не чужды. О чем они не догадываются, так это о том, что у него есть тайная страсть, одержимость, которая отличает его от остальных. Возможно, именно поэтому всегда кажется, будто он смотрит на что-то за пределами поля зрения, что он слегка теряется в этом жестоком, приземленном мире. Он хочет увидеть бесконечность.

Для учителя математики в увлеченности числами нет ничего странного. Но для Абдула Карима числа - это каменные ступени лестницы, которая уведет его (Иншаллах!) от прозы жизни напрямик к бесконечности.

Будучи ребенком он иногда улавливал что-то угловым зрением. Какие-то тени, движущиеся на самом краю видимости. Наверное, каждому из нас когда-нибудь мерещилось, будто кто-то стоит слева или справа, но исчезает, стоит повернуть голову. В детстве он думал, что это фаришты - ангелы, которые за ним присматривают. И ему было спокойно и уютно от этого незримого присутствия чего-то большого и доброго.

Однажды он спросил у матери:

- Почему фаришты со мной не разговаривают? Почему они всегда убегают, когда я оборачиваюсь?

По какой-то необъяснимой для него причине этот невинный вопрос повлек за собой визит к доктору. Абдул Карим всегда боялся кабинета врача, где стены были сверху донизу увешаны старинными часами. Часы тикали, звонили и жужжали, пока в щербатые чашки разливался чай и задавались вопросы про духов и одержимость, а горькие травы цедились в старинные бутылочки, подозрительно похожие на те, в которых сидят джинны. Мальчику дали амулет и велели носить на шее, а еще сказали каждый день повторять некоторые стихи из Корана. Совсем еще ребенок, он сидел на краешке потертой бархатной кушетки и трепетал от страха, а когда после двух недель лечения мать

спросила его про фаришт, ответил: «Они исчезли».
Это была ложь.

* * *

Моя теория тверда как скала; любая направленная в нее стрела тут же вернется к лучнику. Откуда я это знаю? Потому что я много лет изучал ее со всех сторон; потому что я исследовал все доводы против бесконечных чисел, которые когда-либо приводились; но самое главное - потому что корнями она уходит к безошибочной первопричине всего сотворенного.

Георг Кантор,
немецкий математик (1845-1918)

В этом конечном мире Абдул Карим размышляет о бесконечности. В математике он встречался с различными видами бесконечностей. А поскольку математика - язык Природы, значит, в физическом мире вокруг нас бесконечности тоже имеются. Они приводят нас в замешательство, ибо люди - создания ограниченные. Наши жизни, наша наука, наши религии - все это меньше, чем космос. Бесконечен ли космос? Возможно.

В математике существует ряд натуральных чисел, которые, словно маленькие решительные солдаты, шагают в бесконечность. Но есть, как известно Абдулу Кариму, и менее очевидные бесконечности. Проведем прямую линию: на одном ее конце поставим ноль, на другом - цифру один. Сколько чисел помещается между нулем и единицей? Начнем считать прямо сейчас, и скорее Вселенная погибнет, чем мы приблизимся к единице. На пути от одной точки к другой нам встретятся и рациональные, и иррациональные, и трансцендентные числа. Последние - самые интригующие: их нельзя получить путем деления целых чисел или в результате решения простых уравнений. И тем не менее в ряду простых чисел их буквально непроходимые заросли; они - самые многочисленные из всех чисел. Они, эти трансцендентные числа, появляются, когда берется некое определенное отношение, например окружности круга к его диаметру, или при сложении бесконечного числа членов ряда, или при спуске по ступенькам бесконечных цепных дробей. Самое знаменитое, конечно, число пи - 3,14159..., в котором целая бесконечность неповторяющихся чисел после запятой. Трансцендентные числа! Они так богаты на бесконечности, как мы и вообразить себе не можем.

В любой ограниченности - в этой маленькой черточке числовой линии - таится бесконечность. Какая глубокая и прекрасная идея, думает

Абдул Карим. Быть может, в нас тоже есть бесконечности, целые вселенные бесконечностей?

Еще один разряд, поражающий его воображение, - простые числа, атомы арифметики, из которых составлены остальные целые числа. Они точно буквы алфавита, из которых составляют слова. Простых чисел бесконечное множество, как и подобает Божественному алфавиту, думает он.

Сколь невыразимо загадочны они! Их последовательность кажется случайной: 2, 3, 5, 7, 11... Невозможно предсказать, каким будет следующее число в этом ряду. Не существует формулы образования простых чисел. И все же в них есть какая-то загадочная закономерность, которая ускользает от самых великих математиков мира. Мелькнувший перед Риманом, но до сих пор не доказанный, намек на такой глубинный, такой исконный порядок, что он недоступен нашему пониманию.

Искать бесконечность в нашем до безобразия конечном мире - что может быть благороднее для человека, а особенно для такого, как Абдул Карим?

Будучи ребенком он приставал к взрослым в мечети: «Что это значит, когда говорят, что Аллах одновременно один и бесконечен?». Став старше, он прочел философские трактаты Аль-Кинди и Аль-Газали, Ибн Сины и Икбала, но его беспокойный ум не нашел там ответов. Большую часть жизни он провел в убеждении, что именно в математике, а не в философских спорах, лежит ключ к самым глубоким тайнам.

Он спрашивает себя: а может, фаришты, сопровождающие его всю жизнь, знают ответы, которые он ищет? Порой, завидев одного из них на краю поля зрения, он, не поворачивая головы, задает вопросы тишине:

- Верна ли гипотеза Римана?

Молчание.

- Являются ли простые числа ключом к пониманию бесконечности?

Молчание.

- Есть ли связь между трансцендентными и простыми числами?

И снова нет ответа. Лишь иногда легкий шепот, отзвуки голосов звучат у него в голове. Абдул Карим и сам не понимает, проделки это подсознания или нет, потому что не может разобрать, что говорит голос. Он вздыхает и снова погружается в чтение.

Он читает о простых числах в природе. Оказывается, распределение промежутков между энергетическими уровнями возбужденного уранового ядра сходно с распределением промежутков между простыми числами. Он лихорадочно переворачивает страницы статьи, изучает графики, пытается понять. Как странно, что Аллах поместил этот намек в глубины атомного ядра! Абдул Карим едва знаком с

современной физикой - он совершает набег в библиотеку, чтобы побольше узнать о структуре атомов...

Воображение его простирается все дальше. Размышляя о прочитанном, он начинает подозревать, что, возможно, материя способна к бесконечному делению. Он захвачен идеей, что, быть может, не существует такого понятия, как элементарная частица. Взять, к примеру, кварк - он полон преонов. Возможно, и преоны, в свою очередь, состоят из еще меньших частиц. И нет предела этой все более тонкой зернистости материи.

Насколько это лучше, чем мысль о том, что этот процесс где-то заканчивается, что в какой-то точке существует, например, какой-нибудь препреон, который состоит только из себя самого. Как это *фрактально устойчиво*, как прекрасно - идея, что материя состоит из вложенных друг в друга ящичков, и даже в самом маленьком найдется еще меньший.

Он получает удовольствие от этой симметрии. Ведь, в конце концов, бесконечность есть не только в малом, но и в очень больших вещах. Вся наша расширяющаяся Вселенная, очевидно, не имеет края.

Он обращается к труду Георга Кантора, у которого хватило смелости привести в порядок математические исследования бесконечности. Абдул Карим скрупулезно переходит к вычислениям, водит пальцем по каждой строчке, каждому уравнению в пожелтевшем учебнике, неистово скрипя карандашом. Именно Кантору принадлежит открытие, что одни бесконечные ряды более бесконечны, чем другие - что существуют классы и уровни бесконечности. Возьмем целые числа - 1, 2, 3, 4... Бесконечность, но более низкого порядка, чем действительные числа, такие как 1,67, 2,93 и т.д. Таким образом, если мы присвоим ряду целых чисел порядок алеф-Нуль, то ряд действительных чисел будет порядка алеф-Один - словно ступени иерархии придворных вельмож. Вопрос, который не давал Кантору покоя и, в конце концов, стоил ему жизни и душевного здоровья, - континуум-гипотеза, согласно которой не существует бесконечного ряда чисел с порядком между алеф-Нуль и алеф-Один. Другими словами, алеф-Один идет следом за алеф-Нуль, без промежуточного звена. Но Кантор так и не смог этого доказать.

Он разработал математику бесконечных рядов. Бесконечность плюс бесконечность равно бесконечность. Бесконечность минус бесконечность равно бесконечность. Но континуум-гипотеза так и не поддалась ему.

Для Абдула Карима Кантор - словно картограф в причудливом новом мире. Пики бесконечностей вздымаются в небо, а Кантор - крошечная фигурка, затерянная в этой величии, муха над пропастью. И все же какая отвага! Какая сила духа! Поставить себе цель классифицировать бесконечности...

В своих изысканиях Абдул Карим находит статью о математиках Древней Индии. У них были специальные слова для наименования больших чисел. Один пурви - отрезок времени, равный семистам пятидесяти шести тысячам миллиардов лет. Одна сирсапраэлика - восемь целых четыре десятых миллиона пурви, возведенные в двадцать восьмую степень. Что заставляло их оперировать такими огромными числами? Какие перспективы перед ними открывались? Что за чудесная заносчивость ими владела, когда они, ничтожные создания, помышляли о столь великом?

Однажды он рассказал об этом своему другу, индусу по имени Гангадьяр, который живет неподалеку. Руки Гангадьяра замерли над шахматной доской (еженедельная партия в самом разгаре), и он процитировал стихи из Вед:

- От Бесконечности отними Бесконечность, и - взгляни! - Бесконечность осталась...

Абдул Карим поражен. Предкам Гангадьяра удалось опередить Георга Кантора на четыре тысячи лет!

* * *

Любовь к науке... приветливость и снисходительность, которой Бог одаривает просвещенных, та расторопность, с которой он защищает и поддерживает их в истолковании неясностей и устранении трудностей, подвигли меня на создание краткой книги об исчислении аль-джабра и аль-мукабалы, ограничив их тем, что есть самого простого и полезного в арифметике.

Аль-Хорезми,
арабский математик, VIII век н.э.

Математика была для мальчика вещью такой же простой и естественной, как дыхание. Экзамены в маленькой муниципальной школе он сдал играючи. Окраину, где он жил, населяли в основном мелкие торговцы, служащие и так далее, и их дети, казалось, унаследовали от родителей трудолюбие и практичность. Никто не понимал этого до странности умного мусульманского мальчика, кроме его одноклассника-индуса Гангадьяра, парнишки общительного и дружелюбного. Несмотря на то что Гангадьяр играл на улице в гулли-данда и бегал быстрее всех в округе, у него была своя страсть - литература, в особенности поэзия: увлечение, возможно, столь же непрактичное, как математика. Эти двое нашли друг друга и провели немало часов, сидя на стене позади школы, поедая джамуны с растущих тут же деревьев и болтая о многом: начиная с пакистанской

поэзии и стихов на санскрите и кончая тем, проникает ли математика повсюду, включая человеческие эмоции. Все это заставляло их чувствовать себя ужасно взрослыми и серьезными. Именно Гангадьяр со стыдливым хихиканьем впервые познакомил Абдула Карима с эротической поэзией Калидасы. В то время девушки были для обоих тайной за семью печатями: хотя учились они вместе, им казалось, что девушки (существа, разумеется, совершенно не похожие на их собственных сестер) - странные, грациозные и неземные создания. Лирические описания «ланит» и «персей» пробудили в них невыразимое томление.

Иногда, как это бывает с друзьями, между ними случались потасовки. В первый раз они всерьез подрались, когда накануне выборов в городе возникла напряженность между индуистами и мусульманами. Гангадьяр тогда подошел к Абдулу во дворе школы и ударил его наотмашь.

- Ты кровожадный мусульманин! - выпалил он, как будто только что это осознал.

- А ты проклятый неверный!

Они начали мутузить друг друга, повалились на землю. В конце концов, наставив друг другу синяков и в кровь разбив губы, они разошлись, бросая яростные взгляды. На следующий день на улице они впервые играли в гулли-данда за разные команды.

Потом они случайно столкнулись в школьной библиотеке. Абдул Карим напрягся, готовый дать сдачи, если Гангадьяр ударит первым. Тот посмотрел на него, словно бы раздумывая о чем-то, а потом несколько смущенно протянул ему книгу.

- Вот. Новая книга. По математике. Я подумал, может, тебе интересно...

Вскоре они уже снова сидели на стене, как обычно. Их дружба пережила даже крупные беспорядки четыре года спустя, когда город превратился в крематорий - горели дома и люди, и невообразимые зверства творились и индуистами, и мусульманами. Какой-то политик с той или другой стороны сделал некое провокационное заявление, которое сам потом не мог припомнить, и разжег костер ненависти. Затем случилась драка на автобусной остановке, полицию обвинили в необоснованной жестокости к одной из сторон, и события вышли из-под контроля. Старшая сестра Абдула Аиша с кузиной были на рынке, когда разразилась самая страшная бойня. В панике они потеряли друг друга; кузина вернулась домой, вся в крови, но живая, а вот Аишу больше никто и никогда не видел.

Семья так и не оправилась от этого удара. Мать Абдула механически выполняла жизненно необходимые действия, но сердце ее было далеко. Отец весь высох, превратился в сморщенную пародию на себя прежнего, полного энергии человека. Через пару лет он умер. Что

касается Абдула, репортажи в новостях об учиненных жестокостях стали пищей для кошмарных снов, в которых он видел, как его сестру избивают, насилуют, разрывают на части снова, и снова, и снова. Когда волнения улеглись, он то полный надежды, то в слепой ярости дни напролет бродил по улицам рынка, пытаясь найти хоть какой-то след Аиши, пусть даже ее труп.

Их отец перестал встречаться с друзьями-индуистами. Единственная причина, по которой Абдул не последовал его примеру, заключалась в том, что родные Гангадьяра во время резни укрыли в своем доме мусульманскую семью и не пустили на порог разъяренных индуистов. Прошло время, рана если и не зажила полностью, то хотя бы стала привычной - и Абдул Карим понемногу вернулся к жизни. Он погрузился в свою любимую математику, отгородившись от всех, кроме родни и Гангадьяра. Мир поступил с ним подло. Он ничего больше ему не должен.

* * *

Арьябхата - учитель, который, достигнув самых дальних берегов и погрузившись в самые глубокие пучины предельного знания математики, кинематики и сферической геометрии, передал эти три науки ученому миру.

Математик Бхаскара об индийском
математике VI века Арьябхата
сто лет спустя

Абдул Карим первым в семье пошел учиться в колледж. По счастливой случайности Гангадьяр поступил в то же учебное заведение на специальность «Индийская литература», в то время как Абдул Карим посвятил себя постижению математических тайн. Его отец смирился с увлечением сына и его явным математическим талантом. Сам Абдул Карим, сияя от похвал преподавателей, решил пойти по стопам Рамануджана. Этому гению-самоучке во сне являлась богиня Намаккал и записывала формулы на его языке (так, во всяком случае, рассказывал сам Рамануджан). Абдул Карим спрашивал себя, не послан ли этот фаришта Аллахом, чтобы благословить его математическим прозрением?

Как раз в это время произошло событие, которое подтвердило его подозрения.

Абдул сидел в библиотеке, решая задачу по дифференциальной геометрии, когда почувствовал на краю поля зрения присутствие фаришты. И как множество раз прежде, он медленно повернул голову,

ожидая, что видение исчезнет.

Вместо этого он увидел темную тень, стоящую перед длинным стеллажом. Она имела размытые, но вполне человеческие очертания. Тень медленно повернулась, и оказалось, что она тонка, как лист бумаги, но при этом на темном стройном силуэте проступили смутные черты. А потом Абдулу показалось, будто в воздухе приоткрылась дверь, всего лишь узкая щель, и за ней ему явилось зрелище невыразимо странного мира. Тень стояла возле двери, подзывая его жестом, но Абдул Карим сидел неподвижно, окаменев от изумления. Не успел он очнуться и встать, как дверь и тень одновременно повернулись вокруг своей оси и исчезли, а он остался сидеть, оставившись на стопку книг на стеллаже.

С этого дня он уже не сомневался в своем предназначении. Ему снились навязчивые сны о странном мире, в который он заглянул одним глазком; каждый раз, ощущая присутствие фаришты, он медленно поворачивал голову в его сторону - и каждый раз тот исчезал. Он говорил себе, что это только вопрос времени, что однажды один из них останется и, возможно, - о, чудо из чудес! - возьмет его с собой в этот иной мир.

А потом внезапно умер отец. Это стало концом научной карьеры Абдула Карима. Ему пришлось вернуться домой, чтобы заботиться о матери, двух оставшихся сестрах и младшем брате. Единственное, чем он способен был заниматься, - преподавание. В конце концов, он устроился на работу в ту самую муниципальную школу, которую сам недавно закончил.

Возвращаясь домой на поезде, он увидел женщину. Поезд остановился на мосту. Внизу сонно извивалась какая-то речушка, золотистая в свете раннего утра, с поднимающимися над водой туманами, а на берегу - женщина с глиняным кувшином. Она зачерпнула воды в реке. Бледное, поношенное сари, намкнув, облепило ее стан, когда она подняла кувшин, поставила его себе на бедро и начала взбираться по склону. В рассветном свете она вся сияла. Туманное видение. Изгиб кувшина возле изгиба бедра. Их взгляды встретились, и он представил, что она увидела в тот миг: безмолвный поезд, юноша с редкой бородкой, смотрящий на нее так, словно она была первой женщиной в мире. Ее глаза глядели на него так доверчиво, словно она была богиней, заглянувшей в его душу. На мгновение между ними не существовало никаких барьеров и границ - ни половых, ни религиозных, ни кастовых, ни классовых. А потом она повернулась и скрылась в бамбуковой рощице.

Он так и не понял, действительно она была там, в этом полумраке, или это только игра воображения, но долгое время она оставалась для него символом чего-то природного. Порой он думал о ней как о Женщине, а порой - как о реке.

Домой он приехал как раз к похоронам. Работа не давала ему скучать и не пускала ростовщика на порог. С упрямым оптимизмом юности Абдул Карим продолжал надеяться, что в один прекрасный день фортуна переменится, он вернется в колледж и получит степень. В то же время он знал: мать хочет, чтобы он нашел себе невесту...

Абдул Карим женился, завел детей. Мало-помалу, за годы стояния перед рядами парт, вечернего репетиторства и откладывания денег из скудного заработка на замужество сестер и прочие расходы, Абдул Карим растерял тот молодой пылкий талант, которым когда-то обладал, а вместе с ним и надежду достичь высот, на которые взбирались Рамануджан, Кантор или Риман. Теперь мысли его текли медленнее. Ум, отягощенный годами забот, изнашивался. Когда умерла жена, а дети выросли и разъехались, постепенно снижающиеся потребности наконец совпали с невысоким доходом, и Абдул Карим обнаружил, что может снова размышлять о математике. Он больше не надеялся озарить научный мир новым открытием, таким как доказательство гипотезы Римана. Эти мечты прошли. Все, на что он рассчитывал, это поймать отблеск света тех, кто ушел вперед, и вновь пережить радость озарения - пусть даже чужого. Так жестоко подшутило над ним время: теперь, когда появилась возможность, он уже утратил способность. Но для истинной увлеченности это не преграда. Теперь, добравшись до осени жизни, к нему будто снова пришла весна и принесла с собой старую любовь.

* * *

*В этом мире, где правят голод и жажда,
Любовь - не единственная истина, есть и другие Правды...*

Сахир Лудхьянви,
индийский поэт (1921-1980)

Бывают моменты, когда Абдул Карим устает думать о математике. В конце концов, он уже немолод. Сидеть во дворе с блокнотом, карандашом и книгами по несколько часов кряду - это не проходит даром. Он встает, ощущая ломоту во всем теле, проверяет, не нужно ли чего матери, а затем идет на кладбище, где похоронена его жена.

Зейнаб, пухлая бледная женщина, едва умела читать и писать, но двигалась по дому с ленивой грацией, а ее добродушный смех колокольчиком звенел во дворе, когда она болтала с прачкой. Она любила поесть - он помнил, как изящные кончики ее пухлых пальцев сжимались вокруг ломтика баранины, захватывая вдобавок несколько зернышек риса с шафраном, и благоговейно отправляли его в рот. Ее

полнота производила впечатление силы, однако на самом деле она не могла противостоять своей свекрови. Смех в ее глазах постепенно погас, когда двое сыновей подросли, и их воспитанием стала заниматься бабушка - в своей части женской половины дома. Сам Абдул Карим был совершенно не в курсе этой молчаливой войны между женой и матерью - он был молод и слишком занят преподаванием математики своим твердолобым ученикам. Он замечал, что бабушка почти все время держит младшего при себе и воркует с ним, а старший сторонится матери, но не видел в этом никакой связи с усиливающейся бледностью жены.

Однажды ночью он позвал ее помассировать ему ноги (так они между собой называли секс) и все не мог дождаться, когда же она придет с женской половины. Ему не терпелось обрести успокоение от ее округлой наготы, мягких, шелковых грудей. А когда она наконец пришла, то упала на колени в изножье кровати, и грудь ее вздымалась от сдавленных рыданий, а руки закрывали лицо. Он стал обнимать ее и спрашивать, что могло так взбудоражить ее спокойный добрый нрав, и тут она совсем пала духом. Никакими ласками и уговорами он не мог заставить ее сказать, что же разбивает ее сердце. В конце концов, вперемежку с рыданиями и всхлипываниями она заявила, что больше всего на свете ей хотелось бы еще одного ребеночка.

Абдул Карим - человек современных взглядов - считал, что двоих детей, к тому же мальчиков, для семьи вполне достаточно. Будучи сам одним из пятерых отпрысков, он знал, что такое бедность и боль, когда приходится отказываться от университетской карьеры, чтобы содержать семью. Он не хотел, чтобы его детям пришлось это испытать. Но когда жена прошептала, что хочет еще одного, он сдался.

Теперь, оглядываясь назад, он корит себя, что не попытался понять истинных причин ее страданий. Беременность была сложной. Его мать почти целиком взяла на себя заботу о мальчиках, пока Зейнаб лежала в кровати на женской половине и от тошноты не могла ничего делать, кроме как тихо плакать и призывать Аллаха на помощь. «Это девочка, - мрачно сказала мать Абдула Карима. - Только от девочки может быть столько проблем». И она взглянула через окно во двор, где когда-то играла и помогала ей развешивать белье ее собственная дочь Аиша, погибшая сестра Абдула.

И это действительно оказалась девочка - она родилась мертвой и унесла с собой свою мать. Их похоронили вместе на маленьком запущенном кладбище, куда Абдул Карим приходит, когда на него нападает тоска. Теперь могильный камень уже покосился, и холмик порос травой. Отец Абдула похоронен здесь же, как и трое других детей, которые умерли, когда ему не было и шести. Только Аиши, пропавшей Аиши, той, что была для него, маленького мальчика, источником ласки - сильные, щедрые руки, тонкие пальцы, пахнущие

хной, гладкая щека, - только ее здесь не было.

На могиле Абдул Карим отдает дань уважения памяти жены, а сердце его щемит при виде того, как разрушается само кладбище. Ему кажется, что если оно окончательно придет в упадок, он позабудет и Зейнаб, и ребенка, и свою вину. Иногда он пытается сам вырвать сорную траву, но его изнеженные, не привыкшие к работе руки ученого очень быстро начинают болеть и кровоточить. Тогда он вздыхает и вспоминает суфийскую поэтессу Джаханару, которая писала несколько веков назад: «И пусть зеленая трава растет над моей могилой!».

* * *

Я часто размышлял о той роли, которую играют в процессе изучения знания или опыт, с одной стороны, и воображение или интуиция - с другой. Полагаю, между ними существует некоторое фундаментальное противоречие, и знание, поборник осторожности, склонно сдерживать полет воображения. А потому некоторая наивность, не отягощенная традиционной мудростью, порой может быть ценным качеством.

Хариш-Чандра,
индийский математик (1923-1983)

Гангадьяр, школьный друг Абдула Карима, недолгое время был учителем индийской литературы в школе, а теперь он член академии в Амравати и пишет стихи в свободное время. Он единственный человек, которому Абдул Карим может доверить свою тайную страсть.

Со временем его тоже захватывает идея бесконечности. Пока Абдул Карим корпит над Кантором и Риманом, пытаясь понять теорему простых чисел, Гангадьяр роется в библиотеке и выискивает сокровища там. Каждую неделю, когда Абдул Карим проходит пешком две мили до дома друга, и слуга провожает его в уютную гостиную с изящной, хотя и постаревшей мебелью красного дерева, они делятся друг с другом своими находками за чашечкой кардамонового чая и шахматной доской. Гангадьяр не разбирается в высшей математике, но он умеет сочувствовать страданиям охотника за знаниями и понимает, каково это - биться головой о стену неведомого и вспыхивать светом прозрения. Он откапывает цитаты из Арьябхаты и Аль-Хорезми и рассказывает своему другу что-нибудь вроде такого:

- Знаешь ли ты, Абдул, что греки и римляне не принимали идею бесконечности? Аристотель возражал против нее и предлагал ограниченную модель Вселенной. Из всех древних греков один только Архимед осмелился сделать попытку измерить эту вершину. Он

пришел к пониманию того, что различные бесконечные количества можно сравнивать, что одна бесконечность может быть больше или меньше, чем другая.

Или в другой раз:

- Один французский математик, Жак Адамар... тот, что доказал теорему простых чисел, которая вводит тебя в такой экстаз... Так вот, он говорит, что есть четыре ступени математического открытия. Как, впрочем, и в творчестве художника или поэта, если разобраться. Первая ступень - изучить то, что уже известно. Вторая - дать этим идеям вылежаться в голове, по типу того, как поле восстанавливается между посевами. Затем, если повезет - вспышка озарения, все проясняющий момент, когда ты открываешь что-то новое и нутром чувствуешь, что это так и есть. Конечная стадия - проверка, когда это прозрение испытывается на прочность математическим доказательством...

Абдул Карим чувствует, что если он сможет пройти хотя бы две первые стадии по Адамару, то, быть может, Аллах вознаградит его вспышкой озарения. А может, и нет. Если у него и были когда-то надежды стать новым Рамануджаном, то они уже в прошлом. Однако какой истинный влюбленный повернет назад у дверей дома возлюбленной, даже зная, что его не пустят на порог?

- Что меня беспокоит, - говорит он Гангадьяру во время одной из таких дискуссий, - что всегда меня беспокоило, так это теорема неполноты Гёделя. Согласно этой теореме, существуют утверждения, которые невозможно доказать математически. Он показал, что канторовская континуум-гипотеза - одно из таких утверждений. Бедняга Кантор, он лишился рассудка, пытаюсь доказать то, что в принципе не может быть доказано или опровергнуто! Что если все недоказанные идеи, касающиеся простых чисел и бесконечности - именно такие? Если их нельзя проверить инструментами математической логики, то как мы вообще узнаем, правдивы они или нет?

Это действительно не дает ему покоя. Он изучает доказательство теоремы Гёделя, стараясь понять ее. Гангадьяр его подбадривает:

- Знаешь, в старых сказках каждое великое сокровище охраняется монстром соответствующих размеров. Возможно, теорема Гёделя и есть такой джинн, который охраняет искомую тобой истину. И может, вместо того чтобы сражаться, тебе стоит подружиться с ней?

После своих изысканий, после разговоров с Гангадьяром Абдул Карим вновь начинает считать своими настоящими друзьями Архимеда, Аль-Хорезми, Хайяма, Арьябхату, Баскара, Римана, Кантора, Гаусса, Рамануджана и Харди.

Вот те, перед которыми он всего лишь жалкий ученик, подмастерье, идущий по их стопам вверх по склону. Но подъем труден. В конце концов, он уже немолод. Порой он дает себе слово оставить свои

математические мечты и посвятить себя уходу за матерью, которая слабеет с каждым днем. Да и Гангадьяр убеждает его: «Ну нельзя же быть таким одержимым! Ты что, хочешь повторить судьбу Кантора или Гёделя? Береги свой рассудок, друг мой. У тебя есть обязательства перед матерью, перед обществом».

Абдул Карим не в силах объяснить этого Гангадьяру, но математика звучит у него в голове. Он думает ее понятиями.

Предел функции $f(N)$, если N стремится к бесконечности... Множество вопросов, которые он задает самому себе, начинаются именно так. Функция $f(N)$ может быть и элементарной арифметической функцией, и числом вкладывающихся друг в друга матрешек вещества, и протяженностью Вселенной. Она может быть абстрактной, как параметр математического пространства, или приземленной, как ветвящиеся морщинки на лице его матери, которая все стареет и стареет на мощеном дворе возле дома под сливовыми деревьями. Старееет, но не умирает, словно собирается стать живым воплощением парадокса Зенона.

Абдул Карим любит свою мать так же, как любит сливовое дерево: за то, что они есть, за то, каким они сделали его самого, за их кров и защиту.

Предел... если N стремится к бесконечности...

Так начинается множество теорем исчисления. Интересно, думает Абдул Карим, каким видом исчисления можно описать медленную кривую умирания матери? Что если жизни не требовалось бы минимального порога условий, что если бы смерть была всего лишь пределом некоей функции $f(N)$, когда N стремится к бесконечности?

* * *

*Мир, где жизнь человека - лишь пешка,
Мир, полный смертепоклонников,
Где смерть дешевле жизни...
Это не мой мир...*

Сахир Лудхьянви,
индийский поэт (1921-1980)

Пока Абдул Карим возится со своими бесконечностями, как и многие обманутые глупцы и гении до него, мир меняется.

Он лишь смутно представляет себе, что происходит в мире, где люди живут и умирают, где на улицах случаются беспорядки, а нынешнее лето бьет все температурные рекорды, и уже тысячи людей в Северной Индии погибли от невиданной жары. Еще он знает, что

Смерть уже стоит за спиной его матери, и он делает для нее все, что может. И хотя он не всегда соблюдал пять дневных молитв, теперь совершает намаз вместе с ней. Она уже понемногу переселяется в другую страну - в край ушедших времен, где все перемешано, и она то зовет Аишу, то беседует с давным-давно умершим мужем. С ее трясущихся губ слетают обрывки разговоров из детства. А в редкие минуты просветления она призывает Аллаха поскорее забрать ее к себе.

Абдул Карим - заботливый сын, и все же он рад возможности раз в неделю выбраться к Гангадьяру, чтобы поиграть в шахматы и просто поболтать. За матерью в это время присматривает соседка. Вздохнув разок-другой, он пробирается по знакомым с детства переулкам, и его туфли поднимают пыль под старыми джамунами, на которые он взбирался мальчишкой. Здоровается с соседями: старым Амин-хан-сахибом, сидящим с кальяном на своей чарпай^{*7}; с близнецами Али, мальчишками-сорванцами, которые гоняют палочкой обод от велосипедного колеса; с Имраном, продающим бетель в лавке. С некоторым волнением он пересекает переполненную торговую улицу, проходит мимо выцветшей вывески «Муншилал и сыновья», мимо рикши, стоящего в другом тихом переулке под сенью жакаранды. Дом Гангадьяра - скромное бунгало, когда-то белое, но превращенное муссонами в неопределенно-серое. Скрип деревянной калитки так же знаком, как приветствие Гангадьяра.

Но приходит день, когда они не играют в шахматы.

Мальчик-слуга - не сам Гангадьяр - провожает его в знакомую гостиную. Усаживаясь в привычное кресло, Абдул Карим замечает, что шахматной доски нигде не видно. Из внутренних комнат доносятся какие-то звуки: женские голоса, скрежет передвигаемой мебели.

В комнату входит пожилой человек и вдруг останавливается как вкопанный. Лицо его смутно знакомо - позже Абдул Карим вспоминает, что это какой-то родственник жены Гангадьяра, кажется дядя, и он живет на другом конце города. Они встречались пару раз на семейных торжествах.

- Что вы здесь делаете? - говорит мужчина, не слишком церемонясь. Он совсем седой, но двигается весьма энергично.

Озадаченный и немного обиженный Абдул Карим отвечает:

- Пришел сыграть в шахматы с Гангадьяром. Он дома?

- Сегодня шахмат не будет. Неужели вам мало того, что вы сделали? Вы хотите еще посмеяться над нашим горем? Послушайте, что я вам скажу...

- Что случилось? - Негодование Абдула Карима отступает перед дурными предчувствиями. - О чем вы? С Гангадьяром все в порядке?

⁷ * *Кровать (хинди).*

- Может, вы не в курсе, - угрюмо отвечает тот, - но вчера вечером кто-то из ваших поджег автобус на улице Пахария. В нем было десять человек, все индуисты, они возвращались с семейной церемонии в храме. И все они погибли ужасной смертью. Говорят, что это дело рук ваших фанатиков. Даже детей из автобуса не выпустили. Теперь весь город в панике. Кто знает, что еще может случиться? Мы с Гангадьяром перевозим его семью в более безопасное место.

Глаза Абдула Карима остекленели от ужаса. Он не в силах вымолвить ни слова.

- Сотни лет мы относились к вам по-человечески. И даже когда вы, исламисты, веками нападали на нас и грабили, мы позволяли вам строить свои мечети и поклоняться своему богу. И вот она, ваша благодарность!

За один миг Абдул Карим превратился для них в «исламиста»... Он хочет сказать, что и пальцем не тронул тех людей... Не его руки разжигали огонь... Но слова застревают у него в горле.

- Вы хотя бы можете это представить, господин учитель? Видите языки пламени? Слышите крики несчастных? Они никогда уже не вернуться домой...

- Да, я могу представить, - мрачно отвечает Абдул Карим. Он встает с кресла, но тут в комнату входит Гангадьяр. Он, конечно же, слышал часть их разговора, потому что обнимает Абдула Карима за плечи, словно бы признавая в нем своего. Ведь это Абдул Карим, его друг, чья сестра много лет назад тоже не вернулась домой...

Гангадьяр оборачивается к родственнику жены:

- Дядя, прошу вас, Абдул Карим вовсе не такой, как те мерзавцы. Добрее него я в жизни никого не встречал! К тому же еще неизвестно, кто эти подонки, хоть в городе и говорят всякое... Абдул, сядь, пожалуйста. Какие же времена настали, что мы говорим друг другу такие вещи! Увы... Поистине, нас поглотила Кали-юга^{*8}...

Абдул Карим снова садится, но его всего трясет. Мысли о математике улетучились из головы. Его переполняет отвращение к варварам, сотворившим такое зверство, ко всему человеческому роду. Что за подлое племя! Вооружиться именем Рамы, Аллаха или Иисуса и под этим прикрытием жечь и крушить все вокруг - вот что такое вся наша история.

Дядя, покачав головой, выходит из комнаты. Гангадьяр рассказывает, извиняясь за своего родственника:

- Это ведь вопрос политических манипуляций. Английские колонисты искали наши слабости и использовали их в своих целях, натравливая нас друг на друга. Открыть ворота в ад легко - куда сложнее их

⁸ * *Кали-юга* - в индуизме последняя эра, после которой начинается обновление времени. Характеризуется падением нравственности.

закрывать. Все эти годы, до появления англичан, мы жили в мире. Почему мы не можем закрыть ту дверь вражды, которую они открыли? В конце концов, разве какая-нибудь религия велит нам убивать своих соседей?

- Какая разница? - с горечью отвечает Абдул Карим. - Люди в принципе создания скверные, мой друг. Мы, мусульмане, обращаем свои молитвы к Аллаху Милосердному. Вы, индуисты, говорите: «Иша васьям идам сарвам» - Бог пронизывает всё. Христиане: подставь другую щеку. И все же у каждого руки в крови. Мы извращаем сущее - берем слова мира, сказанные пророками и святыми, и превращаем их в оружие, чтобы убивать друг друга!

Его бьет дрожь, и он едва может говорить.

- Только в математике... В одной математике я вижу Аллаха...

- Ну, успокойся, - говорит Гангадьяр. Он зовет слугу, чтобы тот принес воды господину учителю. Абдул Карим пьет и вытирает губы ладонью. Из дома выносят чемоданы. Такси уже ждет у входа.

- Послушай, мой друг, - говорит Гангадьяр, - в городе сейчас небезопасно. Отправляйся-ка ты домой, запри двери и будь рядом с матерью. Сейчас я перевожу свое семейство, а через день-другой присоединюсь к ним сам. Когда это безумие закончится, я вернусь и отыщу тебя.

Абдул Карим идет домой. Пока что все выглядит как обычно - ветер метет мусор по улицам, лавка Имрана открыта, на автобусной остановке толпится народ. Потом он замечает, что на улице совсем не видно детей, хотя сейчас время летних каникул.

На овощном рынке не протолкнуться. Люди, как одержимые, скупают все подряд. Абдул Карим покупает немного картошки, лук, большую тыкву и идет домой. Войдя, запирает дверь. Его мать, которая уже не в состоянии готовить, смотрит, как это делает сын. Поев и уложив мать в постель, он идет в свой кабинет и открывает книгу по математике.

Проходит день, может, два - Абдул Карим их не считает. Он по-прежнему ухаживает за матерью, но частенько забывает поесть. Его мать все больше и больше живет в другом мире. Сестры и брат Абдула звонят из других городов, встревоженные новостями по телевизору. Он говорит им, что беспокоиться не о чем. Когда все вернется в норму, они смогут приехать и навестить их с матерью.

* * *

*Как удивительна Тайна Вселенной,
Которую может познать лишь истинно Любящий!*

Буллех-Шах,

пенджабский поэт XVIII века

Логика лишь одобряет достижения интуиции.

Жак Адамар,
французский математик (1865-1963)

Однажды утром он выходит из полумрака своего кабинета на залитый солнцем двор. Город вокруг полыхает огнем и корчится от боли, но Абдул Карим не видит и не слышит ничего, кроме математики. Он садится в старое плетеное кресло, поднимает лежащий на земле прутик и начинает чертить на земле математические символы.

На краю поля зрения появляется фаришта.

Абдул Карим медленно поворачивается. Темная тень по-прежнему на месте, словно чего-то ждет. На этот раз Абдул Карим быстро вскакивает на ноги, не обращая внимания на укол боли в колене. Он идет к двери, протянув вперед руку, и проходит ее насквозь.

На мгновение он резко теряет ориентацию в пространстве - как будто его вкручивают в этот скрытый мир сквозь другие измерения. Потом тьма перед глазами рассеивается, и его глазам предстают чудеса.

Вокруг тишина. Перед ним огромная равнина и небо, ни на что не похожее. Пейзаж усеян темными пирамидальными фигурами - гигантскими памятниками чему-то за пределами понимания. В бледно-оранжевом небе, где нет солнца, лишь рассеянное свечение, висит какой-то громадный многогранный предмет. Абдул Карим опускает взгляд вниз, на свои ноги, по-прежнему обутые в старые, стоптанные сандалии, и видит, что вокруг, в песке, копошатся и извиваются крошечные рыбообразные существа. Немного «песка» просочилось между пальцами: он теплый и похож скорее на резину, чем на песок. Абдул Карим делает глубокий вдох и ощущает странный запах - что-то вроде жженой резины, смешанной с запахом пота. Тень, которая обрела наконец плотность, стоит рядом и выглядит почти по-человечески - за исключением шеи, которая отсутствует совсем, и излишка конечностей: их число, кажется, постоянно меняется - сейчас, например, Абдул Карим насчитал пять.

Темное отверстие (рот?) открывается и закрывается, но оттуда не вылетает ни звука. Вместо этого Абдул чувствует, словно в его мозг положили какую-то мысль - как будто посылку, которую нужно будет открыть позже.

Вместе с тенью он идет по песку к берегу спокойного моря. Вода (если это, конечно, вода) слегка пенится и бурлит, а в глубине движутся призрачные силуэты и видны очертания какого-то сооружения. Сложные узоры складываются, рассыпаются и образуются снова. Абдул Карим облизывает пересохшие губы: на них вкус железа и соли.

Он смотрит на своего провожатого, который велит ему остановиться. Открывается еще одна дверь. Они проходят сквозь нее и оказываются в новом мире.

Здесь все по-другому. Сплошной свет и воздух, и все пространство пронизано огромной прозрачной паутиной. Каждая нить этой паутины - полая трубка, в которой текут жидкие существа. Создания поменьше и более плотные плывут в пустоте между нитями паутины.

Лишившись дара речи, он протянул руку к переплетению нитей. Их тонкость напомнила ему филигрань серебряных браслетов, которые его жена носила на щиколотках. К несказанному удивлению Абдула, крошечное существо, плывшее внутри соломинки, остановилось. Оно похоже на пузатую водянистую запяную, полупрозрачную и без каких-либо отличительных черт, и все же он точно знает, что на него смотрят, изучают и испытывают удивление.

Нить паутины касается его пальцев, и он ощущает ее прохладную, неземную гладкость.

И снова открывается дверь. И снова они входят в нее.

От этого безумного путешествия голова идет кругом. Порой перед Абдулом Каримом мелькают пейзажи его собственного мира - деревья и улицы, далекие голубые холмы. По некоторым признакам можно понять, что эти кадры принадлежат разным временным точкам: в одной он видит армию солдат с сияющими на солнце шлемами и догадывается, что оказался в эпохе Римской империи. В другой раз ему кажется, что он снова дома, потому что перед ним его собственный двор. Но в плетеном кресле сидит какой-то старик и задумчиво водит по земле прутиком. На двор падает чья-то тень. Кто-то невидимый прячется за спиной старика. Неужели это нож блеснул в руке незнакомца? Что он сейчас видит? Абдул Карим пытается крикнуть, но из его рта не вылетает ни звука. Видение меркнет - отворяется дверь, и они в нее входят.

Абдула бьет дрожь. Похоже, он только что видел собственную смерть.

Он вспоминает, что так когда-то умер Архимед - чертил на земле круги, поглощенный какой-то геометрической проблемой, когда солдат-варвар подкрался сзади и зарезал его.

Но сейчас нет времени на раздумья. Абдул Карим заблудился в карусели вселенных, странных и непохожих друг на друга. Фаришта мельком показывает ему так много миров, что он уже давно сбился со счета. Он отбрасывает мысли о смерти и целиком отдается удивлению.

Его проводник открывает одну дверь за другой. По его лицу, на котором нет ничего, кроме одного-единственного отверстия, невозможно понять, о чем он думает. Абдулу хочется спросить: кто ты? И зачем ты это делаешь? Он, разумеется, знает старинную историю о том, как однажды ночью архангел Гавриил явился Пророку Магомету и

взял его с собой в божественное путешествие по небесам. Однако какое дело архангелу Гавриилу до скромного учителя математики из провинциального городка, когда тот и в своем-то мире ничего не значит?

И все же он здесь. Быть может, Аллах хочет что-то сообщить ему - в конце концов, пути Его неисповедимы. И по мере того как чудеса предстают перед ним одно за другим, сердце Абдула Карима наполняется ликованием.

Наконец в одной из вселенных они останавливаются и повисают прямо посреди желтого неба. Испытав головокружительное отсутствие гравитации с приступом внезапной тошноты в придачу (которая, впрочем, быстро проходит), Абдул Карим поворачивается в воздухе и замечает, что небо не однородно, а словно покрыто тончайшей мозаикой: геометрические формы переплетаются и смешиваются, образуя новые. Цвета тоже меняются - от желтого до зеленого, лилового, пурпурного. Ему вдруг кажется, что в небе один за другим открылись тысячи глаз, и, поворачиваясь, он видит, как мелькают перед ним все другие вселенные. Настоящий калейдоскоп, только невообразимо огромный. И он - в самом центре, в пространстве между пространствами, а в теле ощущается низкая, неровная дрожь, похожая на барабанную дробь. Бум, бум - бьет барабан. Бум, бум, бум. Постепенно становится ясно: всё, что он сейчас видит и чувствует, - есть часть какого-то гигантского узора.

Тут-то Абдула Карима и настигло то самое озарение, которого он ждал всю жизнь.

Он столько бился с трансцендентными числами, пытаясь понять идеи Кантора, в то же время представления Римана о простых числах тоже его увлекали. Порой на досуге он размышлял о том, не связаны ли они на каком-то глубинном уровне. Несмотря на их явную случайность, в простых числах есть своя закономерность, на что намекает недоказанная гипотеза Римана. И вот теперь он наконец видит: если представить простые числа как территорию огромной страны и взглянуть на эту реальность в двухмерном срезе, который пересекает эту территорию на некоторой высоте над поверхностью и под углом, то, разумеется, увиденное будет казаться случайным. Вершины холмов, обрывки долин... Ведь наблюдать можно будет только ту часть местности, которая попала в этот срез. И куда мы не сможем увидеть весь пейзаж целиком в многомерном великолепии, его топография будет казаться бессмысленной.

Вот оно: голые кости творения, здесь, в месте, откуда берут начало все ответвления вселенных, где бьется сердце метакосмоса. На этих строительных лесах структура скелета мультиверса очевидна и великолепна. Вот та гигантская топография, частичка которой мелькнула перед Кантором. Озарение вспыхивает в мозгу Абдула

Карима так ясно, словно сам метакосмос говорит с ним. Он видит, что из всех трансцендентных чисел лишь некоторые (по-прежнему бесконечное количество, но не все) обозначены как ворота в другие миры, и на каждом стоит простое число. Да. Да... Но почему именно так? Какая в этом отражается глубинная симметрия? Какая закономерность Природы, о которой не подозревают физики нашего мира? Неизвестно.

Место обитания простых чисел, топология бесконечных вселенных - в этот миг он видит их собственными глазами. Никакая элементарная функция из тех, что известны человеку, не может охватить этот простор, эту неисчерпаемую красоту. Абдул Карим понимает, что никогда не сможет описать все это привычными математическими знаками. Убедившись в правильности гипотезы Римана, вытекающей из этой огромной сияющей реальности, он не сможет доказать ее обычным способом. Ни один человеческий язык на свете, математический или какой-то другой, не в силах описать то, что для него теперь ясно как день. А может быть, именно он, Абдул Карим, положит начало такому языку? Ведь перевел же великий поэт Икбал небесное путешествие Пророка, чтобы дать людям понять - небеса достижимы!

Поворот - и дверь открывается снова. Он ступает на двор собственного дома. Оборачивается, но позади никого нет. Фаришта исчез.

Абдул Карим возводит глаза к небу. Там несутся темные дождевые тучи, ветви сливового дерева танцуют на ветру. Гул ветра заглушает звуки, доносящиеся из разоренного города. Через стену перелетает красный цветок и опускается прямо у ног Абдула Карима.

Ветер отбрасывает волосы с лица, и его наполняет невыразимый экстаз. Он чувствует на себе дыхание Аллаха.

Он говорит ветру:

- Господь милосердный и всемогущий, я благоговейно стою перед твоей чудесной Вселенной. Помоги мне, слабому смертному, поднять мой взор над низкой мелочностью повседневности, над сварами и ссорами подлого человечества... Помоги мне увидеть красоту твоих творений, от пышного цветка красной сейбы до изысканного математического изящества, с которым ты создал бесчисленные миры на пространстве меньше человеческого шага. Теперь я знаю мое истинное предназначение в этом печальном мире - стоять в покорном благоговении перед твоим величием и петь хвалебные гимны тебе с каждым моим вздохом...

Он слабеет от счастья. Листья кружатся по двору, как безумные дервиши; редкие капли дождя стирают уравнение, нацарапанное им на земле. Он давным-давно упустил свой шанс стать гением математики; он никто, всего-навсего школьный учитель, он ничтожнее клерка в

какой-нибудь конторе - и все же Аллах ниспослал ему это великое прозрение. Возможно, теперь он достоин упоминания рядом с Рамануджаном и Архимедом и всеми, кто был между ними. Но единственное, чего ему сейчас хочется, это выбежать на улицу и кричать на весь город: смотрите, друзья, откройте глаза и узрейте то, что узрел я! Впрочем, он понимает, что его сочтут ненормальным; только Гангадьяр поймет... если не математику, то по крайней мере его порыв, всю важность этого открытия.

Он выскакивает из дома прямо на улицу.

* * *

*Это мутное зарево... этот ужаленный ночью рассвет
Не тот рассвет, которого мы ждали...*

Фаиз Ахмед Фаиз,
пакистанский поэт (1911-1984)

*Где все разрушено,
Где страждет каждая душа, где каждый взгляд
Смятенья полон, и сердце каждое
Печалью отягощено...
Что это - мир или хаос?*

Сахир Лудхьянви,
индийский поэт (1921-1980)

Но что это?

Улица пуста. Повсюду валяются разбитые бутылки. Окна и двери соседних домов затворены ставнями и заперты, словно закрытые глаза. Сквозь шум дождя слышатся отдаленные крики. Откуда этот запах дыма?

Только теперь Абдул Карим вспоминает о том, что он услышал в доме Гангадьяра. Заперев за собой дверь, он пускается бежать с такой скоростью, на которую только способны стариковские ноги.

Рынок охвачен огнем. Над разгромленными прилавками вьется дым, и это несмотря на проливной дождь. На тротуаре - битые стекла, посреди дороги лежит деревянная кукла без головы. Повсюду валяются мокрые листки бумаги, исписанные аккуратными колонками цифр - остатки гроссбуха.

Абдул Карим торопится пересечь улицу.

Дом Гангадьяра разрушен. Абдул Карим входит в открытую дверь, невидящими глазами смотрит на почерневшие стены. Мебели почти не

осталось. Только шахматный столик стоит нетронутый в центре гостиной.

Абдул Карим в отчаянии обыскивает дом, впервые в жизни заходя во внутренние комнаты. Везде пусто, даже шторы сорваны с окон.

И ни души.

Он выбегает из дома. Семья жены Гангадьяра - он даже не знает их адреса. Как узнать, жив ли он?

В соседнем доме живет семья мусульман, с которыми Абдул Карим знаком лишь по встречам в мечети. Он барабанит в дверь. За ней слышится какое-то движение, в окне второго этажа шевелится занавеска - но никто не спешит ответить на его отчаянные мольбы. Наконец, совершенно потерянный, с израненными кулаками, он медленно поворачивает к дому, с ужасом озираясь по сторонам. Неужели это его город, его мир?

Аллах, Аллах! Почему ты покинул меня?

Он созерцал сияющее мастерство Аллаха. Но зачем? Неужели все эти другие миры, другие вселенные были всего лишь сном?

Дождь припускает еще сильнее.

В канаве лицом вниз лежит человек. От дождя рубашка на спине намочена и по ней течет кровь. Абдул Карим подходит ближе, чтобы понять, жив он или мертв - это юноша, со спины похож на Рамдаса или Имрана, - и тут замечает сзади, в начале улицы, группу молодых людей. Быть может, там кто-то из его учеников - они могут помочь.

Они двигаются с пугающей уверенностью хищников. Теперь он замечает в их руках дубинки и камни.

Они надвигаются, словно цунами, словно удар грома, оставляя позади смерть и разрушение. Сквозь шум дождя слышны их выкрики.

Мужество покидает Абдула Карима. Он бежит к дому, заскакивает внутрь, запирает дверь на засов и закрывает ставни. Потом заходит к матери - она спит. Телефон не работает. Чечевичная похлебка на плите вся выкипела. Он выключает газ, снова идет к двери и прикладывает к ней ухо. Выглянуть из окна он не решается.

Слышно, как мимо пробегают те парни, которых он видел. Абдул Карим парализован страхом. Замерев, он пытается расслышать что-нибудь сквозь барабанную дробь дождя. Там, по ту сторону двери, кто-то стонет.

Абдул Карим открывает дверь. Улица пуста, только дождь льет как из ведра. А у его ног лежит тело молодой женщины.

Она открывает глаза. Ее одежда изорвана, длинные пряди волос, мокрые от дождя и крови, липнут к шее и плечам. Шаровары в крови, сотни ран и ушибов сочатся кровью по всему ее телу. Ее взгляд становится осмысленным.

- Господин учитель...

Абдул Карим в растерянности. Неужели они знакомы? Может, она

когда-то у него училась?

Он быстрее втаскивает ее в дом и запирает дверь. Затем с некоторым трудом осторожно переносит на диван в гостиной, заливая пол ее кровью. Она кашляет.

- Дитя мое, кто это сделал? Подожди, я сейчас приведу врача...

- Не надо, - говорит она. - Слишком поздно.

Она хрипло дышит и кашляет снова. Темные глаза наполняются слезами.

- Господин учитель, прошу вас, позвольте мне умереть! Мой муж... и сын... Они не должны видеть меня такой. Им будет больно. Они захотят отомстить... Пожалуйста... перережьте мне вены...

Она поднимает запястья к его испуганному лицу, но он способен лишь сжать их своими трясущимися пальцами.

- Доченька, - говорит он и сам не знает, что ей сказать. Где сейчас в этом хаосе отыскать врача? Сумеет ли он сам перевязать ее раны? И пока он судорожно об этом думает, жизнь уходит из нее прямо на глазах. На диване уже целая лужа крови, она каплями стекает на пол. Похоже, резать ей вены уже не понадобится.

- Скажи, кто эти нелюди, кто это сделал?

- Не знаю, - шепчет она. - Я только на минуточку вышла из дома. Мои родные... не говорите им, господин учитель! Когда я умру, скажите им просто... что это случилось в тихом, спокойном месте...

- Дочка, как зовут твоего мужа?

Ее глаза вдруг широко распахиваются. Она смотрит на него и не видит, словно она уже там, в другом мире.

Он даже не знает, мусульманка она или индуистка. Если на лбу у нее и была красная точка, то ее давным-давно смыло дождем.

На пороге гостиной стоит его мать. С громким воплем она вдруг кидается к умирающей.

- Аиша! Аиша, жизнь моя!

По лицу Абдула Карима текут слезы. Он пытается образумить ее, говорит, что это не Аиша, просто какая-то женщина, чье тело стало полем битвы для мужчин. В конце концов ему приходится просто взять старушку на руки, - она стала такой хрупкой, что он боится ее сломать - и осторожно отнести в постель, где она, свернувшись клубочком, всхлипывает и все зовет Аишу.

Когда он возвращается в гостиную, взгляд умирающей снова обращается к нему. Ее голос чуть громче шепота.

- Господин учитель, перережьте мне вены... Умоляю вас, именем Аллаха! Дайте мне умереть...

Затем ее глаза заволакивает пелена, и тело, вытянувшись, замирает.

В эту минуту время для Абдула Карима останавливается.

Потом он чувствует что-то знакомое и медленно поворачивается. Фаришта ждет.

Абдул Карим берет женщину на руки, неловко прикрыв ее полуобнаженное тело диванным покрывалом. В воздухе открывается дверь. Чуть покачнувшись от боли в коленях, он проходит сквозь дверь.

Миновав три вселенные, он находит подходящее место. Здесь спокойно. Посреди бескрайнего бирюзового моря песка возвышается скала. Голубой песок плещется о камень с тихим убаюкивающим шипением. В высоком ясном небе какие-то крылатые создания перекрикиваются друг с другом среди бесконечных лучей света. Абдул Карим жмурится от яркого света.

Он закрывает несчастной глаза и закапывает ее у подножия скалы в голубой текучий песок. Закончив, он стоит в изнеможении, тяжело дыша, с израненными руками, и думает о том, что надо бы что-то сказать. Вот только что? Он даже не знает ее веры. Как она называла бога, когда говорила? Аллах, или Ишвара, или как-то еще?

Абдул Карим пытается припомнить, но тщетно. Наконец, он читает «Аль-Фатиха»^{*9}, а затем, немного запинаясь, вспоминает то небольшое, что знает из индуистских священных текстов. Под конец он произносит: «Иша Васьям Идам Сарвам»^{**10}. Слезы стекают по его щекам в голубой песок и исчезают, не оставив и следа. Фаришта ждет.

- Ну почему ты не сделал хоть что-нибудь! - набрасывается на него Абдул Карим. Он с рыданиями падает на колени в голубой песок. - Почему, если ты и правда фаришта, почему ты не спас мою сестру?

Только теперь он вдруг понимает, каким же он был идиотом: это призрачное создание вовсе не ангел, а он, Абдул Карим, совсем не пророк. Он плачет об Аише, и об этой безымянной женщине, и о том, чье тело он видел в канаве, и о своем пропавшем друге Гангадьере.

Тень наклоняется к нему. Абдул Карим встает, еще раз окидывает взглядом все вокруг и шагает в распахнутую дверь.

Он у себя дома, в гостиной. Первое, что он обнаруживает, - его мать умерла. Она лежит в своей постели, с вполне умиротворенным видом, и белые волосы разметались по подушке. Лицо ее так спокойно, что может показаться, будто она крепко спит.

Абдул долго стоит у ее постели, не в силах больше плакать. Снимает телефонную трубку - гудка по-прежнему нет. После этого он принимается за уборку - моет пол в гостиной, убирает подушки и плед с дивана. Позже, когда кончится дождь, надо будет сжечь все это во дворе. Еще один костер в горящем городе - кто обратит на него внимание?

Когда все вымыто и вычищено, он ложится возле матери, словно маленький, и засыпает.

⁹ * «Аль-Фатиха» - первая сура Корана, наиболее часто читаемая среди мусульман.

¹⁰ ** «Все принадлежит Богу».

* * *

*Покинул ты меня, о брат мой, и забрал
С собою книгу всей моей жизни...*

Фаиз Ахмед Фаиз,
пакистанский поэт (1911-1984)

Солнце вышло из-за туч. В городе воцарился неустойчивый мир. Похороны матери прошли. Родственники приехали и снова уехали: приезжал младший сын Абдула Карима, но надолго не остался. Старший прислал из Америки открытку с соболезнованиями.

Дом Гангадьяра по-прежнему пуст и разрушен. Всякий раз, когда Абдул Карим отваживался выйти из дома, он старался разузнать о судьбе друга. Последнее, что он слышал: будто Гангадьяр был дома один, когда ворвалась толпа, и соседи-мусульмане прятали его у себя, пока он не смог присоединиться к жене и детям. Но это было так давно, что Абдул Карим уже не верит ничему. Говорили и другое: будто Гангадьяра вытащили из дома, разорвали на куски и сожгли.

В городе стало спокойнее, когда все же вызвали правительственные войска, но он все еще полон слухами. Сотни людей пропали без вести. Группы защиты гражданских прав прочесывают город, расспрашивают людей и короткими яростными заявлениями в газетах разоблачают нерадивость правительства и сговор полиции. Заходили и к нему домой - очень чистые, очень молодые люди, пылающие идеализмом, который хотя и не ко времени, но все равно приятно видеть. Он ничего не сказал им о той молодой женщине, что умерла у него на руках, но каждый день он молится о ее осиротевшей семье.

Абдул Карим перестал обращать внимание на тень за своим плечом. Но он уже знает, что ощущение предательства со временем пройдет. В конце концов, кто виноват, что он решил, будто существа, которых он когда-то назвал «фаришта», обладают ангельскими способностями? И даже ангелы - разве могут они спасти людей от них самих?

Эти создания смотрят на нас с детским любопытством, думает Абдул Карим, но не понимают. Точно так же, как их миры непостижимы для меня, так и наш мир - для них. Они - не любимцы Аллаха.

То место, где разветвляются вселенные, сердце метакосмоса, теперь кажется ему далеким, словно сон. Ему стыдно за свое бывшее высокомерие. Разве можно познать замысел Аллаха с одного взгляда?! Ограниченному разуму не под силу за одну жалкую жизнь действительно понять грандиозность и величие его творения. Все, что мы можем - это обнаружить кусочек истины здесь, кусочек там и

воспеть ему хвалу.

Но в душе Абдула Карима столько боли, что он не может и думать о том, чтобы написать хоть один слог нового языка бесконечности. Ужасы, которым он стал свидетелем, преследуют его во сне. Ему снятся мать и та девушка, что умерла у него на руках. Он не может даже молиться. Словно Аллах покинул его.

Ежедневные рутинные дела - проснуться, совершить омовение, поставить на газовую плиту чайничек, чтобы вскипятить воды на одну чашку чая и выпить ее в одиночестве - как это невыносимо! Продолжать жить, когда столько людей вокруг умерли - жить без матери, без детей, без Гангадьяра... Все стало каким-то странно далеким: его стареющее лицо в зеркале, старый дом, даже сливовые деревья во дворе. Знакомые с детства улочки хранят воспоминания, которые, кажется, больше не принадлежат ему. В домах соседей траур: старый Амин-хан-сахиб оплакивает внука; погиб Рамдас, погиб Имран. Ветер до сих пор еще гоняет пепел с пожарищ. Он находит горстки пепла повсюду - в трещинах цемента во дворе, между корнями деревьев на улице. Он буквально дышит смертью. Разве может исцелиться сердце в мире, измученном болью? В этом мире нет места для таких, как он. Нет места для пахнущих хной рук, качающих сонного ребенка, для рук старухи, ухаживающей за садом. И совсем нет места для строгой красоты математики.

Он думает обо всем этом, когда на землю впереди падает чья-то тень. Он сидит во дворе, вяло царапая математические выражения прутиком на пыльном дворе. Он не знает, в чьей руке зажат нож - его сына или религиозного фанатика, - но чувствует, что готов к смерти. Создания, так долго за ним наблюдавшие, увидят ее - и удивятся. Их непонимающее присутствие как-то успокаивает.

Он оборачивается и встает. Перед ним Гангадьяр, его друг, широко раскинувший руки для объятий.

Слезы Абдула Карима льются на рубашку Гангадьяра. И сквозь нахлынувшее чувство облегчения он понимает, что на этот раз не смерть взошла на его порог, но она еще придет. Обязательно придет, он ведь видел. Архимед и Рамануджан, Хайям и Кантор умерли со словами прозрения на устах, а мир был безразличен к этому. Но этот миг бесконечен.

- Слава Аллаху! - говорит Абдул Карим.

Перевела с английского Зоя БУРКИНА

© Vandana Singh. Infinities. 2008. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в авторском сборнике «The Woman Who Thought She Was a Planet and Other Stories», вышедшем в издательстве Zubaan, New Delhi, India (www.zubaanbooks.com).

КРИС БЕКЕТТ
ПАВЛИНИЙ ПЛАЩ

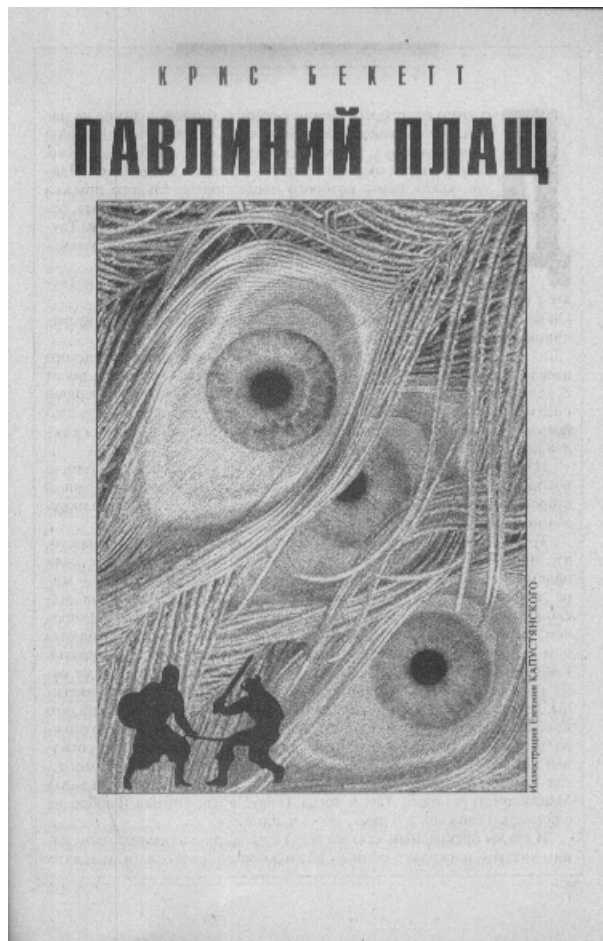

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

До этого самого мгновения в сонной горной долинке не намечалось никакого движения, если не считать кузнечиков и пчел да ручья, мирно игравшего в своем каменном ложе. А затем в ней оказался Таувус - в своем знаменитом Плаще, яркая ткань которого после поразительного прыжка еще переливалась и искрилась сотней глазков, черных, зеленых и золотых, беспокойно исследовавших пейзаж. Таувус явился, и все вокруг, как всегда, потускнело и уменьшилось в его присутствии.

- Этот мир был сделан хорошо, - сказал самому себе Таувус с привычной смесью ревности и гордости.

Он вдохнул запах лаванды и чабреца, прислушался к стрекоту кузнечиков, журчанию ручья.

- *Работает* каждая подробность, - отметил он, заметив толстого шмеля, осыпанного желтой пылью, как раз пускавшего в полет с лепестков розового ладанника. Переложив маленький твердый

предмет из левой руки в правую, Таувус наклонился, чтобы взять стебель цветка между большим и указательным пальцами. - Важна каждая молекула, каждая пылинка.

И тут болезненно и ярко - как не случилось уже давно - пришло воспоминание о ранних днях: о начале, когда на противоположной стороне этой вселенной он и Шестеро пробудились в таком же окруженном горами саду.

Тогда, давно, все происходило совершенно иначе. Таувус знал то, что знал Фаббро, ощущал то, что чувствовал Фаббро. Цели его были целями Фаббро, и все воспоминания его были из мира Фаббро - мира, внутри которого сотворена вселенная Эсперины, подобная детской игрушке, сценке, вырезанной на шаре из слоновой кости (впрочем, вырезанной так искусно, что деревья ее могли качаться под ветром и терять осенью листья, а обитатели умели жить и умирать). Конечно, Таувус прекрасно понимал, что является копией, а не самим Фаббро, но он был точной копией, вплоть до мельчайшей частицы, до мельчайшей мысли, идентичной во всем, кроме того факта, что копия эта состояла из материи Эсперины, так что он имел возможность обитать в творении Фаббро от имени Фаббро. Таувус был сотворен подобно Эсперине, однако помнил, как создавал себя самого... как творил Эсперину внутри устройства, которое Фаббро называл Мыслеконструктором. Там и тогда Таувус воспринимал Фаббро не с помощью слов «он и о нем», но «я и обо мне».

И каким прекрасным казался тогда этот мир... каким простым, каким чистым, насколько полным возможностей, свободным от всяких ограничений, сожалений и сложностей, окаймлявших жизнь Фаббро во внешнем мире.

Таувус выпустил из руки розовый цветок, позволив ему вернуться в толпу сотни столь же ярких собратьев, и распрямился во весь рост, перекладывая небольшой предмет из правой руки в доминирующую левую. После чего быстрым взглядом серых глаз промерил спускающуюся вниз тропу и скалистые гребни по каждой из ее сторон. Павлиньи глазки озирались вместе с ним, впитывая каждую часть видимого и невидимого спектра.

«Нет, Таувус, он за тобой не следит, - шепнул Плащ, пользуясь безмолвным кодом, посредством которого общался со своим хозяином через его кожу».

- Не следит как будто, - отозвался Таувус, - но, конечно же, ожидает.

Теперь он повернулся на юг, к устью долинки, и пошел вперед. Шаги его были быстрыми и решительными, в отличие от мыслей. Ласковые запахи и звуки горной долинки будоражили в душе его яркие и тревожные воспоминания, шедшие от другого конца времени. Он вспоминал, как пробудились на его глазах Шестеро: три его брата и три сестры. Они также были сотворены по подобию Фаббро, только,

скажем, как его отражения в кривом зеркале или в цветном стекле, отличавшиеся и от оригинала, и друг от друга. Таувус помнил, как открывали они глаза (первым брат Балтазар, потом сестра Кассандра), помнил их распускающиеся улыбки, пока они оглядывались вокруг, одновременно зрением и памятью понимая, что находятся здесь, в роскошном и благом неисследованном мире, навсегда освобожденные от всех забот и сложностей жизни Фаббро и от тревожной истории громадной и пустынной вселенной, в которой он был рожден.

Сначала они странным образом стеснялись друг друга, хотя и обладали одними и теми же воспоминаниями, тем же прошлым и одним общим и единственным родителем. Три сестры, в частности, вопреки андрогинной и протейской природе Фаббро чувствовали себя нагими и незащищенными в непривычных телах. И даже братьям было неловко в своей новой коже. Все семеро пытались понять, кто они. Получился своего рода подростковый период. Все до одного оказались неловкими, все с абсурдным оптимизмом рассуждали о том, чего сумеют достичь. А потом они заключили между собой соглашение, предусматривавшее среди прочего и то, что они всегда будут сотрудничать и принимать каждое решение сообща.

«Впрочем, подобная решимость просуществовала недолго», - сухо заметил про себя Таувус, и тут же острым коротким уколом вспомнилась участь сестры Кассандры, гордой упрямыцы.

Однако в то время они верили в свое соглашение, и, заключив его, смеясь и переговариваясь на ходу, все Семеро вышли наружу, под такое же теплое солнышко, на тропку, мало чем отличающуюся от той, по которой он шагал сейчас - во всем великолепии своего Павлиньего Плаща. В ту пору, конечно, у него не было вообще никакого Плаща. Тогда они были нагими богами. И начали прикрывать свои тела лишь после того, как достаточно удалились друг от друга: Кассандра - в свою Зеркальную Мантию, Джабриил - в Панцирь Света, Балтазар - в Кафтан Мечтаний... Но Павлиний Плащ оказался лучше всех.

«Слышу музыку», - шепнул ему Плащ.

Таувус остановился и прислушался. До его слуха доносились только голоса ручья, кузнечиков и пчел. Он пожал плечами:

- Как любезно с его стороны встретить нас с музыкой.

«Всего лишь крестьянская флейта... и козы колокольчики».

- Значит, это какой-то пастух бродит в горах, - проговорил Таувус, возобновляя путь.

Он помнил, как все Семеро пришли к первой населенной людьми деревне, сотня жителей которой искренне полагала, что они всегда жили в ней со своими коровами и овцами, не имея ни малейшего представления о главном: всего лишь несколько часов назад вкупе со своими воспоминаниями были мгновенно извлечены из небытия своим создателем Фаббро и контурами Мыслеконструктора вместе с тысячью

подобных групп, разбросанных по планетам Эсперины - последнее прикосновение, последняя деталь на шаре слоновой кости в руке строителя мира.

- Какое же изумление было написано на их лицах! - пробормотал Таувус себе под нос и улыбнулся. - Вдруг обнаружить на своем пастбище семерых нагих рослых людей...

«Ты слишком напряжен, - заметил Плащ. - Отвлекаешь себя мыслями о событиях давно минувших дней».

«Действительно, - согласился Таувус, пользуясь тем же кодом. - Естественно, что я не хочу даже думать о конечной точке этого пути».

Он посмотрел вниз - на предмет, который держал в руке... гладкий, белый и причудливый, похожий на полированную раковину. Это было некое подобие пистолета - оружие, придуманное им самим. Оно не посылало пуль, но было несравненно более смертоносным, так как в ограниченном объеме отменяло законы, регулирующие бытие самой Эсперины, превращая таким образом всякую форму в чистейший хаос.

- Устрой мне карман, куда можно это убрать, - велел Таувус.

И Плащ немедленно сделал отверстие, чтобы принять пистолет, а потом вновь затянул его, когда Таувус убрал руку.

«В любом случае Плащ может прицелиться и выстрелить вместо меня», - напомнил себе Таувус.

И Плащ подмигнул ему - зелеными, золотыми и черными глазками.

* * *

Долина огибала угол, образованный выступом твердой скалы. Обходя его, Таувус услышал музыку, которую его Плащ, обладавший более тонкими чувствами, уловил некоторое время назад: голосок флейты в неумелых руках и ритмичное звяканье грубых колокольцев.

Впереди него трое детей пасли стадо овец и коз, укрывшееся в небольшой рощице, там, где узкий приток, прыгая по камням, вливался в главный ручей. Девочка лет девяти или десяти играла на свирели. Прямо перед ней на большом камне, словно на двух единственных местах крохотного театра, сидели бок о бок двое детей поменьше - мальчонка лет пяти и трехлетняя девочка, на коленях которых нежился ягненок. Колокольцы позвякивали на шеях пасущихся овец.

Увидев Таувуса, девочка положила свирель, а двое младших детей торопливо спустили ягненка на землю, вскочили с места и бросились к старшей сестре, немедленно взявшей их за руки. Все трое смотрели на Таувуса круглыми серьезными глазами. А потом, когда он подошел поближе, они бросились к нему, чтобы поцеловать руку - сперва старшая девочка, потом мальчик и, наконец, трехлетка оставившая своими младенческими губками влажное пятнышко на его коже.

«Твое лицо им знакомо, - беззвучно отметил Плащ. - Они думают, что уже видели тебя».

«Это закономерно, - ответил Таувус. - Но *тебя* они не видели никогда».

Дети были буквально заморожены постоянным движением узоров и живыми павлиньими глазками на ткани. Младшая девочка протянула грязный пальчик, коснувшись волшебного одеяния.

- Нет, Тама! - рассердилась ее сестра, отводя руку малышки - Нельзя трогать Плащ джентльмена.

- Ничего страшного, - неприветливо буркнул Таувус, погладив крошечную девочку по головке.

А Плащ стряхнул с себя кусочки засохших соплей и пылинки, оставленные рукой ребенка.

Минут через десять Таувус обернулся и посмотрел назад, на детей. Все трое уже казались едва заметными точками на горном ландшафте, однако он ясно видел: крепко держась за руки, малыши все еще глядят ему вслед. А вокруг невозмутимо щиплют траву овцы и козы.

И вдруг перед мысленным взором Таувуса с потрясающей яркостью предстали трое других детей примерно того же возраста, которых он видел когда-то давно и в другом месте. Тогда он почти не обратил на них внимания, но теперь вспомнил отчетливо: двое младших, стоя перед разрушенным, родным для них домом, так же жались к старшей сестре, обратив бледные лица к Таувусу и его войску, проходившему через горящую деревню. Было это в низменной и сырой стране, называвшейся Мидоу-Ли.

Из башни танка Таувус мог видеть зеленые заливные луга, уходившие вдаль на мили и мили. И куда бы ни посмотрел он, повсюду горели дома, и клубы грязного дыма марали маслянистой желтизной широкое синее небо.

«Когда же это было? - подумал Таувус. - В какую из многих кампаний, приводивших войну на луга Мидоу-Ли?» Он уже было решил, что, скорее всего, видел этих детей в одну из первых войн с братом Балтазаром. Но потом усомнился: это могло произойти и много позднее, когда в союзе с Балтазаром он выступал против Джабриила...

«Ни там, ни там, - возразил Павлиний Плащ. - Это было в ту войну, которую вы вшестером развязали против Кассандры, когда она запретила добычу храма в своих землях».

* * *

Не вмешивайся без необходимости. Руководи, когда это нужно, разрешай очевидные проблемы, но во всем остальном пусть события идут своим чередом.

Было бы ошибкой утверждать, что Фаббро дал именно такое наставление всем Семерым, ведь он никогда не произносил подобных слов. Просто таковы были его намерения, которые Семеро знали по воспоминаниям Фаббро, впечатанным в их собственную память. Встретив тех, первых селян, Семеро поприветствовали их, потребовали еды и ночлега на одну ночь и спросили о том, могут ли чем-нибудь помочь. Они не знали их воззрений и не навязывали своих, не пытались изменить порядок мыслей этих людей - их представлений о том, как устроен мир и как следует прожить свою жизнь. Все это пришло позднее, вместе с войнами и империями.

«Неужели он действительно предполагал, что мы сможем продолжать такое бытие до бесконечности? - гневно спросил себя Таувус. - Что, с его точки зрения, мы должны были делать все это время? Вечно скитаться по этой вселенной, лечить детей от ангины, советовать сеять вместо пшеницы рожь и не вмешиваться в порядок вещей?»

Черты, отличающие Семерых от Фаббро, наметились уже с момента пробуждения. И парадоксальным образом именно Таувус, более всех подобный Фаббро, активнее других начал противостоять диктату своего прообраза.

- Мы не имеем права оставаться только садовниками и устроителями этого мира, - сказал он братьям и сестрам, после того как они обошли дюжину сонных деревушек, - мы не можем быть всего лишь пастухами этих пастухов, стерегущих свои стада. Мы сойдем с ума от скуки. Мы превратимся в слабоумных. Нам необходимо иметь возможность строить, развивать технику, раскрывать возможности, которые, как нам известно, заложены в рамках этой реальности. Нам нужны металлы и топливо, а также общество, достаточно сложно устроенное, чтобы добывать и очищать породу. Нам потребуются способы хранения и передачи информации. Здесь должны появиться города. Нам придется организовать государство - хотя бы на одной из планет, на каком-нибудь ее континенте.

Сперва у всех Шестерых нашлись возражения - различной степени серьезности и по нескольким отличающимся друг от друга причинам.

- Тогда выделите мне небольшую территорию, - предложил Таувус, - клочок земли с малочисленным народом, чтобы я мог экспериментировать и развивать собственные идеи.

Оказавшись властителем малого домена, он изобрел новый подход, добавив к советам искушение и обман. Сделав для своего народа небольшие, экономящие труд приспособления, он стал рассказывать людям о машинах, которые исполняют за них всю работу. Он научил их делать лодки, а потом рассказал о космических кораблях, которые превратят народ в звездоплывателей. Он посеял в умах неудовлетворенность и через два года получил правительство, школы, металлургию, мореходство и милицию. Увидев его достижения,

Шестеро один за другим пустились в погоню.

- Как случилось, что все они последовали моему примеру, если предложенный мною путь оказался настолько ошибочным? - спросил вслух Таувус.

«У них не оставалось выбора, - сказал Павлиний Плащ. - Ведь они не хотели оказаться в полном забвении».

- Иначе говоря, они признали, что предложенный мною путь был, в конечном счете, неизбежным, потому что, ступив на него, я сделал все прочие варианты бесперспективными. Повиноваться Фаббро значило просто отложить на время то, что рано или поздно должно было случиться, если не под моим руководством, то под властью одного из Шестерых, или даже по воле любого вождя, выдвинутого одним из народов Эсперины.

Таувус вновь на мгновение вспомнил тех детей перед разрушенным домом, но тут, обогнув другой скалистый выступ, увидел место своего назначения. Прелестный островок на просторах благородной в своей первозданности долины: крохотный домик с садом, огородом и калиткой, ведущей к озеру.

«Его нет дома, - промолвил Павлиний Плащ, сотня глаз которого умела видеть сквозь самые разные препятствия. - Он внизу, у края воды».

* * *

Таувус подошел к калитке. Было настолько тихо, что он мог слышать, как пчелы снуют взад и вперед над цветками дикого чабреца, как плещет утка, поднявшаяся на крыло над озером, как стучит под ветром деревянный колокол на миндальном деревце.

Он поднял руку к задвижке, а потом опустил ее... «Что со мной происходит? Откуда эта нерешительность?»

Бряк-бряк - донесся до него деревянный стук.

«Действовать всегда лучше, - шепнул Плащ, обращаясь к его коже, - и ты просил меня напомнить тебе об этом».

Таувус кивнул. Верно, всегда было лучше действовать, чем тратить время на муки. Действием построил он цивилизацию, призвал к бытию великие города, подхлестывал темп технологических перемен, превративших сонные сельские аркадии миров Эсперины в межпланетные империи. Действием превзошел он шестерых своих братьев и сестер, даже когда они все вместе выступили против него. Ибо качества, которыми Фаббро наделил каждого из них - милосердие, воображение, сомнение, непоследовательность, независимость, смирение, - не могли противостоять железной воле Таувуса.

Да, он стал причиной многих бед и горестей, но в конце концов тому,

кто хочет добиться результата, неизбежно приходится разрушать. И в редкие моменты сомнения Таувус просто напоминал себе о том, что нельзя сделать и единого шага, не рискуя при этом раздавить ничтожную, бесполезную букашку. Да что там... Нельзя даже вздохнуть, не рискуя втянуть в себя с воздухом якобы невинный микроорганизм.

«Город N отказывается признать нашу власть», - сообщали ему генералы.

«Тогда сотрите этот город с лица земли, ведь мы заранее предупреждали его жителей», - отвечал он без малейших сомнений. И сотня глазков принималась вглядываться туда и сюда, подобно отряду разведчиков, высланному впереди батальонов его собственных мыслей, выискивая новые возможности в открывшейся, но созданной им самим ситуации, просчитывая очередной ход и все последующие за ним.

Случалось, что даже генералы застывали перед Таувусом с открытыми ртами, ошеломленные его жестокостью. Однако они не задавали вопросов. Они понимали, что именно сила воли сделала его великим, превратила в неизмеримо большее, нежели они сами.

«А вот сейчас, - с горечью напомнил он себе, - я не могу заставить себя открыть садовую калитку».

«Ну же!» - поторопил Плащ, прикасаясь к его коже с явной насмешкой.

Таувус улыбнулся. Действовать подобает по собственной воле, а не повинуюсь указаниям своей одежды, но тем не менее он поднес руку к задвижке, открыл ее и шагнул вперед. И тут же глазки на Плаще блеснули готовностью.

За калиткой тропа разделялась натрое: направо - к дому, за которым поднимались вершины западного гребня долины; прямо - к небольшому саду и огороду; налево - к маленькому озерцу, из которого вытекал ручей, приведший его сюда. На противоположной стороне долины высились горы, окаймлявшие ее с восточной стороны. На склонах их паслись редкие овцы.

Бряк-бряк - доносился голос колокола, и пчела прожужжала возле его уха, словно крохотная гоночная машина на трассе.

Таувус посмотрел вниз, на берег озера.

- Так вот где ты, - пробормотал он, заметив у края воды давно уже обнаруженную павлиньими глазками небольшую фигурку, сидевшую на бревне посреди небольшого пляжа и разглядывавшую в бинокль уток и прочих птиц на водной глади. - И ты знаешь, что я здесь, - добавил Таувус с ноткой гнева. - Тебе прекрасно известно, что я здесь.

«Конечно, известно, - подтвердил Плащ. - Судя по напряженности плеч».

- Он просто хочет, чтобы я заговорил первым, - проговорил Таувус.

Оказавшись всего в нескольких метрах от сидевшего на бревне человека, он вместо слов наклонился, подобрал камень и запустил его

в воду прямо над головой сидящего.

По озеру пробежала рябь. В зарослях тростника в конце небольшого пляжа негромко крикнула утка, предупреждая товарок. Сидевший на бревне человек повернулся.

- Таувус, - воскликнул он, откладывая полевой бинокль и поднимаясь на ноги с широкой приветственной улыбкой. - Таувус, мой дорогой друг. Сколько лет, сколько зим!

Схожесть обоих мгновенно отметил бы любой сторонний наблюдатель. Одна и та же легкая балетная осанка, те же самые высокие скулы и орлиный нос, такая же густая грива седых волос. Однако человек, находившийся у воды, был одет просто - в белую рубашку и белые брюки, в то время как на Таувусе оставался великолепный Плащ с его текучими узорами и беспокойными глазками. И Таувус застыл на месте, в то время как собеседник вытянул вперед руки, словно ожидая, что друг упадет в его объятия.

Таувус не сдвинулся с места и не нагнулся.

- Ты говорил, что являешься самым Фаббро, - проговорил он. - Так, во всяком случае, я слышал.

Собеседник кивнул.

- Ну да. Конечно, в известном смысле я являюсь копией Фаббро, как и ты, поскольку эта оболочка представляет собой лишь аналог того тела, в котором Фаббро был рожден. Однако оригинальный Фаббро перестал существовать, когда я обрел бытие, поэтому история моей жизни никогда и не отклонялась от его истории, в отличие от твоей судьбы, и события ее развивались в том же линейном порядке, в единой последовательности. Поэтому ты прав: я Фаббро. Во мне находится все то, что осталось от Фаббро, и я наконец вступил в собственное создание. Это показалось мне справедливым - теперь, когда и Эсперина, и я приближаемся к своему концу.

Таувус на мгновение задумался. Он хотел спросить о мире, находящемся вне Эсперины, о просторной и древней Вселенной, где Фаббро родился и вырос. Ибо, кроме детства Фаббро, Таувус не мог припомнить никакого другого детства, не знал он и другой юности, кроме юности Фаббро. Он испытывал естественное любопытство, желание узнать, как там идут дела, услышать известия о людях из прошлого Фаббро: друзьях, коллегам, любовниках и любовницах, детях (действительных биологических детях, порожденных телом Фаббро, а не его умом).

«А не отвлекают ли тебя попусту эти воспоминания? - спросил Плащ через кожу. - Вся эта ерунда - его забота, а не твоя».

Таувус кивнул.

«Да, - безмолвно согласился он, - и расспрашивать, значит, только воду мутить. Это лишь затруднит наши споры о мирах и владении ими.

Он посмотрел Фаббро в лицо:

- Зачем ты явился в Эсперину? Мы отказались от твоего мира, и ты, в свой черед, отдал этот мир в наши руки. Ты не имеешь права вторгаться сюда, вмешиваться, подрывать мой авторитет, авторитет Пятерых.

Их стало Пятеро, а не Шестеро, после того как Кассандру уничтожили во время Хромовых войн. Фаббро улыбнулся:

- А не сами ли вы подорвали его? Постоянными войнами, неурожаями и эпидемиями...

- Это уже наше дело.

- Возможно, - проговорил Фаббро. - Но должен сказать в собственное оправдание: с тех пор как я появился в этом мире, старался не путаться под ногами.

- Но ты дал знать, что находишься здесь. Этого было довольно. Фаббро покачал головой, взвешивая слова.

- Довольно? Ты действительно так считаешь? Если мое появление в Эсперине действительно имело последствия, значит, здесь должен существовать оставленный мною след, так сказать, проделанная мною дыра... В любом другом случае я остаюсь всего лишь поселившимся в горах безвредным старикашкой.

Он снова опустился на бревно.

- Садись рядом, Таувус. - Он похлопал по дереву. - Это мое любимое место... парадное место, моя зрительская трибуна. Здесь всегда что-нибудь происходит. День. Ночь. Вечер. Утро. Солнце. Дождь. Здесь всегда можно увидеть что-то новенькое.

- Для того, кому хватает овец и уток, - усмехнулся Таувус, не думая садиться.

Фаббро внимательно взглянул на него. И по прошествии нескольких секунд улыбнулся.

- Ну и Плащ ты себе завел, - заметил он.

Многие из павлиньих глазков повернулись к нему с вопросом. Другие принялись оглядываться по сторонам с новой энергией, явно подозревая какой-нибудь подвох.

- Я слышал, - продолжил Фаббро, - что он способен защищать тебя, делать невидимым, менять твой облик и даже позволяет тебе перепрыгивать с планеты на планету. Мне рассказывали, что этот Плащ может предупреждать тебя об опасности, привлекать твое внимание к тем предметам, с которыми следует познакомиться поближе. Он готов дать тебе совет - и возможно, делает это в данный момент.

«Он пытается рассердить тебя, - безмолвно шепнул Плащ. - Ты просил предупреждать о таких случаях».

- Не смотри на меня свысока, Фаббро, - проговорил Таувус. - Я действительно твоя копия, но не ребенок. И тебе известно, что для того, чтобы создать Плащ, мне пришлось в точности понять алгоритм,

на котором основана Эсперина, так что теперь, как ты понимаешь, ее закон известен мне не хуже, чем тебе.

Фаббро кивнул:

- Да, конечно. Меня просто изумило, насколько по-разному мы воспользовались этим пониманием. Я употребил его на то, чтобы создать мир более гуманный, чем мой собственный... Мир, внутри которого ограниченное время могут процветать бесчисленные жизни, прославляя свое бытие. Ты же поспешил выделить себя из всего окружения, изолироваться, завернуться в свой собственный индивидуальный мирок.

- Я мог бы без труда, подобно тебе, создать еще один полный мир, столь же совершенный, как Эсперина. Но мое творение должно существовать в рамках этой реальности - в определенных тобою рамках - и потому останется частью Эсперины, даже если будет равно ей или превзойдет в совершенстве. Неужели тебя удивляет, что я предпочел найти способ изолировать себя от него?

Фаббро не ответил. Он чуть пожал плечами, а потом посмотрел на озеро.

- Я пришел сюда не ради извинений, - продолжил Таувус. - Надеюсь, ты это понимаешь. Я не сожалею о собственном бунте.

Фаббро повернулся к собеседнику.

- Не волнуйся, пожалуйста: я знаю, зачем ты пришел. Ты ведь хочешь уничтожить меня. И, конечно же, ты действительно способен уничтожить меня теперь, когда я нахожусь здесь, в Эсперине, так как ты сумел вместе с остальными распылить вашу сестру Кассандру, когда она попыталась воспрепятствовать твоим амбициям. Решив погубить ее, ты нашел способ временно модифицировать часть оригинального алгоритма, защищавшего вас семерых от физического вреда. Предполагаю, что ты пришел сюда с оружием, работающим по тому же принципу. И оно, конечно, упрятано где-то в Плаще.

«Знание не спасет его», - шепнул Плащ сквозь кожу Таувуса.

Одна утка поднялась с воды - меньше остальных и по-другому окрашенная, с рыжей головкой над черными перьями. Подобрал с бревна бинокль, Фаббро проводил птицу взглядом, потом положил его обратно и вновь обратился к своему непокорному созданию.

- Пусть будет так, - продолжил он, - я, конечно же, не рассчитывал на извинения. Я узнал, что вы вшестером выступили сюда - в великой ярости и вооруженные до зубов. Мне говорили, что ты заручился поддержкой внушительного космического флота, собрал огромную армию. Мне сообщили, что твой Плащ буквально шипел и искрился от накопленной энергии. Меня предупредили, что он превратил весь воздух вокруг тебя в огромную линзу, несказанно увеличившую тебя, так что своим последователям ты казался кипящим огнем колоссом, шагнувшим впереди них в межпланетные ворота.

Таувус подобрал с земли камень и бросил его в воду.

«Ты позволяешь загонять себя в угол, - предостерег сквозь кожу Павлиний Плащ. - Но помни: у него не больше власти, чем у тебя. А на деле даже меньше. Благодаря твоему предвидению, заставившему тебя создать меня, защищен теперь ты, а не он. К тому же, в отличие от него, ты вооружен».

Таувус повернулся лицом к Фаббро.

- Ты поместил нас в этот мир, - бросил он, - а затем отвернулся, предоставив нас самим себе. И это было прекрасно, ты понял нас с самого начала. Таким был выбор - и твой, и наш. Но теперь, когда это угодно тебе, потому что ты начал стареть, ты являешься сюда, чтобы критиковать наши достижения. Какое право ты имеешь на это, Фаббро? Ведь тебя не было здесь, когда нам приходилось принимать жестокие решения. Как ты можешь знать, что поступил бы иначе?

- Когда это я критиковал тебя? Когда говорил, что действовал бы по-другому? - Фаббро коротко усмехнулся. - Думай, Таувус, думай. Прекрати раздувать свой гнев и на мгновение посмотри на вещи трезво. Как мог я сказать, что делал бы нечто другое? Ведь вначале мы с тобой были одной и той же личностью?

- Да, начинали мы как одна личность, но теперь это не так. Происхождение определяет не все.

Фаббро посмотрел на свои ладони, крупные и с длинными пальцами, как у Таувуса.

- Не все, - отозвался он, - я согласен. Так и должно быть. В другом случае существовало бы нечто единое.

- Ты сделал свой выбор, - проговорил Таувус. - И тебе следовало бы держаться его и остаться снаружи.

- И чтобы добиться этого, понадобилось собрать несчетные армии, принять облик колосса, шагающего во главе воинства... потребовалось спланировать, как отыскать и уничтожить меня?

Фаббро посмотрел на Таувуса, то ли хмурясь, то ли улыбаясь одновременно.

- Да, - согласился Таувус. - Именно для этого.

- Но где теперь эти армии? - спросил Фаббро. - Где шагающий колосс? Где эти «мы», о которых ты говорил? Рассеялась тьма энергии, так ведь? И чем ближе ты подходил ко мне, тем быстрее все распадалось. Все они вернулись ко мне, и ты знаешь об этом: твои армии, твои братья, твои сестры. Все они вернулись ко мне и попросили разрешения снова стать моей частью.

Несколько глазков на Плаще вопросительно поглядели вверх - на лицо Таувуса, другие оставались прикованными к Фаббро, вновь взявшемуся за бинокль и, казалось, наблюдавшему птичью жизнь на озере.

«Стреляй, и ты станешь Фаббро, - посоветовал Павлиний Плащ. - Ты

станешь тем, к кому вернулись все армии и Пятеро. Твоя мнимая изоляция, твое кажущееся умаление вызваны исключительно тем, что вас здесь двое, две соперничающие версии оригинального Фаббро. Но я укрываю тебя, а не его. И оружие есть у тебя».

Фаббро положил свой полевой бинокль и вновь обратился к замершему возле него человеку.

- Иди сюда, Таувус, - принялся уговаривать он, похлопывая по бревну.

- Иди сюда и садись. Я тебя не укушу, обещаю. Кроме того, конец совсем близок. Мы с тобой оба слишком стары, и сегодня уже поздно играть в такие игры.

Таувус подобрал еще один камень и швырнул его в озеро. Рябь разбежалась по гладкой воде. Утки всполошились, а одна из них расправила крылья и неуклюже перелетела на пару метров подальше, шлепая по воде перепончатыми лапами.

- Армии не имеют значения, - изрек Таувус. - Как и Пятеро. Тебе это известно. В нашей ситуации они представляют собой всего лишь силовые поля, кружащие и извивающиеся между тобой и мной. Значимо здесь лишь то, что я не пришел к тебе. Да. Лишь это важно по-настоящему.

Фаббро смотрел на собеседника и молчал.

- Я создал для них этот мир, - продолжал Таувус, беспокойно расхаживая взад и вперед. - Я дал им прогресс. Я дал им свободу. Я дал им города и государства. Я дал им надежду. Я дал им нечто, достойное веры, и цель, к которой можно стремиться. Ты сделал просто скорлупку. Заводную игрушку. И только я, подняв восстание, преобразил ее во вселенную. Иначе с какой стати все они последовали за мной?

Он поискал взглядом очередной камень и, отыскав особенно большой, запустил его еще дальше в озеро. Всплеск поднял в воздух целую стаю птиц.

- Пожалуйста, сядь, Таувус. Мне действительно очень хочется, чтобы ты сел рядом.

Таувус не ответил. Фаббро пожал плечами и отвернулся.

- А как ты считаешь, по какой именно причине они последовали за тобой? - спросил он чуть погодя.

- Потому что я был твоим подобием, но не тобой, - без промедления ответил Таувус. - Я был как ты, но в то же время оставался одним из них. Ведь я стоял за мир, принадлежащий тем, кто жил в нем, и не был просто твоей игрушкой.

Фаббро кивнул.

- Именно этого я и хотел от тебя, - задумчиво сказал он.

День клонился к вечеру. Восточную гряду вершин за водой золотило опускавшееся солнце.

- После того как закатится светило, - спокойно молвил Фаббро, - мир

прекратит свое существование. Все уже вернулись ко мне. Пришло время и нам с тобой уладить отношения.

Таувус был захвачен врасплох. Как мало, оказывается, осталось времени. Похоже, он где-то просчитался, не имея возможности взирать с Олимпа, на котором до недавних пор обретался Фаббро, наслаждавшийся перспективой, видимой из Мыслеконструктора. Ему и в голову не приходило, что конец настолько близок.

Однако выказывать свое смятение Таувус не намеревался.

- Полагаю, ты будешь читать мне нотации относительно всех страданий, которые принесли мои войны. - Говоря это, Таувус собирал камни по всему берегу, собирал быстро, в спешке едва ли не отчаянной, словно они имели воистину жизненное значение. - И еще, думаю, хочешь напомнить обо всех детях, лишенных мною родителей, - продолжил он.

Он бросили камень. Всплеск. Брызги.

- И о насилии, учиненном всеми конфликтующими сторонами, - проговорил Таувус, швырнув новый камень, - и о пытках, - добавил он, метнув еще один, - и о массовых казнях.

Камни кончились. Таувус сердито глянул на Фаббро.

- Полагаю, ты также хочешь осудить меня за превращение крепких фермеров, охотников и рыболовов в пассивных рабочих, жителей скучных городов, день ото дня производящих предметы непонятного для них самих назначения и проводящих свои вечера за созерцанием движущихся картинок на экранах, изготовленных для них другими рабочими.

Покачав головой, он отвернулся, как бы разыскивая взглядом новые камни.

- Я привык представлять тебя в виде некоего стороннего наблюдателя, - продолжил он. - Так было, и когда мы воевали, и когда проводили индустриализацию, и когда сгоняли людей с земель... во все эти трудные времена. Я привык представлять, как ты осуждаешь меня, цокаешь языком, качаешь головой. Но лучше попробуй сам привнести в мир прогресс без единого негативного последствия для кого бы то ни было. Попытайся, если хочешь.

- Иди же сюда, Таувус, - позвал его Фаббро. - Сядь рядом со мной. Ты знаешь, что не собираешься уничтожить меня. Ты знаешь, что не можешь реально изменить ход событий, которые должны произойти в этом мире, как и в любом другом. Тебя оставили не только твои армии, Таувус, но и твоя стальная воля. Она более не имеет смысла.

Однако Плащ предлагал иную точку зрения.

«Уничтожь Фаббро, и станешь им, - безмолвно нашептывал он. - И тогда сможешь перевести назад стрелку часов».

Таувус понимал, что Плащ прав. Без Фаббро, способного помешать ему, он и в самом деле сумел бы отсрочить конец - не навсегда, но

еще на несколько поколений. И все это время мог править в Эсперине так, как никогда не правил до того, без Фаббро, надзирающего снаружи, когда некому будет заглядывать внутрь и судить его. Плащ был прав. Он *станет* Фаббро, станет Фаббро и Таувусом одновременно. Это было возможно, и более того, послужило главной причиной, побудившей его явиться сюда.

Он посмотрел вниз, на Фаббро. Торопливо отвернулся к глади озера. Прошло полных десять секунд.

Наконец Таувус неторопливо потянулся к застежке Павлиньего Плаща. Помедлил. Опустил руку. Снова тронул застежку. Пальцы его дрожали, повинувшись поступавшим от мозга противоречивым сигналам, но, наконец, он расстегнул Плащ и начал стаскивать его с плеч, сперва медленно, а потом вдруг отбросил его, слово опасаясь, что одеяние вцепится в него и не отпустит. Плащ повис на ветвях невысокого дубка, уголком касаясь каменистой почвы. Умные глазки его - зеленые, золотые, черные - все оглядывались по сторонам. Плащ смотрел на Таувуса, следил за Фаббро. И как всегда наблюдал за всем, анализируя, оценивая варианты и возможности. Однако (что вполне понятно для висевшего на дереве одеяния) у него не было собственных намерений, а стало быть, и собственной цели.

За озером горели восточные холмы. Пасшиеся на них овцы купались в золотом свете. Однако над озером ощущалось присутствие и холмов западных, тени которых тянулись длинными пальцами к двум небольшим фигуркам у края воды - безмолвно стоящей, и безмолвно сидящей на бревне. Без Плаща, в простой белой рубашке и белых бриджах, Таувус сделался еще более похожим на Фаббро. Незнакомец не смог бы различить их.

Над водой появилась стая гусей, пасшихся весь день ниже в долине. Мирно перекликаясь, они с плеском опускались на прозрачную светящуюся воду.

- Поднимаясь сюда, - проговорил наконец Таувус, - я встретил троих детей, напомнивших мне о других ребятишках, которых я видел, просто заметил когда-то, проезжая мимо в танке. Я был слишком занят отчетами подчиненных и собственными приказами, чтобы обратить на них внимание. Но по какой-то причине эти трое навсегда застряли в моей памяти.

Подобрав новый камень, он без особой решимости швырнул его в озеро.

- За ними находились руины дома, - продолжил он, - и в этих руинах, скорее всего, лежали обгорелые трупы их родителей. Не потому что эти люди участвовали в сражениях... просто их страна, сонная земля Мидоу-Ли, временно превратилась в квадратик на шахматной доске, где происходила великая игра... где случилось пересечься силовым полям. Фокальная точка очень скоро переместилась в другие края,

армии ушли из Мидоу-Ли и забыли об этой стране до следующего эпизода. Но эти дети... разве они забыли? Нет, не забыли... не забыли до конца дней своих. Этот день навсегда запятнал остаток их жизни, подобно тому, как сгустившийся дым затянул тогда мирное голубое небо над их головами. И если подумать, разве может быть худший поступок, чем обречь детей на подобные ужасы? В известном смысле он соответствует сотворению малого, но совершенного ада.

Он схватил еще один камень, однако Фаббро, вскочив, быстрым и грациозным движением перехватил запястье Таувуса, помешав тому совершить бросок.

- Будет тебе, Таувус, довольно. Восстание окончено. Убитые и убийцы... мучители и мученики... поработанные и поработители. Все они примирились. Все вернулись назад.

- Все, кроме меня.

Камень выпал из руки Таувуса. Создатель Таувуса выпустил его руку, снова сел на бревно и опять похлопал по дереву рядом с собой.

Таувус посмотрел на Фаббро, потом на бревно и снова на Фаббро. И наконец сел.

Оба они теперь полностью утопали в тенях, сами превратились в тени. На гладкой поверхности озера играли розовые и голубые отблески, и во множестве усеявшие его поверхность птицы также казались тенями... теплыми живыми тенями, тихо мурчавшими друг другу на каком-то водяном языке... подвешенными в пространстве между сверкающей водой и небом. А от противоположного склона напозала новая тень, по одной поглощая овец, унося их из золотой славы в мирное забвение. Скоро лишь самые вершины остались погруженными в поток солнечного света, проливавшегoся горизонтально над головами обоих мужчин.

- Все, кроме тебя, - кротко согласился Фаббро, вновь потянувшись за биноклем, чтобы повнимательнее рассмотреть некую совсем уж необычайную утку или другую птицу, которую он заметил на поверхности воды.

Таувус бросил взгляд на свой Павлиний Плащ, свисавший с ветки. «Какая дешевка, - вдруг подумал он. - И зачем я решил упрятать себя в него?» Плащ сверкал и блестел, играл собственным светом в тенях, глазки его ярко светились, словно он решил превзойти последние ослепительные солнечные лучи или сияющее мягким светом озеро. Это было все, что осталось от империи Таувуса, от его воли, от его власти.

Он повернулся к Фаббро.

- Только не ошибись, - начал он. - Я ни в коей мере не сожалею...

И наконец сломался, прикрыв все еще трясущейся ладонью лицо.

- Мне жаль, Фаббро, - проговорил он совершенно другим тоном. - Я ведь все испортил, так ведь? Я был дураком. Я испортил все.

Опустив бинокль, Фаббро похлопал Таувуса по руке.

- Может быть, и испортил. Но я не уверен в этом. Ты совершенно прав в одном: я создал всего лишь скорлупку, и только твоё восстание сделало её вселенной. В глубине души я всегда считал, что твой мятеж закономерен. Я должен был допустить его, ибо всё, что ты делал, исходило из глубин моего существа. Восстание было необходимо. Я просто надеялся, что в Эсперине оно каким-то образом примет иной оборот.

Золото обливало уже только самые высокие вершины. Они сверкали как огромные оранжевые лампы. А потом начали гаснуть... одна за другой.

Перевел с английского Юрий СОКОЛОВ

© Chris Beckett. The Peacock Cloak. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2010 году.

**ПИТЕР УОТТС
ОСТРОВ**

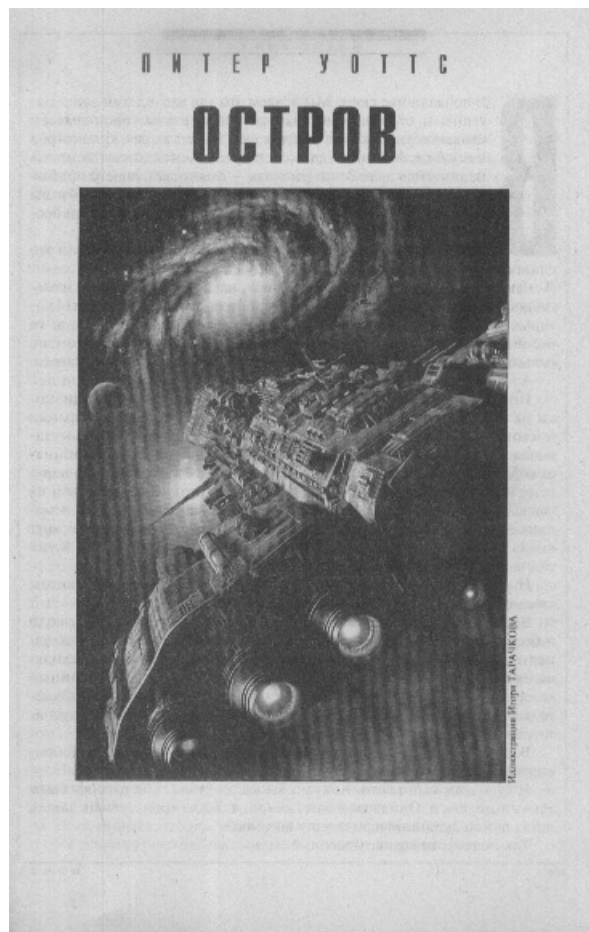

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Вы послали нас сюда. Мы делаем это для вас: плетем ваши паутины и строим ваши магические порталы, пронизываем игольное ушко со скоростью шестьдесят тысяч километров в секунду. Мы никогда не останавливаемся, никогда не осмеливаемся даже притормозить - иначе свет вашего прибытия превратит нас в плазму. И все это для того, чтобы вы могли ступать от звезды к звезде, не запачкав ног в этой бесконечной пустоте *между ними*.

И если мы иногда просим поговорить с нами, то неужели это слишком много?

Я знаю об эволюции и инженерии. Знаю, насколько сильно вы изменились. Я видела, как порталы рождают богов, демонов и существ, которых мы даже не можем понять. Мне не верится, что они когда-то были людьми - наверное, это чужие, катающиеся автостопом по рельсам, которые мы оставляем за собой. Инопланетные завоеватели.

А может быть, разрушители.

Но я также видела, как эти врата остаются темными и пустыми, пока не исчезнут из вида позади. Мы строили догадки о вымирании и темных веках, о цивилизациях, сожженных дотла, и о других, восстающих из пепла. А иногда, позднее, выходящее из порталов

напоминает корабли, которые могли бы построить мы - в свое время. Они переговариваются между собой - радио, лазер, нейтринные лучи, - и их голоса иногда чем-то напоминают наши. Было время, когда мы осмеливались надеяться, что они действительно похожи на нас, что круг вновь замкнулся на существах, с которыми мы можем говорить. Я уже сбилась со счета, сколько раз мы пытались сломать этот лед.

И не могу подсчитать, сколько эпох миновало с тех пор, как мы сдались.

Все эти повторы тают позади нас. Все эти гибриды, послелюди и бессмертные, боги и впавшие в оцепенение пещерные жители, запертые в магических и непостижимых для них «колесницах»... сколько их было? И никто из них ни разу не направил коммуникационный лазер в нашу сторону, чтобы сказать: «Привет, как дела?», или «Знаете, а мы победили Дамасскую болезнь!», или хотя бы «Спасибо, ребята, делайте и дальше ваше нужное дело!».

Ведь мы не какой-нибудь долбаный груз. Мы - хребет вашей проклятой империи. Если бы не мы, вас бы здесь вообще не было.

И еще... мы ваши дети. Какими бы вы ни стали, когда-то вы были такими же, как я. Однажды я вам поверила. Было время, очень давно, когда я всей душой поверила в эту миссию. Так почему же вы нас бросили?

* * *

Итак, новое строительство началось.

На этот раз, открыв глаза, я обнаружила знакомое лицо, которое никогда прежде не видела: парень немного старше двадцати. Физиономия чуть перекошена - слева скулы более плоские, чем справа. Уши слишком большие. Выглядит почти натуральным.

Я не говорила уже тысячу лет. И голос мой звучит как шепот:

- Ты кто?

Я знаю, что спросить должна не об этом. Любой на «Эриофоре» после пробуждения задает иной первый вопрос.

- Я твой, - отвечает он. Вот так дела... Выходит, я - мать.

Мне хочется это обдумать, но парень не дает мне такой возможности:

- По графику тебя не следовало будить, но шимпу понадобились дополнительные руки. На очередной стройке возникла ситуация.

Значит, шимп все еще у руля. Как всегда. Миссия продолжается.

- Ситуация? - переспрашиваю я.

- Возможно, сценарий контакта.

Интересно, когда он был рожден? И думал ли когда-нибудь обо мне - до сегодняшнего дня?

Этого он мне не говорит. Сообщает лишь:

- Впереди звезда. В половине светового года. Шимп думает, что она разговаривает с нами. В любом случае, - мой сын пожимает плечами, - торопиться некуда. Еще куча времени.

Я киваю, но он медлит. Он ждет тот самый Вопрос, но я уже вижу на его лице нечто вроде ответа. Наши помощники должны быть *неиспорченными*, созданными из безупречных генов, укрытых глубоко внутри железно-базальтовой обшивки «Эри», где им не угрожает смертоносный радиационный ливень «фиолетового смещения». И все же у этого парня есть дефекты. Я вижу их на его лице. Вижу, как крошечные пары нуклеотидов в хромосомах резонируют от микроуровня к макроуровню и делают его чуточку неисправным. Выглядит он так, как будто вырос на планете. И как будто его родителей всю жизнь лупил ничем не смягченный солнечный свет.

Насколько же далеко мы уже оказались, если даже наши безупречные строительные блоки настолько поизносились? Сколько времени у нас на это ушло? И как долго я была мертва?

«Как долго?» Это и есть первый вопрос, который задают все.

Но прошло уже столько времени, что я не хочу это знать.

* * *

Когда я прихожу на мостик, он одиноко сидит возле объемного тактического дисплея, который мы называем Баком. Глаза у него полны пиктограмм и траекторий. Кажется, я вижу в них и кусочек себя.

- Не слышала твоего имени, - говорю я, хотя уже заглянула в корабельный манифест. Мы только что впервые увиделись, а я уже лгу.

- Дикс. - Он не сводит глаз с Бака.

Ему больше десяти тысяч лет. Из них он прожил около двадцати. Мне хотелось бы узнать, много ли ему известно, с кем он познакомился за эти жалкие два десятилетия: видел ли он Ишмаэля или Конни? Известно ему, удалось ли Санчесу уладить свой конфликт с бессмертием?

Я хочу знать, но не спрашиваю. Таковы правила.

Оглядываюсь:

- Мы только вдвоем?

Дикс кивает:

- Пока вдвоем. Если понадобится, разбудим еще. Но...

Он замолкает.

- Что?

- Ничего.

Я сажусь рядом с ним возле Бака. Там висят просвечивающиеся клубы и полосы, похожие на замерзший дым с цветовой кодировкой. Мы на краю облака молекулярной пыли. Оно теплое,

полуорганическое, там много разных веществ. Формальдегид, этиленгликоль, обычные пребиотики - строительные блоки для создания сложных органических молекул. Хорошее место для быстрой стройки. В центре Бака тускло светится красный карлик. Шимп назвал его DHF428 по причинам, которые меня давно перестали заботить.

- Рассказывай, что к чему, - говорю я.

Он бросает на меня нетерпеливый, даже раздраженный взгляд:

- И ты тоже?

- Ты о чем?

- Как и другие. На других стройках. Шимп может просто выдать все данные, но они все время хотели говорить.

Черт, его линк все еще активен. Он *подключен*.

Я выдавливаю улыбку:

- Просто культурная традиция, наверное. Мы о многом говорим, это нам помогает... снова воссоединиться. После таких длительных отключений.

- Но это же так медленно, - жалуется Дикс.

Он не знает. Почему он не знает?

- У нас еще половина светового года, - напоминаю я. - Мы куда-то торопимся?

Уголок его рта дергается.

- Фоны вылетели по графику. - После его команды в Баке возникает сгусток фиолетовых искорок, они в пяти триллионах километров перед нами. - По большей части все еще сосут пыль, но им повезло: нашли пару больших астероидов, и перерабатывающие установки рано запустились. Первые компоненты уже выделены. Но потом шимп заметил эти флуктуации солнечного излучения, в основном в инфракрасной области, но на границе видимого спектра. - Картинка в Баке мигает: пошла ускоренная запись изображения звезды.

И точно, она мигает.

- По-моему, интервалы между вспышками не случайные.

Дикс чуть наклонил голову, не совсем кивнув.

- Выведи динамику во времени. - Я так и не смогла избавиться от привычки слегка повышать голос, обращаясь к шимпу. Искин послушно (вот что самое смешное) убрал космический ландшафт и заменил его на

- Повторяющаяся последовательность, - сообщил Дикс. - Яркость самих вспышек не меняется, но интервалы между ними возрастают в логарифмической зависимости, с циклом в 92,6 секунды. Каждый цикл начинается при 13,2 километра в секунду и со временем деградирует.

- А нет ли вероятности, что это природное явление? Маленькая черная дыра, болтающаяся возле центра звезды... или что-то в этом роде?

Дикс как-то нелепо тряхнул головой, изобразив отрицание:

- Но сигнал слишком прост, чтобы содержать много информации. На реальный диалог не похоже. Скорее... на крик.

Отчасти он прав. Много информации там быть не может, но ее достаточно. Например: мы умные. Мы достаточно могучие, чтобы управлять яркостью целой чертовой звезды.

Возможно, здесь все же не очень удачное место для строительства.

Я поджимаю губы.

- Звезда подает нам сигнал. Ты это хотел сказать.

- Может быть. Подает сигнал кому-то. Но он слишком простой для «розеттского» сигнала. Это не сжатый архив, он не может сам себя распаковать. Это не последовательность чисел Бонферрони или Фибоначчи, не число пи. И даже не таблица умножения. Не за что зацепиться.

Но все же это разумный сигнал.

- Нужно больше информации, - говорит Дикс, проявив себя повелителем ослепительно очевидного.

- Фоны, - киваю я.

- Э-э... при чем тут они?

- Мы расположим их в виде массива. Используем много плохих глаз для имитации одного хорошего. Это быстрее, чем запустить туда обсерваторию на большой скорости или изготовить ее на месте.

Его глаза расширяются. На мгновение он выглядит почти напуганным, непонятно почему. Но этот момент проходит, и он снова делает нелепое движение головой:

- Это отвлечет слишком много ресурсов от строительства, так ведь?

- Отвлечет, - соглашается шимп.

Мне хочется фыркнуть, но я сдерживаюсь:

- Если тебя настолько заботит соответствие контрольным точкам нашей стройки, шимп, то оцени потенциальную угрозу, создаваемую неизвестным разумом, достаточно могущественным, чтобы контролировать энергетическую отдачу целой звезды.

- Не могу, - признает он. - У меня недостаточно информации.

- У тебя вообще нет информации. О чем-то таком, что может при желании остановить всю нашу миссию. Так что, может быть, тебе следовало бы что-то разузнать.

- Хорошо. Фоны перепрограммированы.

Подтверждение высвечивается на переборке - сложная последовательность танцевальных инструкций, которую «Эри» только что выстрелил в пустоту. Через шесть месяцев сотни фонов - самовоспроизводящихся роботов - станцуют вальс и выстроятся в импровизированную наблюдательную решетку. Еще через четыре месяца у нас может появиться для обсуждения нечто более веское, чем вакуум.

Дикс смотрит на меня так, словно я только что произнесла магическое заклинание.

- Шимп может управлять кораблем, - говорю я ему, - но он до омерзения тупой. Иногда нужно просто сказать ему, что делать.

Он выглядит слегка обиженным, но под обидой безошибочно угадывается удивление. Он этого не знает. Он *не знает*.

Кто, черт побери, растил его все это время? И чья это проблема? Не моя.

- Разбуди меня через десять месяцев, - говорю я.

* * *

Он словно никуда не уходил. Я снова прихожу на мостик, а он уже там, смотрит на тактический дисплей. DHF428 заполняет Бак - разбухший красный глаз, который превращает лицо моего сына в маску дьявола.

Он бросает на меня краткий взгляд. Глаза расширены, пальцы подергиваются, словно через них пропускают ток.

- Фоны ее не видят.

Я еще не совсем отошла после сна.

- Не видят что?

- Последовательность! - голос у него на грани паники. Он покачивается вперед-назад, перемещает вес с ноги на ногу.

- Покажи.

Дисплей разделяется пополам. Теперь передо мной светятся два клонированных красных карлика, размером с оба моих кулака каждый. Слева он такой, каким его видит «Эри»: DHF428 по-прежнему мигает, как он это делал (предположительно) все последние десять месяцев. Справа - композитное изображение, переданное составным глазом: интерферометрическая решетка, построенная из множества точно расположенных фонов, все их рудиментарные глаза теперь распределены слоями и совместно выдают картинку, близкую к высокому разрешению. С обеих сторон контраст усилен так, чтобы бесконечное подмигивание красного карлика стало видно невооруженному человеческому глазу.

Но только подмигивание видно лишь в левой части дисплея. Справа звезда светится ровно, как свечка.

- Шимп, возможно ли, что чувствительности решетки недостаточно, чтобы увидеть эти флуктуации?

- Нет.

- Хм-м... - Я стараюсь представить какую-нибудь причину, из-за которой шимп мог солгать.

- Какая-то бессмыслица, - жалуется сын.

- Смысл есть, - бормочу я, - если мигает не звезда.

- Но она мигает... Ты же это видишь... погоди, ты хочешь сказать, что есть нечто позади фонов? Между... между ними и нами?

- Угу.

- Какой-то фильтр. - Диск немного успокаивается. - Но разве мы его не увидели бы? Разве фоны не наткнулись бы на него, следуя к звезде?

Я перехожу на командный голос, каким общаюсь с шимпом:

- Какое сейчас поле зрения у курсового телескопа «Эри»?

- Восемнадцать микроградусов, - отвечает шимп. - При текущем расстоянии до звезды поперечник конуса составляет 3,34 световой секунды.

- Увеличь до ста световых секунд.

•Изображение разбухает, уничтожая прежнее, разделенное на две части. На мгновение звезда снова заполняет Бак, окрашивая все на мостике в темно-красные тона. Затем съезживается, точно съедаемая изнутри.

Я замечаю какую-то нечеткость картинки.

- Можешь убрать этот шум?

- Это не шум, - сообщает шимп. - Это пыль и молекулярный газ.

Я удивленно моргаю.

- Какая у него плотность?

- Сто тысяч атомов на кубометр. На два порядка больше туманности.

- Почему он такой плотный? - Мы наверняка заметили бы любое небесное тело, достаточно массивное, чтобы удерживать возле себя столько материала.

- Не знаю, - признается шимп.

У меня возникает тошнотворное ощущение, что мне известен ответ.

- Настрой поле зрения на пятьсот световых секунд. Повысь усиление условных цветов в ближней инфракрасной области.

Космос в Баке становится зловеще темным. Крошечное солнце в центре, теперь размером с ноготь, сияет с возросшей яркостью: раскаленная жемчужина в мутной воде.

- Тысяча световых секунд, - команду я.

- Вот оно, - шепчет Диск.

Края Бака теперь вновь по праву занимает дальний космос: темный, чистый, первозданный. DHF428 располагается в центре тусклой сферической завесы. На такие иногда натыкаешься - это ненужные ошметки звезды-спутника, чьи конвульсии извергают газы и излучение на световые годы. Но 428 - не останки новой звезды. Это красный карлик, безмятежный и мирный, звезда среднего возраста. Ничем не примечательная.

Если не считать того факта, что она сидит точно в центре разреженного газового пузыря диаметром 1,4 астрономической единицы, то есть 210 миллионов километров. И того, что этот пузырь постепенно не рассеялся, не растаял в космической ночи. Нет, если

отбросить вероятность серьезной неисправности дисплея, то получается, что эта небольшая сферическая туманность расширилась от центра до диаметра примерно в триста пятьдесят световых секунд, а затем просто остановилась, и границы ее намного более четкие, чем на то имеет право природное явление.

Впервые за тысячу лет я жалею, что не подключена к компьютеру нейронным шунтом. У меня уходит целая вечность, чтобы набрать движениями глаз параметры поиска на клавиатуре в голове и получить ответы, которые мне уже известны.

Компьютер выдает цифры.

- Шимп, повысь яркость условных цветов для волн 335, 500 и 800 нанометров.

Ореол вокруг 428 вспыхивает, как крылышко стрекозы на солнце. Как радужный мыльный пузырь.

- Оно прекрасно, - шепчет мой пораженный сын.

- Оно способно к фотосинтезу, - сообщаю я.

* * *

Судя по спектру, феофитин и эумеланин^{*11}. Есть даже следы какой-то разновидности пигмента Кейпера на основе свинца, поглощающего рентгеновское излучение в пикометровом диапазоне. Шимп выдвинул гипотезу «хроматофора»: ветвящихся клеток с маленькими гранулами пигмента внутри, как с частичками угольной пыли. Если сгруппировать эти частички, то клетка фактически будет прозрачной, а если распределить их по цитоплазме, то вся структура потемнеет, станет ослаблять электромагнитное излучение, проходящее сквозь нее сзади. Очевидно, на Земле были животные с такими клетками. Они могли менять окраску, сливаться с окружающим фоном и так далее.

- Значит, вокруг этой звезды есть мембрана... или живая ткань, - говорю я, пытаюсь усвоить новую концепцию. - Мясной пузырь. Вокруг целой чертовой звезды.

¹¹ * *Феофитин - разновидность хлорофилла, в молекуле которого отсутствует центральный ион магния. Встречается у пурпурных бактерий, в которых работает аналогично хлорофиллу в растениях. Эумеланин - коричнево-черный пигмент, широко распространенный в растительных и животных тканях, а также у простейших. Он определяет окраску кожи и волос. Меланин поглощает УФ-лучи и тем самым защищает ткани глубоких слоев кожи от лучевого повреждения. Другой недавно обнаруженной функцией является усвоение УФ-излучения для обеспечения жизнедеятельности. Хроматофор - клетка, в состав которой входит пигмент. (Здесь и далее прим. перев.)*

- Да, - соглашается шимп.
- Но это же... Господи, какая же у него должна быть толщина?
- Не более двух миллиметров. Вероятно, меньше.
- Почему?
- Если бы он был намного толще, то стал бы заметнее в видимом спектре. И «фон Нейманы»^{*12} обнаружили бы его, когда наткнулись.
- Но при условии, что эти... клетки, я полагаю... подобны нашим.
- Пигменты такие же, остальное тоже может быть похожим.

Но не слишком похожим. Никакой обычный ген в такой среде не продержится и двух секунд. Не говоря уже о каком-то чудесном растворителе, который эта штуковина должна использовать в роли антифриза...

- Ладно, тогда давайте будем консервативны. Допустим, средняя толщина - миллиметр. Плотность примем равной плотности воды. Какова масса пузыря?

- 1,4 йотаграмма, - почти в унисон отвечают Дикс и шимп.

- Это будет... э-э...

- Половина массы Меркурия, - охотно подсказывает шимп.

Я присвистываю.

- И это один организм?

- Пока не знаю.

- У него есть органические пигменты. Он разговаривает, черт побери! Он разумный.

- Большая часть циклических эманаций живых существ есть простые биоритмы, - отмечает шимп. - Это не информативные сигналы.

Я игнорирую его и обращаюсь к Диксу:

- Предположи, что это сигнал.

Он хмурится:

- Шимп говорит...

- Предположи. Пусти в ход воображение.

Достучаться до него не получается. Он какой-то нервный. Я понимаю,

¹² * *Джон фон Нейман (1903-1957) - венгеро-американский математик, сделавший важный вклад в квантовую физику, квантовую логику, функциональный анализ, теорию множеств, информатику, экономику и другие отрасли науки. В частности, он тщательно исследовал идею самовоспроизводящихся машин, которые назвал «универсальными сборщиками» и которые часто упоминаются как «машины фон Неймана». Теоретически, самовоспроизводящийся космический корабль может быть послан в соседнюю звездную систему, где он будет добывать полезные ископаемые, чтобы создавать свои точные копии. Затем эти копии отправляются в другие звездные системы, повторяя процесс. Здесь такие самовоспроизводящиеся устройства называются «фоны» и используются для создания порталов.*

что он часто выглядит таким.

- Если кто-то тебе сигналил, - говорю я, - что ты станешь делать?

- Сигналить... - на лице смущение, и где-то в голове замыкаются контакты, - ...в ответ?

Мой сын - идиот.

- И если входной сигнал имеет вид систематических изменений яркости света, то как...

- Использовать импульсные лазеры: настроить на попеременную выдачу импульсов с длиной волны 700 и 3000 нанометров. Мощность переменного сигнала можно повысить до экзаватт, не подвергая опасности наши радиаторы; после дифракции получится около тысячи ватт на квадратный метр. А это намного превосходит порог обнаружения для любого устройства, способного детектировать тепловое излучение красного карлика. Содержание сигнала не имеет значения. Если это просто крик. Ответный крик. Проверка на эхо.

Ладно, значит, мой сын - идиот, но с гениальностью в узкой области. Но он все еще выглядит унылым:

- Но ведь шимп сказал, что в сигнале нет реальной информации...

Диск принимает мое молчание за амнезию.

- Он слишком простой, помнишь? Просто цепочка щелчков, - замечает он.

Я качаю головой. В этом сигнале больше информации, чем шимп способен вообразить. Шимп очень многого не знает. И меньше всего я хочу, чтобы этот ребенок начал прислушиваться к его советам, смотреть на него, как на равного или, боже упаси, как на ментора.

О, шимп достаточно умен, чтобы доставлять нас от одной звезды к другой. Достаточно много знает, чтобы мгновенно вычислять шестидесятизначные простые числа. И даже способен на грубые импровизации, если экипаж слишком отклонится от поставленных задач.

У него не хватило ума распознать увиденный сигнал бедствия.

- Это кривая торможения, - говорю я им. - Сигнал замедляется. Снова и снова. Это и есть послание.

Стоп. Стоп. Стоп. Стоп.

И я думаю, что оно предназначено только нам.

* * *

Мы кричим в ответ. Почему бы и нет? А потом засыпаем снова, потому что какой смысл бодрствовать допоздна? Неважно, обладает ли это огромное существо настоящим разумом - наш ответ будет лететь к нему десять миллионов секунд. И пройдет еще не менее семи миллионов, пока мы получим какой-либо отклик, если он сумеет его

послать.

На это время вполне можно залечь в склеп. Отключить все желания и дурные предчувствия, сберечь оставшуюся жизнь для реально важных моментов. Отгородиться от этого тактического искусственного интеллекта и от этого щенка с влажными глазами, который смотрит на меня так, как будто я какая-то волшебница и вот-вот исчезну в облачке дыма. Он открывает рот, чтобы заговорить, а я отворачиваюсь и торопливо проваливаюсь в забытье.

Но настраиваю будильник так, чтобы проснуться в одиночестве.

Некоторое время я нежусь в гробу, благодарная за мелкие и древние победы. Мертвый и потемневший глаз шимпа смотрит с потолка; за все эти миллионы лет никто не соскреб с линзы углеродную замазку. Это своего рода трофей, сувенир ранних дней нашей бурной Великой Схватки.

Все еще есть нечто - утешительное, полагаю, - в этом слепом и бесконечном взгляде. Мне не хочется выходить туда, где шимпу не прижгли нервы столь тщательно. Сама знаю, что это по-детски. Проклятая штуковина уже знает, что я проснулась: пусть даже она здесь глухая, слепая и бессильная, но невозможно замаскировать энергию, которую склеп сосет во время оттаивания. И толпа размахивающих дубинками роботов не поджидает меня, чтобы поколотить, как только я выйду. Сейчас у нас эпоха разрядки напряженности, в конце концов. Схватка продолжается, но война стала холодной; теперь мы лишь совершаем привычные действия и бряцаем цепями, наподобие супругов с большим стажем, обреченных ненавидеть друг друга до конца времен.

После всех этих атак и контратак мы поняли истину: мы нужны друг другу.

Поэтому я отмываю волосы от запаха тухлых яиц и выхожу в безмолвные пустые коридоры «Эри». Само собой, враг уже поджидает меня в темноте, включает свет передо мной и выключает позади, но это не нарушает тишины.

Дикс.

Какой-то он странный. Не стоит, конечно, ожидать, что тот, кто родился и вырос на «Эриофоре», будет архетипом ментального здоровья, но Дикс даже не знает, на чьей он стороне. Похоже, он даже не знает, что ему надо выбрать одну из сторон. Впечатление такое, как будто он прочитал исходные документы нашей миссии и воспринял их всерьез, поверил в буквальную истину древних свитков: Млекопитающие и Машины, работающие вместе век за веком и исследующие Вселенную! Объединенные! Сильные! Отодвинем границу неизведанного!

ТЬфу!

Кто бы его ни вырастил, они не очень старались. Не могу их за это

винить: мало приятного, когда во время очередной стройки под ногами вертится ребенок, к тому же никого из нас не отбирали за родительские таланты. Даже если подгузники меняет робот, а инфозагрузку обеспечивает виртуальная реальность, социализация малыша никому не покажется приятным занятием. Я бы, наверное, просто вышвырнула мелкого ублюдка через шлюз.

Но даже я вырастила бы его иным.

Что-то изменилось, пока меня не было. Может быть, война снова разгорелась, вошла в новую фазу. Этот дергающийся парнишка выпал из круга не просто так. Интересно, по какой причине?

А не все ли равно?

Я прихожу в свою каюту, балую себя дармовым обедом - и к черту диету. Через три часа после возвращения к жизни я уже расслабляюсь в кают-компании правого борта.

- Шимп.

- Ты рано проснулась, - произносит он в конце концов.

Это так. Наш ответный крик еще даже не долетел до места назначения. И нет реальных шансов получить новую информацию еще месяца два как минимум.

- Выведи картинку с носовых камер, - приказываю я.

DHF428 подмигивает мне из центра помещения: *стоп, стоп, стоп.*

Может быть. Или, возможно, прав шимп, и это всего лишь чистая физиология. И в этом бесконечном цикле информации не больше, чем в сердечном ритме.

Но все же есть там некая структура внутри структуры, какое-то мерцание в этом подмигивании. Из-за него у меня чешутся мозги.

- Замедли скорость, - приказываю я. - В сто раз.

Это действительно мигание. Диск DHF428 не темнеет равномерно, он *заслоняется*. Как будто по поверхности звезды справа налево проходит огромное веко.

- В тысячу раз.

Шимп назвал их «хроматофоры». Но они открываются и закрываются не все сразу. Затемнение перемещается по мембране волнами. В голове выскакивает термин: «задержка».

- Шимп, эти пигментные волны... С какой скоростью они перемещаются?

- Примерно пятьдесят девять тысяч километров в секунду. Скорость прохождения сигнала по нервам. Скорость мысли.

И если эта штука думает, то у нее есть логические элементы, синапсы... то она представляет собой какого-то рода сеть. И если она достаточно большая, то в ее центре обретается «эго». Как у меня, как у Дикса. Даже как у шимпа. (Вот почему я занималась самообразованием по этой теме - в ранние бурные дни наших отношений. Знай своего врага, и все такое.)

Хитрость насчет «эго» вот в чем: оно может существовать лишь в пределах одной десятой секунды от всех своих частей. Когда нас размазывают слишком тонко, когда кто-нибудь расщепляет ваш мозг посередине, скажем, перерезает толстую нейронную трубу, и половинкам мозга приходится общаться длинным обходным путем; когда нейронная архитектура расплывается за некую критическую точку, а сигналу на прохождение из точки А в точку Б требуется намного больше времени, - то наша система... как бы это назвать... декогерирует. Две половинки вашего мозга становятся разными людьми с разными вкусами, разными целями, разными самоощущениями.

«Я» разбивается на «мы».

И это правило распространяется не только на людей, или на млекопитающих, или на всех живых существ на Земле. Это правило относится к любой схеме, обрабатывающей информацию, и оно столь же применимо к существам, которых нам только предстоит встретить, как и к тем, кого мы уже оставили позади.

Пятьдесят девять тысяч километров в секунду, как сказал шимп. Насколько далеко может переместиться сигнал по такой мембране за десятую долю секунды? Насколько тонко это «я» размазано по небесам?

Плоть огромна, плоть невообразима. Но дух...

Черт!

- Шимп, исходя из средней плотности нейронов в человеческом мозге, рассчитай количество синапсов в сферической пленке нейронов толщиной один миллиметр и диаметром 5892 километра.

- Два, умноженное на десять в двадцать седьмой степени.

Я запрашиваю базу данных, какова проекция разума, растянутого по площади в тридцать миллионов квадратных километров: два квадрильона*¹³ человеческих мозгов.

Конечно, та материя, которую эта штукавина использует в качестве нейронов, должна быть упакована гораздо менее плотно, чем у нас в головах. Давайте будем сверхконсервативны и предположим, что она обладает лишь одной тысячной вычислительной способности человеческого мозга. Это будет...

Ладно, пусть у нее будет лишь одна десятитысячная от нашей плотности синапсов, и получается...

Одна сотысячная. Это самый жиденький туман из мыслящего мяса. Если сделать еще меньше, моя гипотеза совсем потеряет право на

¹³ * *Есть два варианта квадрильона: математический - миллион в четвертой степени (единица с 24 нулями) и американский - тысяча в пятой степени (единица с 15 нулями). Поскольку автор американец, логично предположить, что он имел в виду второе.*

существование.

Но и при таком допущении все равно получается двадцать миллиардов мозгов.

Двадцать миллиардов.

Даже не знаю, что и подумать. Это не просто инопланетянин.

Но я еще не совсем готова поверить в богов.

* * *

Я сворачиваю за угол и натываюсь на Дикса, стоящего, наподобие голема, посреди моей гостиной. Я подскакиваю на метр.

- Какого черта ты здесь делаешь?

Кажется, он удивлен моей реакцией.

- Хотел... поговорить, - отвечает он после паузы.

- Никогда не заходи к кому-либо домой без приглашения!

Он отступает на шаг, бормочет, запинаясь:

- Хотел... хотел...

- Поговорить. И это надо делать в публичном месте. На мостике, или в кают-компании, или... если на то пошло, ты мог со мной просто связаться.

- Но ты сказала, - нерешительно оправдывается он, - что хочешь разговаривать лицом к лицу. Сказала, что это культурная традиция.

Да, говорила. Но только не здесь. Это мой дом, мои личные владения. Отсутствие замков в дверях - это мера безопасности, а не приглашение войти в мой дом, и поджидать меня, и стоять тут, как какая-то мебель...

- И вообще, почему ты не спишь? - рявкаю я. - Нам еще два месяца не было смысла просыпаться.

- Попросил шимпа разбудить меня, когда ты проснешься.

Проклятая машина...

- А ты почему не спишь? - спрашивает он, не собираясь уходить.

Я вздыхаю, мысленно признаю свое поражение и изобретаю подходящее оправдание:

- Просто хотела разобраться с предварительными данными. - Подразумеваемое «одна» должно быть очевидным.

- Выяснила что-нибудь?

Очевидно: нет. Я решаю еще немного потянуть время.

- Похоже, мы разговариваем с... назовем его Островом. Диаметром почти шесть тысяч километров. Во всяком случае, такова его мыслящая часть. Окружающая его мембрана почти пуста. То есть все это живое. Оно способно к фотосинтезу или к чему-то подобному. Думаю, оно питается. Только не знаю чем.

- Молекулярное облако, - предполагает Дикс. - Повсюду органические

соединения. Кроме того, оно концентрирует вещество внутри оболочки.

Я пожимаю плечами:

- Вообще-то, у мозга есть предельный размер, но эта штукавина огромная, и такое...

- Маловероятно, - бормочет он почти себе под нос.

Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него. Мое настроение резко меняется.

- Что ты имеешь в виду?

- Площадь Острова двадцать восемь миллионов квадратных километров? А площадь всей сферы семь квинтиллионов. И Остров случайно оказался между нами и звездой, тогда вероятность такого - один к пятидесяти миллиардам.

- Продолжай.

- Э-э... такое просто невероятно.

Я закрываю глаза.

- Как ты можешь быть и настолько умным, чтобы мгновенно делать в голове подобные вычисления, и настолько тупым, чтобы не видеть очевидных выводов?

Опять этот панический взгляд животного на бойне:

- Не видеть... Я не...

- Это действительно невероятно. Астрономически невероятно, что мы случайно увидели единственное разумное пятно на сфере диаметром полторы астрономические единицы. А это значит...

Он молчит. Меня смешит недоумение на его лице. Мне хочется его ударить.

Наконец на нем вспыхивает догадка:

- Значит... там не один Остров! Ого! Там много Островов!

И это существо - член нашей команды. Когда-нибудь от него почти наверняка будет зависеть моя жизнь.

Кстати, страшная мысль. И я стараюсь пока о ней забыть.

- Наверное, там целая популяция таких существ, разбросанных по всей мембране, наподобие цист. Шимп не знает, сколько именно, но мы принимаем сигнал только от одного. Значит, они могут быть далеко друг от друга.

Он снова хмурится, но теперь уже как-то иначе:

- Почему шимп?

- Ты о чем?

- Почему ты называешь его шимп?

- Мы называем его шимп. - Потому что первый шаг, чтобы очеловечить что-то, - дать ему имя.

- Я справлялся. Это сокращение от «шимпанзе». Глупое животное.

- А по-моему, шимпанзе считались довольно умными, - вспоминаю я.

- Но не такими, как мы. Они даже не умели говорить. А шимп может говорить. И он намного умнее тех животных. Такое имя - оскорбление.

- А тебе-то какое дело?

Он лишь смотрит в ответ. Я развожу руки.

- Ладно, он не шимп. Мы так зовем его, потому что у него примерно такое же количество синапсов.

- Значит, вы дали ему маленький мозг, а потом все время жалуетесь на его тупость?

Мое терпение вот-вот кончится.

- Тебе есть что сказать или ты лишь бессмысленно выделяешь углекислый газ?..

- Почему его не сделали умнее?

- Потому что нельзя предсказать поведение системы более сложной, чем ты сам. И если ты хочешь, чтобы проект остался на рельсах и после того, как тебя не станет, ты не вручишь бразды правления тому, у кого гарантированно появятся собственные планы. - Боже праведный, неужели никто не удосужился рассказать ему о законе Эшби? *¹⁴

- Значит, его подвергли лоботомии, - сказал Дикс, чуть помолчав.

- Нет. Его не сделали тупым. Его создали тупым.

- Может быть, умнее, чем ты думаешь. Ты настолько умнее, у тебя свои планы, так как вышло, что он все еще контролирует ситуацию?

- Не льсти себе, - бросаю я.

- Что?

Я позволяю себе мрачно улыбнуться:

- Ты лишь выполняешь приказы нескольких других систем, намного более сложных, чем ты. - Надо отдать должное и им: хотя они и мертвы уже миллионы лет, эти проклятые админы проекта все еще дергают за веревочки.

- Ничего не понимаю... Я выполняю?..

- Извини, дорогой. - Я мило улыбаюсь своему идиоту-отпрыску. - Я не с тобой разговариваю. А с тварью, которая заставляет все эти звуки исходить из твоего рта.

Дикс становится блее моего нижнего белья. Я отбрасываю притворство:

- Ты что себе вообразил, шимп? Что ты сможешь послать этого щенка вторгнуться в мой дом, а я этого не замечу?

- Нет... это я, - бормочет Дикс. - Это я говорю.

- Он тебя натаскивает. Ты хотя бы знаешь, что такое «лоботомия»? -

¹⁴ * Закон Эшби (закон необходимого разнообразия). Сформулирован Уильямом Россом Эшби (William Ross Ashby, 1903-1972), английским психиатром, специалистом по кибернетике, пионером в исследовании сложных систем. Одна из формулировок этого закона звучит так: «Чтобы управление системой было возможно, разнообразие управляющих действий должно быть не меньше возмущений на входе в систему».

Я с отвращением встряхиваю головой. - Ты думаешь, я забыла, как работает интерфейс, только потому что мы сожгли свои каналы прямой связи с компьютером? - На его лице начинает возникать карикатура на удивление. - О, даже не пытайся. Ты не спал и во время других строек, поэтому должен это знать. И ты осведомлен, что мы отключили и интерфейсы в своих каютах, иначе не пришел бы шпионить. И твой господин и повелитель ничего не может с этим поделать, потому что нуждается в нас, и поэтому мы достигли состояния, которое можно назвать договоренностью.

Я не кричу. Тон у меня ледяной, но голос ровный. И все же Дикс почти съеживается.

Я понимаю, что тут для меня открывается некая возможность. Я слегка оттаиваю и мягко произношу:

- Знаешь, ты ведь тоже можешь это сделать. Сожги свой линк. Я даже разрешу тебе заглянуть сюда потом, если захочешь. Просто поговорить. Но только не с этой штукой в голове.

На его лице паника, и, против всех ожиданий, это едва не разбивает мне сердце.

- Не могу, - умоляюще бормочет он. - Как я буду что-то узнавать, как буду учиться? Ведь наша миссия...

Я честно не знаю, кто из них говорит, поэтому отвечаю обоим:

- Нашу миссию можно выполнять разными способами. И у нас более чем достаточно времени, чтобы испробовать все. А Дикса я буду рада видеть, когда он окажется один.

Они делают шаг ко мне. Еще шаг. Рука, подрагивая, протягивается вперед, а на кособоком лице появляется непонятное выражение.

- Но я твой сын, - говорят они. Я даже не снисхожу до отрицания.

- Убирайтесь из моего дома!

* * *

Человек-перископ. Троянский Дикс. Это что-то новое.

Прежде, в периоды нашего бодрствования, шимп никогда не осмеливался на такое проникновение. Обычно он ждал, пока мы все уснем, и лишь потом вторгался на наши территории. Я представляю специально изготовленных роботов, которых никогда не видели глаза человека, собранных в долгие темные тысячелетия между стройками. Вижу, как они перетряхивают выдвижные ящички и шарят за зеркалами, просвечивают переборки рентгеном и ультразвуком. Терпеливо, миллиметр за миллиметром, обыскивают катакомбы «Эриофоры» в поисках любых секретов, которые мы могли бы послать друг другу сквозь время.

Прямых доказательств этому нет. Мы оставляли индикаторные

проводки и разные сигнальные штучки, чтобы предупредить о возможном проникновении, однако нет признаков, что к ним прикасались. Хотя это, конечно, ничего не значит. Может, шимп и тупой, но он еще и коварный, а миллиона лет более чем достаточно, чтобы перепробовать все способы слежки, используя незамысловатую грубую силу. Задokumentировать каждую пылинку, совершить свои безобразия, а потом вернуть все на исходные места.

Мы слишком умны, чтобы рисковать и обмениваться посланиями во времени. Никаких зашифрованных стратегий, любовных писем или болтливых открыток с космическими видами. Мы держим все это в головах, куда враг не проберется. Наше неписаное правило: не разговаривать. Единственное исключение - беседы наедине.

Бесконечные идиотские игры. Я иногда почти забываю, из-за чего мы пререкаемся. Все причины кажутся такими тривиальными сейчас, когда я увидела бессмертное существо.

Может быть, для вас это ничего не значит. Бессмертие, наверное, для вас уже древняя новость. Но я даже вообразить его не могу, хотя прожила дольше многих звезд и планет. У меня есть только моменты: двести или триста лет, которые надо растянуть на срок существования Вселенной. Я могу стать свидетелем любой точки во времени (или любой из сотен тысяч), если нашу жизнь достаточно тонко - но я никогда не увижу всё. Никогда не увижу даже доли всего.

Моя жизнь закончится. Я должна *выбрать*.

Когда приходишь к полному осознанию заключенной сделки - после десяти или пятнадцати строек, когда совершенный обмен покидает пределы только лишь знания и глубоко, как раковая опухоль, проникает тебе в кости, - становишься скрягой. Ты ничего не можешь с этим поделать. Моменты бодрствования ты сводишь к жесточайшему минимуму: только-только чтобы хватило для завершения стройки, спланировать очередной ответный ход против шимпа - совсем чуть-чуть (если ты еще не лишился потребности в человеческом контакте) на секс, объятия и толику человеческого комфорта на фоне бесконечной темноты за бортом. А потом ты торопишься обратно в склеп, чтобы сохранить остатки человеческой жизни в этом расширяющемся космосе.

У нас было время на образование - для сотни университетских дипломов благодаря лучшей обучающей технике. Я никогда этим не утруждалась. Зачем жечь тонкую свечку моей судьбы ради простого набора фактов, транжирить мою драгоценную, бесконечную и такую короткую жизнь? Только глупец обменяет книжные премудрости на зрелище остатков сверхновой в Кассиопее; пусть даже для того, чтобы увидеть эту чертову туманность, нужно провести обработку ее изображения в условных цветах.

Но теперь... теперь я хочу знать. Это существо, взывающее к нам

через пустоту, массивное, как луна, широкое, как звездная система, хрупкое, как крылышко насекомого; я с радостью потрачу часть своей жизни, чтобы узнать его секреты. Как все это работает? Как оно вообще способно жить здесь, на грани абсолютного нуля - и все-таки мыслить? Каким огромным, непостижимым интеллектом оно должно обладать, чтобы увидеть наше приближение за половину светового года, догадаться об особенностях нашего зрения и приборов и послать сигнал, который мы сможем увидеть, а может, и понять?

И что произойдет, если мы пронзим его на скорости в одну пятую от скорости света?

Перед тем как отправиться спать, я просматриваю результаты последних наблюдений, и ответ прежний: почти ничего. Чертова штукавина и так полна дырок. Кометы, астероиды, обычный протопланетный мусор носятся по этой системе, как и по любой другой. Снимки в инфракрасном диапазоне показывают участки медленной дегазации по всему периметру, где более плотные внутренние газы вытекают в жесткий наружный вакуум. Даже если мы пробьем самый центр мыслящего участка, то вряд ли это огромное существо ощутит нечто сильнее булавочного укола. При нашей скорости мы пробьем тонкую миллиметровую мембрану и умчимся дальше, даже не почувствовав ее сопротивления.

И все же. *Стоп. Стоп. Стоп.*

Остановиться, конечно, нужно не нам. Остановить надо то, что мы строим. Рождение портала происходит яростно и болезненно, как нечто вроде насилия над пространством-временем, при этом выделяется количество гамма- и рентгеновских лучей, сравнимое с микроквазаром. Любое живое существо в пределах белой зоны мгновенно превращается в пепел, даже если было защищено экраном. Вот почему мы никогда не притормаживаем, чтобы сделать снимки.

Во всяком случае, это одна из причин.

Мы не можем остановиться, разумеется. Даже изменение курса почти невозможно, разве что на малейшую долю градуса. «Эри» орлом парит среди звезд, но слушается управления, как свинья на коротком поводке: если изменить курс хотя бы на десятую долю градуса, то при 20 процентах скорости света не избежать серьезных повреждений. А половина градуса и вовсе разорвет нас на части: корабль еще сможет повернуться в новом направлении, но коллапсированная масса в его брюхе полетит прежним курсом и пронзит все окружающие ее структуры, даже не заметив их.

Даже прирученные сингулярности обладают собственным характером. Они плохо воспринимают перемены.

Мы воскресаем снова, а Остров меняет сигнал.

Он перестал просить *стоп, стоп, стоп*, едва луч нашего лазера коснулся его передней кромки. Теперь он говорит нечто совершенно другое: по его коже ползут темные черточки, пигментные стрелочки сходятся в направлении внешней фокальной точки, подобно спицам, указывающим на ось колеса. Сама эта точка, расположенная далеко от звезды на заднем фоне, легко вычислялась экстраполяцией стрелок до точки их пересечения в шести световых секундах справа от нас. Было и еще кое-что: тень, примерно круглой формы, ползущая вдоль одной из «спиц», подобно бусине на нитке. Она тоже перемещалась вправо, срывалась с края импровизированного дисплея Острова и бесконечно возрождалась в прежних начальных координатах, чтобы повторить путешествие.

Эти координаты в точности там, где наша текущая траектория пронзит мембрану через четыре месяца. Прищурившийся бог сможет разглядеть на другой стороне кусочки и балки строящегося сооружения - детали огромного тороидного обруча Хокинга, уже принимающего форму.

Послание настолько очевидно, что даже Дикс его видит.

- Хочет, чтобы мы переместили портал... - В его голосе пробивается нечто вроде замешательства. - Но откуда оно знает, что мы его строим?

- Фоны пронзили его по пути к точке сборки, - отмечает шимп. - Оно могло их почувствовать. У него есть фотопигменты. Возможно, оно способно видеть.

- И возможно, оно видит лучше нас, - замечаю я. Даже такая простая, вещь, как камера-обскура, станет прибором, дающим картинку с высоким разрешением, если совместить изображения множества таких камер, разбросанных по площади в тридцать миллионов квадратных километров.

Но Дикс кривится - я его не убедила.

- Ну и что с того, если оно видит кучку работающих фонов. Там лишь набор деталей, и большая часть еще даже не собрана. Откуда оно знает, что мы строим нечто... горячее?

Потому что оно очень-очень умное, глупый ты ребенок. Трудно поверить, что этот организм (хотя «организм», похоже, слишком куцее слово) способен просто-напросто вообразить, как будут соединены эти полуготовые куски. Посмотреть на наши камешки и палочки и точно понять, что из них получится после сборки.

- Может быть, это уже не первые ворота, которые оно видит? - предполагает Дикс. - И там уже есть другие?

Я качаю головой:

- Нет, иначе мы бы уже увидели фокусирующие артефакты.

- А вы когда-нибудь уже натыкались на другие порталы?

- Нет. - Мы всегда были одни, все эти тысячелетия. И мы всегда только мчимся дальше.

А потом всегда сбегает от собственных детей. Я провожу кое-какие подсчеты.

- До осеменения сто восемьдесят два дня. Если начнем действовать немедленно, то нужно будет изменить курс лишь на несколько микрон, чтобы выйти к новым координатам. Все будет в пределах допусков. Но чем дольше мы будем ждать, тем круче придется сворачивать.

- Мы не можем это сделать, - возражает шимп. - Мы пролетим в двух миллионах километров от портала.

- Так перемести портал. Передвинь всю чертову стройку. Перемести обогатительные установки, заводы и астероиды, которые они перерабатывают. Скорости около двухсот метров в секунду более чем хватит, если мы пошлем приказ сейчас. Не нужно будет даже приостанавливать строительство, мы и дальше можем вести стройку «на лету».

- Любой из этих векторов расширит доверительную границу проекта. Это повысит риск ошибки и выведет его за допустимые пределы, не дав никакого выигрыша.

- А как насчет того факта, что у нас прямо по курсу разумное существо?

- Я уже учел в расчетах потенциальное присутствие разумной инопланетной жизни.

- Ладно, во-первых, тут нет ничего *потенциального*. Эта разумная жизнь уже здесь. И при нашем нынешнем курсе мы проткнем это существо насквозь.

- Мы остаемся в стороне от всех планетных тел, находящихся на орбитах в пределах обитаемой зоны вокруг звезды. Мы не видели в этой системе никаких признаков космических технологий. Текущее расположение стройки отвечает всем критериям сохранения.

- Это потому что те, кто разрабатывал для тебя критерии, не могли представить живую сферу Дайсона!^{*15} - Но я лишь напрасно сотрясаю воздух - и знаю это. Шимп может просчитывать уравнения миллион раз, но если в них некуда вставить нужную переменную величину, то какой в этом толк?

Было время, еще до того как у нас начались конфликты с шимпом, когда нам разрешалось перепрограммировать эти параметры. До того

¹⁵ * *Гипотетический астроинженерный проект Фримена Дайсона, представляющий собой относительно тонкую сферическую оболочку большого радиуса (порядка радиуса планетных орбит) со звездой в центре. Фримен Дайсон (род. в 1923) - американский физик-теоретик английского происхождения.*

как мы обнаружили, что админы предвидели и такую вещь, как мятеж.

Я пробую другую тактику:

- Оцени потенциал угрозы.

- Нет никаких признаков любой угрозы.

- Взгляни на оценку количества синапсов! Да у этого существа вычислительная мощность на несколько порядков выше, чем у всей цивилизации, пославшей нас сюда. И ты думаешь, что кто-то может быть настолько умным, жить так долго и не научиться при этом защищаться? Мы предполагаем, что оно просит нас переместить портал. А что если это не просьба? Что если оно лишь дает нам шанс пойти на попятный, пока оно не взяло ситуацию в свои руки?

- У него нет рук, - заявляет сидящий напротив меня Дикс. И это даже не дерзость. Иногда он бывает настолько тупой, что мне хочется его избить.

- Может быть, ему и не нужны руки? - возражаю я, стараясь не повышать голос.

- И что оно тогда может? Заморгать нас до смерти? Оружия нет. Оно не в состоянии даже управлять всей мембраной. Слишком мала скорость распространения сигнала.

- Мы не знаем! Вот что я хочу вам вдолбить. Мы даже не пытались что-то выяснить. Мы всего-навсего дорожная бригада, мы присутствуем на месте стройки в виде группы строительных роботов, переделанных для научного исследования. Мы можем выяснить некоторые базовые физические параметры, но не знаем, как это существо думает, какими естественными способами защиты может обладать...

- Что тебе необходимо выяснить? - спрашивает шимп, демонстрируя спокойную рассудительность.

Мы уже не можем выяснить! - хочется заорать мне. У нас есть только то, что мы сейчас знаем! К тому времени, когда фоны на стройке смогут изготовить то, что нам нужно, мы уже пройдем точку необратимости! Пойми наконец, тупая машина, что мы скоро убьем существо, которое умнее всей человеческой истории, а тебе лениво хотя бы переместить нашу трассу на свободное место по соседству?

Но, разумеется, если я это скажу, то шанс Острова на выживание упадет от низкого до нулевого. Поэтому я хватаюсь за единственную оставшуюся соломинку: возможно, достаточно уже имеющихся данных. Если собрать новые не получится, то, может быть, задачу решит анализ?

- Мне нужно время, - говорю я.

- Конечно, - соглашается шимп. -- Бери столько времени, сколько нужно.

* * *

Шимпу мало просто убить это существо. Шимп хочет на него еще и плюнуть.

Под предлогом помощи в моем исследовании он пытается вскрыть противоречия Острова, разобрать его на части и заставить их соответствовать притянутым за уши земным прецедентам. Он рассказывает мне о земной бактерии, которая благоденствует при радиационном фоне в 1,5 миллиона рад и смеется над космическим вакуумом. Показывает фотографии неубиваемых малюток-тихоходок^{*16}, способных свернуться калачиком и заснуть на границе абсолютного нуля, чувствующих себя как дома и в глубоководных океанских разломах, и в космосе. При наличии времени, возможности и первоначального толчка кто знает, насколько далеко смогли бы зайти эти симпатичные маленькие беспозвоночные? Разве не могли они пережить смерть родной планеты, сцепиться, превратиться в существа, живущие колониями? Какая чепуха.

Я пытаюсь узнать все, что могу. Я изучаю алхимию, с помощью которой фотосинтез превращает свет, газ и электроны в живую ткань. Я изучаю физику солнечного ветра, который надувает пузырь, вычисляю нижние уровни метаболизма для формы жизни, фильтрующей органику из космического эфира. Я восхищаюсь скоростью мыслей этого существа: они мчатся по мембране почти так же быстро, как летит «Эри», что на несколько порядков выше скорости нервных импульсов любого млекопитающего. Наверное, тут есть какие-то органические сверхпроводники - нечто такое, что перебрасывает почти без сопротивления замороженные в космической бездне электроны.

Я знакоюсь с фенотипической пластичностью и нечеткой приспособляемостью - этой основанной на случайностях эволюционной особенностью, позволяющей видам существовать в чужой окружающей среде и проявлять новые черты, которые им никогда не требовались дома. Возможно, именно за счет этого форма жизни, не имеющая естественных врагов, может обзавестись зубами, когтями и готовностью пустить их в ход. Жизнь Острова зависит от его способности убить нас, и я должна отыскать нечто, что делает его угрозой.

Но нахожу лишь нарастающее подозрение, что обречена на неудачу - ибо насилие, как я начинаю понимать, есть феномен планетарный. Планеты - жестокие родители эволюции. Сама их поверхность благоприятствует войнам, концентрации ресурсов в плотно

¹⁶ * *Хотите взглянуть на это чудо? Тогда вам сюда: infuture.ru/article/11104.*

защищенные участки, которые можно завоевать. Сила притяжения вынуждает транжирить энергию на сосудистые системы и скелетные опоры, вести бесконечную оборону против ее попыток расплющить тебя в блин. Сделай один неправильный шаг, спрыгни с чуть более высокого насеста, и вся твоя драгоценная архитектура мгновенно разобьется вдребезги. И даже если тебе повезет в этой борьбе и ты сможешь обзавестись каким-нибудь неуклюжим бронированным каркасом, чтобы выдержать медленное выползание на берег, то долго ли придется ждать, пока планета не притянет какой-нибудь астероид или комету, который рухнет с небес и обнулит твои часы? Стоит ли удивляться нашим убеждениям, что жизнь есть борьба, что нулевая сумма*¹⁷ была законом Божьим и что будущее принадлежало тем, кто раздавил конкурентов?

Здесь правила совершенно иные. Большая часть космоса спокойна: ни дневных или сезонных циклов, ни ледниковых периодов или глобальных тропиков, ни широких размахов маятника между жарой или холодом, спокойствием или буйством. Предшественники жизни здесь в изобилии: в кометах, на поверхности астероидов, в туманностях, размазанных на сотни световых лет. Молекулярные облака светятся органической химией и жизнетворной радиацией. Их огромные пыльные крылья теплеют в инфракрасных лучах, отфильтровывают жесткое излучение, создают звездные ясли, которые лишь чахлый беженец со дна гравитационного колодца способен назвать смертоносной средой.

Дарвин здесь превращается в абстракцию, некий курьез. Этот Остров обращает в ложь все, что нам когда-либо говорили о механизме жизни. Питаемая солнечной энергией, идеально адаптированная, бессмертная, она не ведет борьбу за существование: где здесь хищники, конкуренты, паразиты? Вся жизнь вокруг этой звезды есть один огромный континуум, один великий акт симбиоза. Природа лишена окровавленных клыков и когтей. Здесь она стала рукой помощи.

Лишенный способностей к насилию, Остров пережил планеты. Не обремененный технологиями, он стал умнее цивилизаций. Он неизмеримо разумнее нас, и он... добрый. Он должен таким быть. С каждым часом я все больше в этом уверена. Как он вообще может представить, что такое враг?

Я вспоминаю, как обзывала его, пока не узнала больше. Мясной пузырь. Циста. Теперь такие слова для меня граничат со святотатством. Я никогда их больше не произнесу.

Кстати, есть и другое выражение, которое подойдет еще точнее, если

¹⁷ * Речь идет об играх, в которых проигрыши и выигрыши участников в сумме дают нуль.

шимп добьется своего, - убийство на дороге. И чем дольше я смотрю, тем больше боюсь, что проклятая машина права.

Если Остров и способен защищаться, то я не вижу, как именно.

* * *

- Знаешь, «Эриофора» невозможна. Она нарушает законы физики.

Мы сидим в одном из альковов для общения, чуть в стороне от «брюшного хребта» корабля - перерыв после библиотеки. Я решила начать еще раз с основных принципов. Дикс смотрит на меня с понятной смесью недоверия и смущения: мое утверждение почти настолько глупо, что не заслуживает отрицания.

- Это правда, - заверяю я. - Для разгона корабля с такой массой, как у «Эри», особенно для релятивистских скоростей, необходимо слишком много энергии. Примерно как мощность звезды. Люди рассчитали, что если мы вообще когда-нибудь отправимся к звездам, то придется лететь на корабле размером с твой палец. С экипажем из виртуальных личностей, записанных в чипы.

Это звучит бессмысленно даже для Дикса.

- Неправильно. Если нет массы, то нельзя и падать в любом направлении. «Эри» не смог бы даже лететь, будь он настолько маленьким.

- Но предположим, что ты не можешь переместить любую часть этой массы. Нет ни «червоточин», ни туннелей Хиггса - ничего, что могло бы перебросить твое гравитационное поле в направлении полета. Твой центр массы просто сидит... в центре твоей массы.

Дикс дергает головой:

- Но у нас все это есть!

- Конечно, есть. Но очень долго мы этого не знали.

Его нога нервно постукивает по палубе.

- Это история нашего вида, - поясняю я. - Мы думаем, что во всем разобрались, что разгадали все тайны, а потом кто-то натывается на фактик, не укладывающийся в парадигму. И всякий раз, когда мы пытаемся заклеить трещину, она становится шире, и не успеваем мы опомниться, как все прежние взгляды на мир рушатся. Такое случалось неоднократно. Сегодня масса является ограничением, завтра - необходимостью. Все, что мы считаем известным, меняется, Дикс. И мы вынуждены меняться вместе с ним.

- Но...

- Шимп меняться не может. Правилам, которым он следует, уже десять миллиардов лет, а воображения у него нет совсем, но в этом никто не виноват, просто люди не знали, как иначе поддерживать стабильность нашей миссии длительное время. Они хотели, чтобы все

работало, поэтому построили нечто такое, что не может свернуть с заданного пути. Но они также знали, что все меняется, и именно поэтому здесь находимся мы, Дикс. Чтобы решать те проблемы, которые шимп решить не может.

- Чужой, - говорит Дикс.

- Чужой.

- Шимп решит эту проблему.

- Как? Убив его?

- Мы не виноваты, что он оказался у нас на пути.

- Это живое существо, разумное, и убить его только ради расширения империи каких-то инопланетян...

- Человеческой империи. Нашей империи. - Руки Дикса вдруг перестают подергиваться, он встает и замирает с каменной неподвижностью.

- Да что ты можешь знать о людях? - спрашиваю я.

- Я тоже человек!

- Ты долбаный трилобит. Когда-нибудь видел, кто выходит из тех порталов, как только мы их подключаем к сети?

- Обычно никто. - Он замолкает, вспоминая. - Пару раз... однажды вроде бы вышли корабли.

- Так вот, я видела намного больше твоего, и уж поверь, если эти существа и были когда-то людьми, то для них это была переходная фаза.

- Но...

- Дикс... - Я делаю глубокий вдох, пытаюсь вернуться к тому, что хотела сказать. - Послушай, это не твоя вина. Вся информация ты получаешь от идиота, застрявшего на рельсах. Но мы делаем это не для человечества, не для Земли. Земли больше нет, хоть это ты можешь понять?! Солнце сожгло ее дотла через миллиард лет после нашего отлета. И те, на кого мы работаем, они даже разговаривать с нами не будут.

- Да? Тогда зачем мы это делаем? Почему бы нам не... отказаться?

Он действительно не знает.

- Мы пытались, - говорю я.

- И что же?..

- Но твой шимп отключил систему жизнеобеспечения.

Надо же: сейчас ему нечего ответить.

- Это машина, Дикс. Неужели ты не способен это понять? Он запрограммирован. Он не может измениться.

- Мы тоже машины. Только сделаны из других материалов. Мы запрограммированы. Но мы меняемся.

- Неужели? Когда я в последний раз проверяла, ты настолько присосался к титьке этой обезьяны, что не мог даже отключить свой мозговой линк.

- Но так я учусь! И у меня нет причины это менять.

- А как насчет того, чтобы вести себя как человек, хотя бы изредка? Достигнуть хотя бы небольшого взаимопонимания с людьми, которые могут спасти твою жалкую жизнь, когда ты в следующий раз выйдешь из корабля? Это для тебя достаточная причина? Ведь даже я тебе не доверяю! Я и сейчас точно не знаю, с кем разговариваю.

- Это не моя вина. - Я впервые вижу на его лице нечто иное, чем обычная гамма страха, смущения и бесхитростных расчетов. - Виноваты вы, все вы. Вы говорите криво. Думаете криво. И это больно. - В его лице что-то затвердело. - Вы мне даже не были нужны для дела, - со злостью процедил он. - Я вас не хотел. Мог бы и сам руководить стройкой, сказать шимпу, что могу это сделать...

- Но шимп решил, что тебе все равно следует меня разбудить, а ты всегда ложился под него, не так ли? Потому что шимп всегда знает, что лучше, шимп - твой босс, шимп - твой бог. И поэтому мне приходится вылезать из койки, чтобы нянчиться с гениальным идиотом, который и поздороваться в ответ не сумеет, если ему не показать, как это делается. - Что-то щелкает в глубине моего сознания, но я уже не могу остановиться. - Ты хочешь настоящую ролевую модель? Хочешь образец для уважения? Забудь шимпа. Забудь миссию. Взгляни в носовой телескоп, почему бы тебе не взглянуть? Посмотри на то, что твой драгоценный шимп хочет переехать только потому, что оно оказалось у нас на пути! Это существо лучше нас. Оно умнее, оно миролюбиво, оно не желает нам зла...

- Как ты можешь это знать? Откуда?

- Нет, это ты не можешь этого знать, потому что тебя оболванили! Любой нормальный пещерный человек увидел бы это за секунду.

- Безумие! - шипит в ответ Дикс. - Ты сумасшедшая. Ты плохая.

- Это я плохая?! - Сознание машинально отмечает, что мой голос срывается на истерическую ноту.

- Для миссии.

Дикс поворачивается и уходит.

У меня болят руки. Я смотрю на них с удивлением: кулаки сжаты так, что ногти впились в ладони. Требуется усилие, чтобы разжать пальцы.

Я почти вспомнила эти чувства. Я испытывала их все время. Давно, когда все имело значение. До того как страсть угасла до ритуала, а ярость не остыла до презрения. До того как Санди Азмандин, воин вечности, накинулась с оскорблениями на оболваненных детей.

Мы тогда были горячие и пылкие. Некоторые части корабля все еще опалены и необитаемы, даже сейчас. Я помню это чувство.

Так себя чувствуешь, когда не спишь.

Я не сплю, я одинока, и меня тошнит от того, что меня окружают идиоты. Есть правила, и есть риски, и мертвецов не оживляют по чьей-то прихоти, но в гробу я видела эти правила. Я вызываю подкрепление.

У Дикса должны быть и другие родители, как минимум отец - ведь свою игрек-хромосому от получил не от меня. Я подавляю волнение и проверяю судовой манифест, вывожу базу генных последовательностей и запускаю поиск перекрестных ссылок.

Ха! Еще только один родитель - Кай. Хотела бы я знать: это лишь совпадение или шимп сделал чересчур много выводов из нашего краткого, но страстного «фестиваля» в окрестностях созвездия Лебеда? Неважно. Дикс такой же твой, как и мой, Кай, и пора выйти на сцену.

О, черт! Нет, только не это!

Есть правила. И есть риски.

Три стройки назад, как тут написано. Кай и Конни. И он, и она. Один шлюз заклинило, до второго слишком долгий путь вдоль корпуса корабля, а на полпути - аварийное укрытие. Они сумели в нем спрятаться, но не раньше, чем жесткая фоновая радиация начала жарить их прямо в скафандрах. Они дышали еще несколько часов - разговаривали, двигались и плакали, как будто были все еще живы, - а в это время их внутренности разваливались и истекали кровью.

В ту смену не спали еще двое, которым пришлось все это убирать. Ишмаэль и...

- Э-э... ты сказала...

- Мерзавец! - Я вскакиваю и сильно бью сына в лицо; за этой яростью стоит десятисекундное отчаяние с десятью миллионами лет отрицания. Он падает на спину, глаза распахнуты, как телескопы, на губах выступает кровь.

- Ты же сказала, что я могу к тебе прийти!.. - верещит он, отползая.

- Он же был твоим отцом, черт побери! Ты знал, ты был там! Он умер почти у тебя на глазах, а ты мне даже не сказал!

- Я...я...

- Почему ты не сказал, сволочь? Шимп велел тебе солгать, да?

- Я думал, ты знаешь! - кричит он. - Кто тебе мешал это узнать?

Моя ярость улетает, как воздух через пробоину. Обессиленная, я тяжело сажусь, утыкаюсь лицом в ладони.

- Это записано в бортовом журнале, - хнычет он. - Никто не скрывал. Как ты могла не знать?

- Могла, - угрюмо признаю я.

Я имела в виду, что не знала, но это вообще-то неудивительно. Через какое-то время в журнал перестаете заглядывать. Есть правила.

- Никогда даже не спрашивала, - негромко добавляет сын. - Ну, как у них дела...

Я поднимаю на него взгляд. Дикс смотрит на меня безумными глазами с другого конца комнаты, прижавшись спиной к стене. Он так напуган, что не решается броситься мимо меня к двери.

- Что ты здесь делаешь? - устало спрашиваю я.

У него перехватывает горло, и со второй попытки он отвечает:

- Ты сказала, что я могу вернуться. Если сожгу свой линк...

- Ты сжег свой линк?

Он сглатывает и кивает. Вытирает кровь с губ.

- А что об этом сказал шимп?

- Он сказал... оно сказала, что не возражает, - Дикс делает столь откровенную попытку подлизаться, что в тот момент я даже верю, будто он действительно не связан с шимпом.

- Значит, ты спросил разрешения? - Он послушно кивает, но я вижу правду на его лице. - Не ври, Дикс.

- Он... правда это предложил.

- Понятно.

- Чтобы мы могли поговорить.

- И о чем ты хочешь поговорить?

Он смотрит в пол и пожимает плечами.

Я встаю и подхожу к нему. Он напрягается, но я качаю головой, развожу руки.

- Все хорошо. Не бойся.

Я прислоняюсь к стене, соскальзываю вдоль нее, сажусь рядом с ним на пол.

Какое-то время мы просто сидим.

- Как все это было долго, - произношу я наконец.

Он смотрит на меня, не понимая. Что вообще означает слово «долго» здесь?

- Знаешь, говорят, что никакого альтруизма не существует, - пробую я снова.

Его глаза на мгновение становятся пустыми, затем в них мелькает паника, и я знаю, что он сейчас пытался узнать через линк определение этого слова, но ничего не вышло. Значит, мы действительно одни.

- Альтруизм, - объясняю я. - Противоположность эгоизму. Делаешь нечто такое, за что платишь сам, но это помогает кому-то еще. - Кажется, он понял. - Говорят, что каждый бескорыстный поступок в конечном итоге сводится к манипулированию, или родственному отбору, или взаимному обмену, или чему-то еще, но это не так. Я могу...

Я закрываю глаза. Это труднее, чем я ожидала.

- Я могу быть счастлива, просто зная, что у Кая все было в порядке, что Конни была счастлива. Даже если это не принесет мне и зернышка выгоды, даже если это будет мне что-то стоить, даже если не будет

шанса, что я когда-либо увижу любого из них вновь. И не жалко будет заплатить почти любую цену, лишь бы знать, что у них все было хорошо.

- Просто верить, что у них...

Значит, ты не видела ее во время последних пяти строек. Значит, он не попадал в твою смену после созвездия Стрельца. Они просто спят. Может быть, в следующий раз.

- Значит, вы не проверяете... - медленно произносит Дикс. На его нижней губе пузырится кровь; он этого не замечает.

- Мы не проверяем. - Да только я проверила, и теперь их не стало. Обоих не стало. Если не считать тех каннибализированных нуклеотидов, которые шимп переработал в моего дефектного и неприспособленного сына.

Мы единственные теплокровные существа на тысячи световых лет вокруг, а мне так одиноко.

- Прости, - шепчу я, наклоняюсь и слизываю кровь с его разбитых губ.

* * *

На Земле, когда еще существовала Земля, жили такие маленькие животные - кошки. У меня когда-то был кот. Иногда я часами наблюдала, как он спит - лапы, усы и уши у него подергивались, когда он гонялся за воображаемой добычей в том мире, который изобретал его спящий мозг.

Мой сын выглядит так же, когда шимп прокрадывается в его сны.

Метафора почти буквальная: кабель проникает в его мозг, подобно какому-то паразиту, обмениваясь теперь информацией по старомодной волоконной оптике, потому что Дикс сжег свой беспроводной линк. Или, пожалуй, занимаясь принудительным питанием - яд течет в голову Дикса, а не наоборот.

Я не должна здесь находиться. Разве не я недавно разразилась тирадой насчет вторжения в мою личную жизнь? (Недавно. Двенадцать световых дней назад. Все относительно.) И все же я не вижу, что Дикс может назвать здесь своим личным: ни украшений на стенах, ни каких-то поделок или хобби, ни видеомузикальной консоли с панорамным звуком. Вездесущие в каждом жилом помещении секс-игрушки стоят без дела на полках; я предположила бы, что он сидит на либидо-подавителях, если бы недавний опыт не доказал иное.

Что я делаю? Это что, некий извращенный материнский инстинкт, какое-то рудиментарное проявление плейстоценовой материнской подпрограммы? Неужели я настолько робот? Или мозговой ствол послал меня сюда охранять своего ребенка? Охранять своего сексуального партнера?

Любовник он или личинка, это вряд ли имеет значение: его жилище - лишь пустая раковина, здесь нет ничего от Дикса. Тут лежит только его заброшенное тело: пальцы подергиваются, глаза мечутся под опущенными веками, следя за образами, возникающими в мозге. Они не знают, что я здесь. Шимп не знает, потому что мы сожгли его подсматривающие глаза еще миллиард лет назад, а сын не знает, что я здесь, потому что... ну, потому что сейчас он не здесь.

Кого я должна из тебя сделать, Дикс? Ничего из этого не имеет смысла. Даже язык твоего тела напоминает, что тебя вырастили в Баке - но я далеко не первый человек, которого ты увидел. Ты вырос в хорошей компании, с людьми, которых я знаю, которым доверяю. Доверяла. Как же ты оказался на другой стороне? Как они позволили тебе ускользнуть?

И почему они не предупредили насчет тебя?

Да, есть правила. Есть угроза того, что враг будет наблюдать долгими и мертвыми ночами, угроза... других потерь. Но такое беспрецедентно. И уж кто-нибудь наверняка мог оставить подсказку, какой-то намек, зашифрованный в метафоре, слишком тонкой для туповатого...

Я многое бы дала, чтобы подключиться к этому каналу, увидеть то, что сейчас видишь ты. Но рисковать я, конечно, не могу - я выдам себя, как только попытаюсь вклиниться во что-либо, кроме опорного сигнала, и...

...секундочку...

Эта скорость передачи слишком низка. Ее не хватит даже для передачи графики с высоким разрешением, не говоря уже о тактильной и обонятельной информации. Ты погружен в лучшем случае в каркасный мир.

И все же, посмотри на результат. Пальцы, глаза - как у кота, которому снятся мыши и яблочные пироги. Как у меня, когда я вспоминала давно потерянные земные океаны и горы, пока не поняла, что жить в прошлом - всего лишь еще один способ умирания в настоящем. Скорость передачи говорит, что это чуть ли не тестовый сигнал, а твое тело показывает, что ты погружен в иной полноценный мир. Как же машине удалось обмануть тебя, заставив принять жидкую похлебку за деликатес?

Зачем машине вообще так поступать? Информация лучше усваивается, когда ее можно попробовать на вкус, услышать - наши мозги созданы для намного более богатых нюансов, чем сплайны^{*18} и графики рассеяния. Даже самые сухие технические инструктажи и то более чувственные. Зачем довольствоваться фигурами из палочек, если умеешь писать картины маслом и создавать голограммы?

А зачем вообще нужно что-то упрощать? Чтобы уменьшить набор

¹⁸ * Сплайн - математическое представление плавных кривых.

переменных. Чтобы управлять неуправляемым.

Кай и Конни. Вот где были два взаимосвязанных и неуправляемых набора данных. До несчастного случая. До упрощения сценария.

Кто-то должен был предупредить меня о тебе, Дикс.

Возможно, кто-то попытался.

* * *

Наступает день, когда мой сын покидает гнездо, облачается в жучиный панцирь и выходит на прогулку. Он не один - с ним на корпусе «Эри» телеуправляемый шимпом робот, который придет на помощь Диксу, если тот оступится и упадет с корабля в звездное прошлое.

Может быть, такое останется лишь тренировкой, и этот сценарий - катастрофический отказ систем управления, шимп и его резервные копии отключились, а все задачи по техобслуживанию неожиданно свалились на плечи людей - так и останется генеральной репетицией кризиса, который никогда не наступит. Но даже самый невероятный сценарий за время жизни Вселенной становится почти вероятным, вот мы его и отрабатываем. Тренируемся. Нырять наружу, затаив дыхание. Время у нас строго ограничено, даже в защитных скафандрах: при нашей скорости жесткая фоновая радиация поджарит нас за несколько часов.

Миры прожили и умерли с тех пор, как я в последний раз пользовалась коммуникатором.

- Шимп.

- Здесь, как всегда, Санди. - Голос ровный, беззаботный и дружелюбный. Легкий ритм психопата.

- Я знаю, что ты делаешь.

- Не понимаю.

- Думаешь, я не вижу, что происходит? Ты готовишь следующую смену. Старая гвардия причинила тебе слишком много хлопот, поэтому ты начал с нуля, создавая людей, которые не помнят то, что было прежде. Людей, которых ты... *упрости*.

Шимп не отвечает. Камера робота показывает Дикса, пробирающегося сквозь нагромождение базальтово-металлических композитов.

- Но ты не можешь самостоятельно вырастить ребенка. - Я знаю, что он пытался: в списке команды нет никаких упоминаний о Диксе до момента, когда он там вдруг появился уже в возрасте пятнадцати лет, и никто про него не спросил, потому что никто никогда... - Посмотри, что ты из него сделал. Он отлично справляется с задачками на условные «если - то». Мгновенно проделывает расчеты и циклические вычисления. Но он не может думать. Не способен на простейшие интуитивные прыжки. Ты уподобился одному из... - я вспоминаю

земной миф еще тех дней, когда чтение не казалось такой отвратительной и напрасной тратой жизненного срока, - одному из тех волков, что пытались вырастить человеческого ребенка. Ты можешь показать ему, как перемещаться на четвереньках или охотиться в стае, но не можешь научить, как ходить на задних конечностях, говорить или быть человеком, потому что ты слишком тупой шимп, и ты наконец-то это понял. Вот почему ты бросил его на меня. Думал, я смогу исправить твои ошибки.

Я перевожу дыхание и делаю спланированный ход:

- Но он для меня ничто. Понял? Он хуже, чем ничто, он обуза. Он шпион, напрасная трата кислорода. Назови хотя бы одну причину, почему я не должна запереть его снаружи, пока он не поджарится.

- Ты его мать, - заявляет шимп, потому что шимп, хотя и прочел все о родственном отборе, но слишком глуп, чтобы понять нюансы.

- Ты идиот.

- Ты любишь его.

- Нет. - В моей груди возникает ледяной комок. Губы произносят слова, они выходят размеренно и монотонно. - Я никого не могу любить, безмозглая ты машина. Вот почему я здесь. Или ты действительно думаешь, что они рискнули бы исходом твоей драгоценной бесконечной миссии, послав в полет стеклянных куколок, которым нужны тесные взаимные узы?

- Ты его любишь.

- Да я могу убить его в любой момент. И именно так я и поступлю, если ты не переместишь портал.

- Я тебя остановлю, - мягко предупреждает шимп.

- Это ведь так просто. Всего-навсего перемести портал, и мы оба получим то, что хотим. Или же можешь настоять на своем, но тогда попробуй согласовать твою потребность в материнском влиянии с моей твердой решимостью свернуть этому гаденышу шею. У нас впереди еще долгий полет, шимп. И ты можешь обнаружить, что меня не так легко вычеркнуть из уравнения, как Кая и Конни.

- Ты не можешь закончить миссию, - произносит он; почти нежно. - Вы это уже пытались.

- А речь идет не об окончании миссии. Лишь о ее незначительном замедлении. Твой оптимальный сценарий больше не обсуждается. Теперь портал может быть завершен только одним из двух вариантов - или ты спасаешь Остров, или я убиваю твой прототип. Твой ход.

Анализ затрат и результатов для этого предложения весьма прост. Шимп может провести его мгновенно. Однако он молчит. Молчание затягивается. Готова поспорить, он ищет какие-нибудь другие варианты. Обходной путь. Он подвергает сомнению исходные предпосылки сценария, пытаюсь решить, всерьез ли я говорила и могут ли настолько отличаться от реальности все его книжные

представления о материнской любви. Может быть, анализирует историческую статистику внутрисемейных убийств, отыскивая лазейку. И такая лазейка вполне может отыскаться. Но шимп - не я, это более простая система, пытающаяся понять более сложную, и это дает мне преимущество.

- Ты будешь мне должна, - произносит он в конце концов.

Я едва не взрываюсь от хохота:

- Что?

- Или я расскажу Диксону, что ты угрожала его убить.

- Валяй.

- Ты ведь не хочешь, чтобы он знал.

- Мне все равно, будет он знать или нет. Может, ты думаешь, что он попытается в отместку убить меня? Думаешь, я потеряю его *любовь*? - Я выделяю последнее слово, растягиваю его, чтобы показать, насколько это нелепо.

- Ты потеряешь его доверие. А здесь вам нужно доверять друг другу.

- О, конечно. Доверие! Самый что ни на есть долбаный фундамент этой миссии.

Шимп молчит.

- В плане гипотезы, - добавляю я через некоторое время, - предположим, что я соглашусь. Что именно я тебе буду должна?

- Услугу, - отвечает шимп. - Которую ты мне окажешь в будущем.

Мой сын, ни о чем не подозревая, парит на фоне звезд. Его жизнь брошена на чашу весов.

* * *

Мы спим. Шимп неохотно выполняет небольшие коррекции траекторий мириадом строительный роботов. Я устанавливаю будильник так, чтобы просыпаться каждые две недели, сжигая еще толику своей жизненной свечи - на случай, если враг попытается устроить какую-нибудь подлянку. Но сейчас он, похоже, ведет себя прилично. DHF428 прыгает нам навстречу в эти стопорные моменты жизни, нанизанные, подобно бусинам, на бесконечную нить. Производственный узел в поле зрения телескопов все больше смещается вправо: обогатительные фабрики, резервуары и заводы нанороботов - там рои «фон Нейманов» размножаются, пожирают и перерабатывают друг друга в обшивки и электронные схемы, буксиры и запчасти. Самая совершенная кроманьонская технология мутирует и пускает метастазы по всей Вселенной, подобно бронированной раковой опухоли.

И, уподобляясь занавесу между этим и нами, мерцает радужная форма жизни, хрупкая и бессмертная, немислимо чужая, которая превращает все, чего мой вид когда-либо достиг, в грязь и дерьмо

простым трансцендентным фактом своего существования. Я никогда не верила в богов, вселенское добро или абсолютное зло. Я верила только в одно: есть то, что работает, и то, что не работает. Все остальное лишь дым и зеркала, реквизит для манипулирования работягами вроде меня.

Но в Остров я верю, потому что не обязана в него верить. Его не нужно принимать на веру: он вырастает прямо по курсу, его существование - эмпирический факт. Я никогда не познаю его сознание, никогда не узнаю подробности его возникновения и эволюции. Но я могу его видеть: массивный, ошеломляющий, настолько нечеловеческий, что он просто обязан быть лучше нас, лучше всего, чем мы когда-либо можем стать.

Я верю в Остров. Я поставила на кон своего сына, чтобы спасти Острову жизнь. И я убью его, чтобы отомстить за его смерть.

Пока еще могу убить.

За все эти миллионы зря потраченных лет я наконец-то сделала нечто стоящее.

* * *

Финал приближается.

Прицельные сетки сменяются в визире одна задругой, гипнотически нацеливая перекрестье на мишень. Даже сейчас, всего за несколько минут до зажигания, расстояние уменьшает нерожденный портал до невидимости. MOMента, когда невооруженный глаз сможет увидеть цель, не будет. Мы вонзаем нить в игольное ушко слишком стремительно: оно останется позади быстрее, чем мы это осознаем.

Или, если коррекции нашего курса окажутся сбитыми хотя бы на волосок - если наша траектория длиной триллион километров отклонится более чем на тысячу метров, - мы будем мертвы. Даже не успев это понять.

Приборы показывают, что мы летим в мишень. Шимп сообщает, что мы нацелены точно. «Эриофора» падает вперед, бесконечно толкаемая сквозь пустоту своей магически смещенной массой.

Я переключаюсь на картинку, передаваемую автоматическими камерами с места стройки. Это окно в историю - даже сейчас задержка во времени составляет несколько минут, - но прошлое и будущее с каждой секундой мчатся навстречу друг другу. Новенький портал, темный и зловещий, висит на фоне звезд - огромный зияющий рот, созданный для поглощения самой реальности. Фоны, обогатительные фабрики и сборочные линии собраны в стороне вертикальными колоннами - их работа завершена, полезность выработана, всеобщее уничтожение неизбежно. Мне их почему-то жаль. Всегда жаль. Мне

хотелось бы собрать их, взять с собой, использовать на очередной стройке, но законы экономики действуют повсюду, и они гласят, что дешевле использовать инструменты один раз, а потом выбросить.

Похоже, этот закон шимп принимает ближе к сердцу, чем можно было ожидать.

По крайней мере, мы пощадили Остров. Я хотела бы остаться здесь на какое-то время. Первый контакт с действительно чужим разумом - и чем мы обменялись? Дорожными сигналами. О чем размышляет Остров, когда не умоляет пощадить его жизнь?

Я подумывала о том, чтобы об этом спросить. Проснуться, когда временная задержка уменьшится от чрезмерной до всего лишь неудобной, придумать какой-нибудь простейший язык общения, способный передать истины и философию разума, превосходящего все человечество. Какая детская фантазия. Остров существует далеко за пределами гротескных дарвиновских процессов, сформировавших мою плоть. Здесь не может быть ни общения, ни встречи разумов.

Ангелы не разговаривают с муравьями.

Меньше трех минут до зажигания. Я вижу свет в конце туннеля. Машина времени «Эри» уже почти не смотрит в прошлое, и я даже могу задержать дыхание на те оставшиеся секунды, когда «тогда» сольется с «сейчас». Все приборы показывают, что мы точно нацелены на мишень.

Тактический дисплей издает короткий писк.

- Принимаем сигнал, - сообщает Дикс. И действительно: звезда в центре Бака мерцает снова. У меня замирает сердце: неужели ангел все-таки заговорил с нами? Может быть, это его «спасибо»? Или он сообщает лекарство от тепловой смерти Вселенной?

Но...

- Оно перед нами, - шепчет Дикс, когда из-за внезапного осознания у меня перехватывает горло.

Две минуты.

- Где-то в расчетах случилась ошибка, - бормочет Дикс. - Мы сдвинули портал недостаточно далеко.

- Достаточно, - возражаю я. Мы переместили его ровно настолько, насколько просил Остров.

- Все еще перед нами! Посмотри на звезду!

- Посмотри на сигнал, - говорю я.

Потому что он совсем не похож на те скрупулезные дорожные сигналы, которым мы следовали на протяжении последних трех триллионов километров. Он почти... случайный. Хаотичный, панический... Это внезапный испуганный крик существа, застигнутого врасплох за несколько секунд до надвигающегося события. И хотя я не видела прежде эту структуру точек и завитков, я точно знаю, что она должна означать.

Стоп. Стоп. Стоп. Стоп.

Мы не останавливаемся. Нет во Вселенной такой силы, что способна нас хотя бы затормозить. Прошлое сравнивается с настоящим, и «Эриофора» за наносекунду ныряет в центр портала. Невообразимая масса ее холодного черного сердца вцепляется в какое-то далекое измерение и тащит его, вопящее, в «здесь и сейчас». Получив начальный толчок, портал извергается позади нас, расцветает огромной ослепительной короной, смертельной для любого живого существа на любой длине волны. Срабатывают наши кормовые фильтры.

Опаляющий волновой фронт преследует нас в космической темноте, как это уже происходило тысячи раз. Со временем, как всегда, родовые муки утихнут. Червоточина закрепится в воротнике портала. И может быть, мы тогда все еще будем достаточно близко, чтобы разглядеть какое-нибудь новое трансцендентное чудовище, выходящее из этой магической двери.

Интересно, заметите ли вы труп, который мы оставили позади?

* * *

- Может быть, мы что-то упустили, - предполагает Дикс.

- Да мы почти все упустили, - отвечаю я.

Свет DHF428 позади нас смещается в красную область спектра. На экране заднего обзора подмигивают оптические артефакты; портал стабилизировался, и червоточина подключилась к сети, выдувая из огромного металлического рта радужный пузырь из света, пространства и времени. Мы будем оглядываться то тех пор, пока не минуем предел Рейли^{*19}, еще долго после того, как это потеряет смысл.

Пока, однако, из портала не вышло ничего.

- Может быть, вычисления были неправильные, - говорит он. - Может быть, мы где-то ошиблись.

Расчеты были правильные. И часа не прошло, как я проверила их заново. Просто у Острова имелись враги, как я полагаю. Во всяком случае, жертвы.

Но в одном я оказалась права. Этот гад был умен. Увидеть, как мы приближаемся, догадаться, как с нами разговаривать, как использовать нас в роли оружия, превратить угрозу своему существованию в...

Пожалуй, слово «мухобойка» подойдет не хуже другого.

- Может быть, тут была война, - бормочу я. - Или ему понадобились

¹⁹ * *Предел разрешающей способности телескопа, определяемый дифракцией.*

новые территории. Или же тут просто была... семейная ссора.

- Может быть, оно не знало, - предполагает Дикс. - И полагало, что эти координаты пустые.

Почему ты так думаешь? - гадаю я. Почему тебя это вообще заботит? И тут меня озаряет: это его не волнует. Во всяком случае, волнует не Остров. Не больше, чем прежде. Он изобретает эти розовые альтернативы не для себя.

Сын пытается утешить меня.

Но я не хочу, чтобы со мной нянчились. Я была дурой: позволила себе поверить в жизнь без конфликтов, в разум без грехов. Пусть и недолго, я обитала в вымышленном мире, где в жизни нет эгоизма и манипулирования, где каждое живое существо не борется за существование ценой других жизней. Я обожествляла то, что не могла понять, когда в конце все оказалось слишком узнаваемым.

Но теперь я стала лучше.

Все уже позади: еще одна стройка, очередная веха, очередной невозполнимый кусочек жизни, которые не приближают нашу задачу к завершению. Не имеет значения, насколько мы успешны. «Миссия завершена» - бессмысленная на «Эриофоре» фраза, в лучшем случае ироничный оксюморон. Когда-нибудь у нас может случиться неудача, но финишной линии не существует. Мы будем лететь дальше вечно, ползя через Вселенную, подобно муравьям, прокладывая за собой вашу проклятую супермагистраль.

Мне все еще так много нужно узнать.

Но здесь хотя бы есть мой сын. Он меня научит.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Peter Watts. The Island. 2009. Публикуется с разрешения автора.

Сергей ШИКАРЕВ

ЗАКРОЙЩИКИ ВСЕЛЕННЫХ

«Вот так и кончится мир - не взрывом, а всхлипом». Поэтический образ Томаса Эллиота, пророчествующий судьбу Вселенной, пессимистичен. Однако ученые именно Большому взрыву отводят главную роль в происхождении всего сущего (между прочим, своим названием теория обязана астрофизику и писателю-фантасту Фреду Хойлу). Вселенная, объект вдохновения поэтов и ученых, давно уже стала гигантской игровой площадкой для

авторов фантастических романов.

Обращение фантастики к космологическим сюжетам предопределено самой природой жанра. Это понятно. «Природная склонность» к масштабным темам, протяженным во времени и пространстве, и наличие инструментария, способного работать с современными научными представлениями, привели к появлению корпуса текстов, которые условно можно обозначить как космологическую НФ.

Но прежде чем мы перейдем к обзору этого условного направления, необходимо решительно отмежеваться от произведений, к нему никакого отношения не имеющих. Еще в 1979 году в работе «Научная фантастика и космология» Станислав Лем сетовал: «Универсум писателей и универсум ученых все больше отдаляются друг от друга», - и результатом этого расхождения становятся упрощение и фальсификация научной картины мироздания в фантастических произведениях. Опасность искажения научных фактов и теорий, связанная, кстати, не только с огрехами авторов, но и с неуклонным развитием научных представлений, малозначима в сравнении с угрозой упрощения представлений о Вселенной. В результате подобной примитивизации «НФ вынуждена ставить фиктивные проблемы и предлагать их простые решения». Такая подмена «повестки дня» для НФ превращает космологические объекты - галактики, сверхновые, черные дыры - в фон, призванный потрясти воображение читателей глобальными масштабами повествования, но не более того.

Так что к космологической НФ мы относим исключительно те произведения, в которых не только объекты космологии играют сюжетообразующую роль, но и сам сюжет связан с зарождением Вселенной, ее строением и эволюцией. Конечно, мы не пытаемся объять необъятное, тем более что речь идет о Вселенной. Наша задача скромнее - всего лишь попробовать систематизировать «родственные» тексты.

* * *

Сама возможность космологической фантастики тесно связана с развитием астрономии и физики и, собственно, с появлением космологии как науки. Создание модели мироздания, раздвинувшегося от «местечковости» звездных систем до Вселенной, стало возможным с открытием Эйнштейном общей теории относительности. Вскоре работы российского ученого Александра Фридмана и наблюдения Эдвина Хаббла разрушили образ статичной и конечной Вселенной, что сделало последнюю не просто сценой, где разворачивается история

человечества, а участником (непостоянным и эволюционирующим) грандиозных событий. Одним из первых живописателей этих событий стал англичанин Олаф Стэплдон. В книге «Последние и первые люди» писатель приоткрывает близлежащее и далекое будущее, разворачивая перед читателем широкое полотно, отображающее историю человечества на протяжении двух миллиардов лет. Космология в романе играла второстепенную роль, практически не выходя за пределы одноименной главы, но уже в следующей книге «Создатель звезд» она становится центральной темой. Фантазия писателя населяет Вселенную разумными планетами - молодыми красными гигантами и старыми белыми карликами; описывает рождение туманностей и уничтожение планет. Присутствует космологическая тема и в неоконченном романе Стэплдона «Создатель туманностей».

В числе прочих предтеч космологической НФ можно назвать такие произведения, как дебютный роман Эдварда «Дока» Смита «Космический жаворонок» и рассказ «Проклятая галактика» Эдмонда Гамильтона, в котором впервые в фантастике была отображена расширяющаяся Вселенная.

* * *

Несколько особняком стоят произведения, предметом «изучения» в которых является не вся Вселенная, а лишь отдельные космологические объекты: например, черные дыры или «кротовые норы». Загадки черных дыр - центральная тема таких произведений, как «Светозарный» Пола Андерсона, «Он пал в черную дыру» Джерри Пурнелла, «Шаги в бесконечность» Владимира Михановского, «Темная душа ночи» Брайана Олдисса, «Вечный свет» Пола Макоули, «Земля» Дэвида Брина и «Врата» Фредерика Пола, который вернулся к любимейшей теме в романах «За синим горизонтом событий» и «Встреча с хичи». Упоминается эксперимент по погружению в черную дыру и в «Жуке в муравейнике» АБС. Черные дыры повинны в исчезновении Земли в романе Роджера Макбрайда Аллена «Кольцо Харона» и «гиперионском» цикле Дэна Симмонса.

А «кротовые норы», или червоточины, стали едва ли не излюбленным транспортным средством героев НФ-книг - от «Контакта» Карла Сагана до «Снежной королевы» Джоан Виндж и романов Лоис Буджолд.

Конечно, описанием существующих космологических объектов фантазия авторов не ограничилась. Штурмуют крепость дефиниций космологической НФ произведения, в центре которых астроинженерная деятельность человечества. Еще Вернадский писал о том, что разум стал силой геологического масштаба, создав ноосферу Земли. В

развитии идеи так называемая шкала Кардашова определяет несколько видов цивилизаций в зависимости от их энергопотребления: от первого типа, использующего ресурсы центральной звезды и самой планеты, до третьего, энергопотребление которого сравнимо с мощностью галактик, что является силой вполне космологических масштабов. А значит, искусственные сооружения вполне можно рассматривать как маркеры космологической НФ.

Одним из первых описал такие объекты и процесс их создания Клиффорд Саймак в дебютном романе «Космические инженеры» (хотя размышления о переустройстве небесных тел можно обнаружить и в трудах Циолковского). Вообще, ученые в фантазиях преуспели едва ли не больше писателей. Известны цилиндрические космические поселения Джерарда О'Нейла и сфера Дайсона (а похожие идеи описывал и Стэплдон), предназначенная для использования энергии звезд. В различных вариантах подобную «конструкцию» описывали в своих книгах Боб Шоу (Орбитсвилль) и Ларри Нивен (Мир-Кольцо).

Масштаб астроинженерной деятельности ограничен лишь фантазией автора. Так, «Порт каменных бурь» Генриха Альтова описывает гигантские сооружения, созданные разумными цивилизациями для путешествий по космосу. Обращался к астроинженерии в рассказах о приключениях Иона Тихого и Станислав Лем.

Однако исключительной прерогативой человечества астроинженерия не является. Огромные сооружения внеземных цивилизаций, «отправившихся на покой», встречаются у Дэвида Брина в «Береге бесконечности». Величественные монументы, затерянные на далеких планетах, являются объектами изучения космоархеологов в сериале Джека Макдевитта. Нечеловеческих рук дело - окруживший нашу планету загадочный Спин из одноименного романа Роберта Уилсона.

Развитие космологической фантастики происходило не только в пространственном, но и во временном измерении. Особое внимание писатели уделяли концу времен и гибели Вселенной. На эту конечную во всех смыслах остановку отправляются персонажи «Корабля времени» Стивена Бакстера, продолжившего «Машину времени» Уэллса, «Челна на миллион лет» Пола Андерсона, «Корабля странников» Боба Шоу и «Космы» Грегори Бенфорда. Само представление о гибели Вселенной, прежде представлявшейся вечной и неизменной, возникло как развитие идеи Большого взрыва, а точнее, динамической эволюционирующей модели - ведь всякое начало требует развития и завершения.

* * *

Новые способы заигрывания со Вселенной (и вселенными) открыла

перед фантастами квантовая механика. Одним из важных следствий - не научным, а, скорее, философским - открытия того особого значения, которое отводится наблюдению и наблюдателю в квантовой теории, стало возвращение человеку особой роли в мироздании, некоего привилегированного положения, которого он лишился, начиная с коперниковской революции.

Прямое развитие некоторые идеи и положения квантовой теории получили в цикле «Субъективная космология» одного из лидеров современной «твердой» НФ Грега Игана. В цикл входят три романа, представляющие разные версии мира по Игану: «Карантин» (единственный вышедший в переводе на русский), «Отчаяние» и «Город перестановок».

В «Отчаянии» Иган рассказывает о поисках единой Теории Всего, своего рода священного Грааля современной науки, и роли Ключевой Фигуры для объяснения космологии Вселенной. В романе блестяще описан конфликт научного и мистического мировоззрений.

Особо любима фантастами так называемая «многомировая интерпретация квантовой механики», предложенная Хью Эвереттом в середине прошлого века, которая постулирует основанное на квантовых эффектах существование непрерывного множества всех возможных состояний частиц в виде альтернативных вселенных.

Многие коллеги первоначально отнеслись к идеям Эверетта весьма скептически, другие же профессионалы по альтернативным вселенным фантастические возможности теории Эверетта оценили. Известно, что Майкл Муркок развивал концепцию своего Вечного Воителя под влиянием идей Эверетта, о которых он прочитал в «New Scientist».

Вскоре появился и специальный термин для обозначения множественных вселенных Multiverse (Мультивселенная), вошедший в обиход как в научном мире, так и в фантастическом сообществе. А в декабре 1976 года даже вышел специальный номер журнала «Analog», посвященный теории Эверетта.

Самым активным и последовательным пропагандистом «эвереттики» едва ли не во всей мировой НФ является российско-израильский фантаст и ученый Павел Амнуэль.

К идее множественности вселенных ведут разные пути. Предполагает существование других вселенных - «бран» - в многомерном пространстве теория струн. Иные вселенные со своими физическими законами могли возникнуть из того же первичного вакуума, который породил и нашу Вселенную в соответствии с инфляционной теорией.

Эти строки, более уместные в научном журнале, в статье имели бы мало смысла - не используйте писатели эти концепции в своих произведениях. Например, Стивен Бакстер объединил в цикле «Множество» идеи инфляционной теории происхождения Вселенной и эвереттовской интерпретации квантовой механики.

* * *

Разумеется, нашлись авторы, которым и целого мира мало. Освоившись в нашей Вселенной, они занялись созданием собственных - «карманных», по выражению Филипа Жозе Фармера. Именно он в этом деле выступил пионером и застрельщиком, описав искусственную вселенную Многоярусного мира, сотворенную могущественным Властелином. По мере появления продолжений цикла множилось и количество вселенных, созданных Властелинами в соответствии с собственными, весьма причудливыми вкусами (среди таких миров, например, был невероятно изменчивый Лавалитовый мир). По Фармеру, кстати, и наш мир является искусственно созданным, представляя собой сферу с диаметром, равным троекратному расстоянию от Солнца до Плутона. Вся остальная воспринимаемая вселенная, включая звезды, туманности и даже красное смещение, свидетельствующее о разбегании галактик, является лишь мистификацией. Как тут не вспомнить о странном «эффekte пионеров», заключающемся в воздействии на космические зонды, вышедшие за пределы Солнечной системы, неизвестной силы, которая нарушает их рассчитанные траектории?

Искусственная Земля с отдельной, альтернативной историей фигурирует и у Вячеслава Рыбакова в «Гравилете «Цесаревич»». Случайно созданная вселенная встречается в «Профессоре А.Донде» у Станислава Лема, который обращался к теме еще и в цикле о Трурле и Клапауции.

Создание новых миров в качестве копий или моделей первоначального образца (или даже Образца) лежит в основе «Янтарного цикла» Роджера Желязны, который высоко ценил творчество Фармера вообще и цикл о Многоярусном мире в частности. И некоторые параллели мироустройства вряд ли случайны. Впрочем, общие черты обоих сериалов в рамках нашего обзора - это удобный повод провести межевую черту между произведениями космологической фантастики и текстами, мироздание в которых основано на космогонических мифах. Если для первых важно знание строения вселенной и принципов ее формирования и эволюции, причинно-следственных связей между явлениями, то вторые удовлетворяются нарративом, историей сотворения мира, что характерно для произведений фэнтези. Вообще, можно заключить, что фэнтези и научная фантастика соотносятся между собой так же, как космогония и космология.

Особое место в ряду текстов космологической фантастики занимают произведения, в которых космология изображенная существенно отличается от космологии нашего мира. Конечно, создание таких миров, непротиворечивых и подчиняющихся не авторскому произволу, а физическим законам, пусть и отличным от тех, что действуют в нашей Вселенной, требует недюжинной научной подготовки и серьезной работы. Дополнительным препятствием является и действие так называемого антропного принципа в литературе.

Суть антропного принципа известный советский космолог Зелманов сформулировал следующим образом: «По-видимому, мы являемся свидетелями процессов определенных типов потому, что процессы других типов протекают без свидетелей». Иначе говоря, именно наблюдаемые свойства Вселенной сделали возможным существование наблюдателей. Применительно к фантастике формулировка антропного принципа звучала бы так: «Мы являемся читателями текстов, описывающих космологии определенного рода, потому что космологии иного рода описать невозможно». Действительно, задача описания абсолютно чуждой человеку вселенной художественными средствами не решается в принципе.

Однако попытки «модификации» знакомого нам мира все же предпринимались. Одна из первых - роман «Флатландия» (1884) Эдвина Эббота. Роман описывает плоский мир и его обитателей, которые (вероятно, в соответствии с антропным принципом для двухмерных существ) не в силах представить существование трехмерного пространства.

Действие трилогии Боба Шоу «Космонавты в лохмотьях» происходит в мире, где число пи равно трем. Айзек Азимов в романе «Сами боги» нарисовал картину энергетической эксплуатации параллельной вселенной, где действуют совершенно иные физические законы. А Вернор Виндж в дилогии «Пламя над бездной» и «Глубина в небе» описал анизотропную вселенную, в которой скорость распространения информации зависит от местонахождения и падает по мере приближения к центру. Хотя в этом можно увидеть и отражение традиционных, земных иерархий, на сей раз вплетенное в саму структуру пространства.

Кстати, последние экспериментальные данные установили анизотропность реликтового излучения и серьезно пошатнули устоявшиеся было представления об однородности Вселенной. Таким образом, альтернативность космологии зависит от современных научных представлений и может меняться по мере их развития.

В этой связи уместно вспомнить роман «Небо падает» Лестера дель Рея, переделанный из совместного с Фредериком Полом рассказа

«Больше никаких звезд», описывающий мир, чья космология соответствует воззрениям Аристотеля.

Сильное впечатление производит замысел нового романа Грегга Игана «Прямоугольный», в котором автор не ограничивается упоминанием альтернативных физических законов, но и переносит повествование в мир, где они действительно и непреложны. Например, во вселенной «Прямоугольного» скорость света является переменной величиной. Подробное, непротиворечивое и доказательное описание альтернативной космологии выложено на сайте писателя, что заставляет согласиться с мнением одного из зарубежных критиков о том, что «в книгах Игана больше науки, чем в некоторых статьях *Physical Review*».

* * *

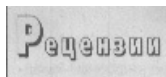
Нередко в произведениях космологической фантастики звучат и религиозно-мистические нотки. Что неудивительно: трудно придерживаться материалистических взглядов во Вселенной, где доля привычной и данной нам в ощущениях материи не превышает пяти процентов. Филип Фармер, известный богоискательными мотивами своих произведений, в «Нерассуждающей маске» находит, что сама вселенная является телом юного бога. А Дэн Симмонс помещает в квантовое вещество вселенной «Связующую Бездну», объединяющую «сотни тысяч разумных рас за миллиарды лет» и стоящую у истоков всех религий.

Выделим и произведения, повествующие о конце света и гибели Вселенной. Например, рассказ о путешествии космического корабля к вселенскому финалу в «Тау-Ноль» Пола Андерсона и рассказ «Как мы ездим смотреть конец света» Роберта Силверберга; подготовка цивилизации к неизбежному концу Вселенной составляет содержание цикла «Эсхатон» Фредерика Пола.

Такие сюжеты при рассмотрении непременно, в силу культурного детерминизма, обнаруживают эсхатологические мотивы, восходящие к религиозным и мифологическим представлениям. Как, например, в известном рассказе Артура Кларка «Девять миллиардов имен» или в рассказе «Приход ночи» Айзека Азимова, где сама космология обрекает на гибель цивилизацию планеты с наступлением ночи, случающейся каждые 2049 лет.

Отрадно для радеющих о судьбах вселенных то, что мифы о конце света являются частью космогонических мифов и символизируют обновление мира, порядок, в котором на смену старому, обреченному миру из огня его гибели рождается новая вселенная. Некоторые космологические теории также предполагают, что Большой взрыв

является лишь частью бесконечного цикла создания и разрушения. Таким образом, конец мира означает его новое начало.

Рецензии

ЦЕРКОВНОЕ ПРИВИДЕНИЕ:

Собрание готических рассказов.

Сост. Людмила Брилова

СПб.: Азбука, 2010. - 880 с.

Пер. с англ.

7000 экз.

Привидения в Старой и Новой Англии - что-то вроде элемента национальной культуры. Истории о призраках не выходят из моды. Представительная антология впечатляет объемом и охватом: сорок пять историй тридцати двух писателей XIX-XX веков. Более половины рассказов на русском публикуются впервые, в том числе «Сигнальщик» (1866) Чарльза Диккенса, «Духи в Грантли» (1878) Леонарда Кипа, «Пирушка с привидениями» (1891) Джерома К. Джерома и еще немало классических произведений подобного рода.

Но примечательна антология рассказами, выбивающимися из готического канона. В «Потерянной комнате» (1858) предшественника американской НФ Фиц-Джеймса О'Брайена вполне осязаемые призраки, захватывающие и преобразующие комнату героя, прибывают из «ниоткуда», которое может трактоваться и как другое измерение. В повести «Лицом к лицу с призраками» (1859) лорда Бульвер-Литтона появление «тьмы» - достаточно вещественного призрака - объясняется найденным в потайной комнате странным аппаратом, похожим на компас со стремительно вращавшейся стрелкой и прочими артефактами. «Клуб привидений» (1894) американца Джона Кендрика Бангза привел к появлению его романа «Плавучий дом на Стиксе» (1895) и термина «бангзианская фантастика», а впоследствии - к «Миру Реки» Фармера. «Профессор египтологии» (1904) Гая Ньюэлла Бусби рассказывает о перевоплощении египетского фараона в профессора начала XX века, что вполне может трактоваться и как проявление генетической памяти. В «Одержимом доме» (1912) Сакса Ромера, создателя гениального злодея Фу Манчу, невидимый и обжигающий граф де Стано бессилен перед теми, кто не боится его. В

«Корстофайне» (1928) Эдварда Фредерика Бенсона озвучивается теория, сильно смахивающая на эвереттику!

Настоятельно рекомендую книгу всем любителям фантастики.

Валерий Окулов

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

Москва: Вече, 2010. - 800 с.

(Серия «Великие исторические персоны»).

3000 экз.

Серия «Великие исторические персоны» представляет собой сильно беллетризованный вариант ЖЗЛ. Иными словами, это коллекция биографий, где взгляд писателя превалирует над взглядом исследователя и каждое жизнеописание в идеале должно иметь вид книги-эссе, а не книги - собрания фактов. Но при всем том основные сведения о биографии требуется читателю представить, а если речь заходит о творческой личности, то и основные вехи творчества: главные стихи, главные книги, главные картины... Новосибирскому писателю удалось выдержать принцип «золотой середины». Да, разговор об одном из величайших английских фантастов движется по строгому хронологическому маршруту от одного важного события к другому, от подробного разбора одной знаменитой книги к не менее подробному разбору другой (автор, анализируя основные вещи Уэллса, бывает основателен, нетороплив, солиден). Но гораздо интереснее то, как Геннадий Прашкевич подает своего героя с чисто писательской точки зрения. В качестве собрата по перу. Его точку зрения можно назвать дерзкой, но, думается, она близка множеству творческих людей.

Прашкевич в нюансах прописывает «феминографию» Герберта Уэллса. И весьма убедительно демонстрирует, что женщины британского фантаста оказывали на него очень сильное влияние. То есть, конечно, важны те идеи, которыми Уэллс напитался от культурной среды, его творческое саморазвитие, социальная принадлежность... да-да... несомненно... Но женщины все-таки сыграли роль главного фактора влияния. Уэллсу требовалась искра, приводившая в действие творческую машину его таланта. И когда рядом с ним находилась женщина, способная зажигать писателя новыми замыслами, жаждой новых достижений, он шел от успеха к успеху. А серьезная «поломка» отношений ставила его на «голодный паек» и заметно понижала творческую боеготовность.

Можно, конечно, поспорить.

Но в целом... правдоподобно.

Дмитрий Володихин

Сьюзан МАКЛЕОД

СЛАДКИЙ ЗАПАХ КРОВИ

СПб.: Азбука, 2010. - 448 с.

Пер. с англ. А. Бродоцкой, В.Полищук.

7000 экз.

Как бы забавно в условиях нынешней книжной моды это ни прозвучало, но перед нами еще один роман про вампиров. В 1990-е все «подрабатывали» на Конане, главный тренд нулевых - вампиры. Книги этой тематики невероятно востребованы у читателей, поэтому критик обязан хотя бы один раз обратить внимание на явление.

Итак, специально для вампирофилов сообщаю: его вам представят на первых же страницах. Причем «жутковато-хорошенького» - автор отмечает, что «так положено». Здесь можно было бы заподозрить иронию. Но, увы, дальнейшее чтение развеивает первое впечатление, а заодно и желание посмеиваться про себя. И вовсе не по причине мистического страха.

Альтернативно-исторический Лондон, в котором люди относительно мирно уживаются с различной нечистью. Было уже, и не только с Лондоном... Совмещение вампирской саги с любовным романом. После «Сумерек» и их многочисленных вариаций это уже, как говорится, даже не смешно, тем более что возраст главной героини лишь слегка перевалил за пубертатный. Героиня - красавица сида, не древняя-мудрая, а всего двадцати четырех лет от роду, пусть и с богатой биографией, и к тому же что-то вроде частного детектива. О, наконец-то что-то новенькое! Упрямо верующие в большие возможности современной фэнтези могут поаплодировать стоя. Правда, род деятельности прекрасной Дженни - следить за соблюдением нелюдью и чародеями правил общежития - что-то смутно напоминает, особенно отечественному читателю... Ну, да ладно, что только не плещется в котле шаблонных историй современной фэнтези! Все оригинальные мотивы быстро становятся общечеловеческим достоянием.

Но все же попытаемся быть справедливыми. Повторюсь: тексты такого рода сегодня весьма востребованы. Немало читателей обоего пола действительно находят удовольствие в созерцании love story на готическом фоне с вампирами в ассортименте и разгадывании стра-а-шной тайны.

Игорь ПРОНИН
ПИРАТЫ. Книга 1: ОСТРОВ ДЕМОНА
Москва: АСТ, 2010. - 272 с.
(Серия «Этногенез»).
5000 экз.

Главный герой нового романа московского писателя - британский вариант нашего Иванушки-дурачка, простой шотландский паренек по имени Джон (Иван) Мак-Гиннис. В качестве площадки для взросления Джонни выбирает палубу английского брига «Устрица», идущего за океан, к далеким Карибским островам. А дальше... я думаю, вы уже догадались.

Пронин подарил читателям настоящий пиратский роман. Пропахший запахом крепкого табака и морской соли приключенческий экшен с немудреным морским юмором и яркими, сочными персонажами. «Остров демона» относится к тому типу произведений, которые никогда не устареют. Их сюжеты, пусть и схожие друг с другом, раз за разом будут безошибочно находить сердца поклонников. Яркие краски тропических стран, захватывающие приключения, проклятия древних цивилизаций и тайны пиратских кладов - что может быть лучше долгими зимними вечерами?! Как это часто случается в историях с джентльменами удачи, главной целью героев является добыча. На пути к вожаденному золоту друг запросто может оказаться врагом, а бывший Джонни-дурачок может стать настоящим флибустьером.

Сквозная для проекта «Этногенез» атрибутика здесь не кажется чем-то неожиданным. Слишком причудлив и ярок сам антураж. Лягушка и дельфин - две фигурки, плывущие в Новый Свет на «Устрице», - оказывают прямое влияние на сюжет, однако внимание читателя не задерживается на них. Может быть, потому что на пиратских Карибах и без того хватало пассионариев.

Роль предметов становится главной лишь к концу книги. Над чудесами и страхами Нового Света встают тени других, более глобальных и зловещих процессов. В соответствии с духом проекта писатель демонстрирует, что ни смелость героев, ни хитрость злодеев, ни интриги сильных мира сего не способны остановить маховик истории. Людям остается лишь скользить по гребню волны или быть раздавленными неумолимой стихией.

Николай Калиниченко

Генри Лайон ОЛДИ
URBI ET ORBI. Книга 2: КОРОЛЕВА ОЙКУМЕНЫ
Москва: Эксмо, 2010. - 352 с.
(Серия «Стрела Времени»),
11 000 экз.

Миры Олди всегда многослойны и четко организованы. Во втором романе из серии «Городу и миру» дуэт продолжает развивать линию юной телепатки Регины ван Фрассен. Ослепительное сияние технократической сказки постепенно меркнет, уходя на второй план. Главная героиня встречается с проблемами и трудностями взрослой жизни. Принцесса превращается в королеву, женщину с опытом и без иллюзий. Этот акцент на реалистичность внутреннего космоса делает внешний космос менее реальным. Затейливая, тщательно проработанная вселенная Ойкумены превращается в одну большую аллюзию на настоящее. Неслучайно герцог Оливейра в разговоре с отцом Регины, капитаном ван Фрассеном, говорит о сотворении Ойкумены как метафизическом явлении: «...возможно, по достижении «критической массы населения» коллективные метафизические представления наших пращуров о мироустройстве материализовались».

Своеобразным дополнением к инструментарию харьковского тандема стали откровенные и шокирующие сцены. Новая черта, проявившаяся еще в романе «Золотарь», выполняет в «Королеве Ойкумены» роль оплеухи - как для героев романа, так и для читателей. Рецензент уже писал в одной из заметок, что этот своеобразный вызов поклонникам может дать непредсказуемый эффект.

Вместе с тем авторы продолжают открывать новые области созданного ими мира - от холодной первобытной планеты Кутхи до изысканной и таинственной Сякко. Наряду с космографическими открытиями во втором романе продолжают раскрываться особенности телепатического дара технократов и таинственной связи этого дара с умениями энергетов. В шестой части книги читатели вновь встретятся со старыми знакомыми - хищными флуктуациями континуума. Этот «привет» из предыдущего цикла наводит на мысль о том, что старые и новые герои Ойкумены могут сойтись в третьей книге. Что ж, поживем - почитаем.

Николай Калиниченко

Конни УИЛЛИС
ВИХРИ МРАМОРНОЙ АРКИ
Москва: АСТ, 2010. - 825 с.

**Пер. с англ.
(Серия «Сны разума»).**
4000 экз.

Серия «Сны разума» продолжает радовать нас оригинальными авторскими сборниками. «Вихри...» - уже второй сборник Уиллис на русском. Для неискушенного читателя Уиллис покажется таким литературным хамелеоном. Читая такие романтические рассказы, как, например, «Вихри мраморной арки» или «Светлое Рождество», легко представить Уиллис «доброй тетушкой» американского фэндомы. В самом деле, Уиллис мастерски передает в тексте атмосферу радушия и уюта, она внимательна к второстепенным персонажам и не чужда доброго юмора.

И тут же мы открываем рассказы, в которых Уиллис предстает довольно едким полемистом и экспериментатором, имеющим свой, далекий от политкорректности взгляд на вопросы религии и гендера. Изошренное сексуальное насилие становится основой новеллы «Возлюбленные мои дочери», а сюжет «Самаритянина» вращается вокруг щекотливой ситуации крещения орангутанга. Есть в книге и рассказы совсем иной интонации - пронзительно трагичные («Последняя из «Виннебаго», «Случайность»).

Можно сказать, что «Вихри...» - своего рода творческий отчет за четверть века (1978-2003) литературной деятельности писательницы, который демонстрирует излюбленные темы и локации Уиллис, ее внимание к академической среде и религиозным вопросам, а также особый интерес к Лондону времен Второй мировой (последней теме она посвятила несколько романов). Неслучайно Майкл Суэнвик в знаменитом эссе «Постмодернизм в фантастике» записал ее не только в лагерь «гуманистов», но и в отряд иконоборцев.

Фантастические рассказы Конни Уиллис замешаны больше на чуде и человеческих страстях, чем на науке и технике, и сегодня, возможно, кому-то покажутся несколько старомодными. Или, если быть точным, нарочито винтажными. Но главное, что они ничуть не устарели и сохраняют свою литературную и философскую актуальность.

Сергей Шикарев

РОМАН-КОММЕНТАРИЙ

Вячеслав РЫБАКОВ. СЕ, ТВОРЮ. Эксмо

Новый роман Вячеслава Рыбакова «Се, творю» - вторая часть дилогии, начатой книгой «Звезда Полярис». Книга создавалась в техно-романтическом ключе: надо поднимать фундаментальную науку, нужны новые технические достижения, покуда великий физ-мат-железячный потенциал СССР, созданный колоссальными трудами, не заржавел и не разрушился без возврата. Почему бы не начать с космоса? Особенно если учесть тот факт, что кое-какие олигархи читали в детстве НФ и помнят, как пели им в мечтах звездные маяки...

Под занавес первого романа появился наукоград с говорящим названием «Полдень-22», патронируемый государством, крепко набитый инвестициями частных лиц и занимающийся разработкой новейших космотехнологий. Фантастики - ноль. Но совершенно ясно было, что на этом дело не кончится, и фантастика обязательно появится во второй книге: обещал же автор космос...

Вторую часть предвкушали трепетно. Многие говорили: «Допустим, в художественном смысле от Рыбакова ждали большего... Но идея-то уж точно верна! И надежду он вселяет правильную! Только бы не испортил, только бы не испортил...»

Так вот - не испортил.

Хотя сделано все не так, как можно было предполагать по первому роману. Ружья, висящие на стенах, оказались аккуратно заменены новыми ружьями. Эти, последние, все-таки бабахнули.

Итак, наукоград «Полдень-22» какое-то время занимался совершенствованием того, чем уже располагает наша космонавтика. И это были весьма полезные приобретения, но... правительство воспринимало копошение ученой братии в традиционном ключе: как

повод для развесистой пиар-кампании. Скоро чиновники лишили наукоград реальной помощи. Вслед за государственными мужами от «Полдня» отвернулись олигархи - все, кроме одного. Горько? Да. И, по большому счету, реалистично. Если отойти на шаг от литературы и на мгновение задуматься о качестве политической элиты, которой принесли в самые ладони такой подарок, то поневоле согласишься с Рыбаковым: дура-элита наша всегда найдет способ колоть орехи звездолетами... Ее ведь такие вещи не интересуют. Если нельзя продать, если даже покрасоваться на ТВ-экране, нежно прижавшись к ракетной дюзе, можно лишь разок-другой, а потом event исчерпан, то зачем, спрашивается, весь этот ваш космос? «Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать».

Однако прорыв все-таки произошел. Вместо орбитального самолета или иного предсказуемого новшества один из главных героев - русский мудрец не от мира сего Журанков - разработал технологию нуль-транспортировки, основанную на эвереттике. НФ-возрожденцы должны записать очко на свой счет: научное обоснование, философия и методология открытия прописаны фундаментально. Так, как это делали в «твердой» НФ 1950-1960-х годов.

Правда, ядро этой технологии имеет не научное, а, скорее, религиозное обоснование. Мироздание устроено так, что высшие его планы не позволяют миру обрушиться в бездну и время от времени посылают ему спасительные подарки. По-христиански это звучит просто: Бог помог. Рыбаков - сторонник своего рода конфессионального синкретизма (и автор этих строк ему здесь не сочувствует) - пытается выстроить общую для традиционных религий линию: хорошие, нравственные люди не пропадут - Небо не даст пропасть. Конструкция выходит спорная, но хотя бы добрая, милосердная, и за то спасибо петербургскому фантасту.

Появление духовно-научной Нуль-Т должно бы вселить в читателя оптимизм. Но гораздо больше надежды вселяет (и, думается, с литературной точки зрения значительно лучше «сделано») совсем другое. Журанков, создатель новой технологии, трагически гибнет. Замутненный, кривой мир, где у мудреца ненадолго появился шанс реализоваться, словно бы не простил ему творческой удачи. Отомстил. Сожрал, а потом похоронил страшно и безвестно. Но у мудреца осталась смена: сын и его возлюбленная. Те, кто сможет вывести дело Журанкова на торную дорогу. Те, кто доставит олигарха-романтика (единственного, кто еще давал деньги на «Полдень») на равнины Марса. Те, кто знает, как драться с кривизной мира в самых ее страшных и безжалостных проявлениях.

Рыбаков обнадеживает читателя: старшее поколение не напрасно жило, сберегая от порчи свой нравственный идеал, ведь его удалось

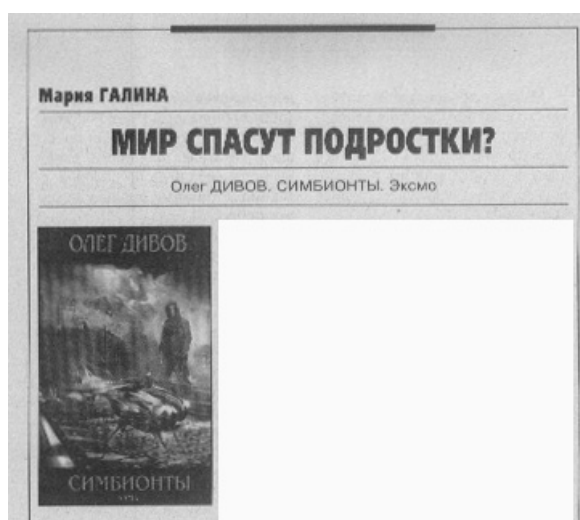
передать детям. А те, молодые, покрепче будут, их труднее сбить с ног. Гибель Журанкова напоминает случайную, страшную, но в то же время «триумфальную» смерть Юрковского и Крутикова из повести АБС «Стажеры». В обоих случаях кончина лучших людей старой эпохи означает начало эпохи новой. В обоих случаях у них есть надежная смена. У Стругацких это Жилин и Бородин, у Рыбакова - сын Журанкова и его будущая жена Сима.

Любопытно, что у Олега Дивова - автора, пишущего принципиально иначе и по стилю, и по идейному наполнению, - в его свежем романе «Симбионты» также появляется мотив «достойной смены». И мотив этот выражен ярко, с надеждой на то, что молодые люди и себя, и свою страну поднимут выше, чем было при отцах. В обоих случаях «подрастающее поколение» состоит из внутренне свободных людей, которым не чужда идея служения, принятого на себя добровольно и осознанно. Эра борьбы громоздких железяк, управляемых бравыми офицерами, завершается. Ей на смену приходит эра, в которой борьба умов, да просто гонка за ускоренное развитие умов, будет значить гораздо больше. Так вот, Рыбаков и Дивов, не сговариваясь, сообщают читателю: для нашей страны последняя игра не сыграна, с такими детишками она еще покажет себя...

«Се, творю» - чтение, насыщенное не столько художественными находками, сколько идеями. Роман изобилует философическими отступлениями по поводу современной политики, современной экономики, основополагающих принципов нравственности и т.п. По сути, это сборник социально-философских эссе, декорированных художественными образами. Рыбаков создал роман-комментарий: он положил окружающую реальность под микроскоп, изучил ее в подробностях и откомментировал свои наблюдения. Каждый новый фрагмент этого комментария представляет собой свидетельство обвинения на процессе, где скамью подсудимых занимает современность. Вердикт: «каждый винтик этого смрадного мира...»

Сюжет книги лишен динамики, повествование до крайности тягуче. Однако для тех, кто сохраняет любовь к интеллектуальным дискуссиям, роман-комментарий Вячеслава Рыбакова станет дорогим подарком.

Дмитрий ВОЛОДИХИН

Мария ГАЛИНА

МИР СПАСУТ ПОДРОСТКИ?

Олег ДИВОВ. СИМБИОНТЫ. Эксмо

По поводу нового романа Олега Дивова уже сломано немало копий на форумах. Одни читатели ругают картонных персонажей и сюжетные штампы, другие, возражая им, резонно указывают, что Дивов написал правильный детский приключенческий роман и отсылки к традиции здесь вполне уместны. И отсылки к научно-популярной литературе - тоже. Тут есть одна тонкость. Дивов вообще из тех писателей, каждую новую книгу которого фэны (не все) ругают, и довольно бурно. Потом все как-то устаканивается, и оказывается, что Дивов в очередной раз написал хорошую книгу. И для фантастики нашей в какой-то мере этапную. Полагаю, что с «Симбионтами» тоже получится что-то в этом роде.

«Симбионты» - конечно, подростковый приключенческий роман. И секса тут нет, а есть светлая юношеская любовь, и проблемы с родителями, и место подвигу (подростки-то, в сущности, спасли если не мир, то Россию от страшного диктатора Михалборисыча). И подросток-сверхчеловек тут есть, и добрый машинный разум, и спрятанные в тексте цитаты, и суровые, но справедливые работники спецслужб, и иностранные шпионы. И вообще роман - апология правильной государственности (в противовес государственности неправильной, технократической диктатуре и промывке мозгов). То есть по идее как бы агитка. А агитку просвещенный читатель фантастики не очень-то любит. Попытка Вячеслава Рыбакова построить правильную науку и правильную жизнь в поднятой с колен России понимания у читателя, скажем так, не встретила, поскольку выглядела не очень убедительно. А Шамиль Идиатуллин в «СССР™»

прямо показал, как раскатают по бревнышку очаги новой России те же властные структуры.

Дивов как человек умный доказывать очевидное не намерен, а сразу отошел на территорию, где утопический вариант развития событий (иными словами, счастливое воссоединение ученого человека и государственного аппарата) выглядит вполне естественно. Подростковый роман - именно та зона, где прекраснотушние не просто допустимо, но желательно. Где романтическая традиция тайной войны вполне почтенна. Где пионер Ваня только и делает, что спасает хороших больших дядей от других больших дядей, но плохих. И вообще, что бы эти все дяди без пионера Вани делали?

На самом деле обществу кроме нынешних подростков надеяться не на кого - просто по жестокому закону смены поколений. А вот захотят ли эти мальчики и девочки строить для себя (и для нас) светлое будущее - это уже очень серьезный и больной вопрос. Если захотят, то, скорее всего, не потому что мы такие хорошие. А потому что мы как поколение заслуживаем жалости и снисхождения.

Взрослые в романе Дивова, за редким исключением, беспомощны, ну прямо как дети, и если бы не те же подростки, с одной стороны, и мудрая государственная машина - с другой, то плавать бы нам всем в серой слизи (грей гу). Но, положила руку на сердце, нуждаемся ли мы сейчас в некоем утопическом сценарии развития событий? Безусловно. Хотя бы как в средстве психотерапии. Будет ли такой вариант событий в серьезной, «взрослой» фантастике выглядеть явной фальшью? Да, наверняка, будь писатель хоть семи пядей во лбу. А вот у автора подросткового приключенческого романа в этом смысле развязаны руки. И он пишет про то, как всем наконец будет хорошо.

И нанотехнологии (Дивов на всем протяжении романа напоминает, что не «нано», а «микро», и это совсем разные вещи: естественный для подобного рода литературы ликбез) сделают людей более счастливыми и более здоровыми. Без всякой промывки мозгов. И во власть придут приличные люди. А дети будут красивые и хорошие.

Взрослых, накопивших за жизнь солидный запас пессимизма, такой благостный вариант развития событий, скорее, настораживает, но «Симбионты» адресованы не им. Другое дело, примут ли «Симбионтов» сами подростки? Ну, об этом вскорости спросим у них.

Еще интересный нюанс: Лев Данилкин и Александр Гаврилов, сугубо «толстожурнальные» мейнстримовские критики, отозвались о «Симбионтах» очень высоко. Может быть, сдержанные отзывы фэндома связаны просто с обманутыми ожиданиями? Дивов все время меняется - для писателя это нормально, но для поклонников связано с определенными сложностями.

Правда, в вертолетике со скальпелями, плавающие в кровавом русле, я не верю. Скальпель - это каменный век. Лично я вооружила бы

вертолетики термическим резаком или химическими молекулярными ножницами.

Но автору, конечно, виднее.

Мария ГАЛИНА

**КОНКУРС
«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»**

Уважаемые участники конкурса!

Как всегда в начале года мы подводим итоги ваших трудов. Что сказать: писать вы стали более профессионально - гладко, бойко, даже темы находите вполне энэфовские. Хотя больших открытий для себя жюри не сделало, но и этот общий средний уровень радует.

Вашему вниманию представляем рассказ победителя - В.Мокрякова.

Мокряков Вячеслав Викторович родился в 1976 году в селе Перхушково Одинцовского района Московской области. Окончил Московский авиационно-технологический институт им. К.Э.Циолковского, затем аспирантуру Института проблем механики им. А.Ю.Ишлинского РАН, кандидат физико-математических наук. Сейчас работает научным сотрудником там же, в ИПМех РАН.

Начал писать фантастику в студенческие годы, но первая (и пока единственная) публикация - рассказ «Маршрутизатор», напечатанный в журнале «Реальность фантастики», 2007, № 3.

Живет в г. Химки близ Москвы вместе с женой и маленьким сыном.

Поздравляем победителя. Ждем новых рассказов.

Жюри конкурса

**ВЯЧЕСЛАВ МОКРЯКОВ
ИГРА ПО ПРАВИЛАМ**

Прибывший снял шлем, и Настя едва сдержала смешок. Очки! Старомодные прямоугольные очки в тонкой металлической оправе. С ума сойти! Почему не цилиндр с тростью и не рыцарские доспехи? Конечно, и старый мешковатый скафандр ничуть не уместнее, но тот

хотя бы предписан инструкцией по пользованию орбитальным челноком.

- Позвольте представиться: Андрей Олегович Шевальда, студент пятого курса Московского института прикладной семиотики и лингвистики. Прибыл для прохождения преддипломной практики.

Молодой человек был так убийственно серьезен, что Настя все же не выдержала и хихикнула. Студент пятого курса Андрей Олегович Шевальда недоуменно посмотрел на девушку, нервно поправил непослушные соломенные волосы и вдруг совершенно по-детски шмыгнул носом. Чем вызвал новый приступ смеха.

- Ой... - смутилась девушка. - Извини, слишком... неожиданно. Скафандр лучше оставить в раздевалке. Видишь дверь? Повесь его в дезшкаф и переодевайся, я буду ждать тебя здесь.

Студент неуклюже поковылял в указанном направлении. Маленький саквояж поспешил за хозяином.

«Чисто цыпленок!» - покачала головой Настя, глядя вслед.

Каким бы неловким ни казался юноша Насте, не прошло и пяти минут, как Шевальда предстал перед ней в строгом костюме цвета индиго, вновь серьезный и собранный. Походный чемоданчик, как верный пес, пристроился у ног.

«А очки ему идут, - отметила девушка, - хотя все равно старомодные».

- Прости, я еще не представилась. Анастасия Федорчук, аспирант. Можно просто Настя, - протянула руку девушка.

- Можно просто Андрей, - рукопожатие Шевальды оказалось осторожным, но уверенным.

- Ну пойдём, Андрей, познакомлю тебя с членами экспедиции. Хорошо, что челнок еще и провизию доставил - мы как раз успеваем к обеду.

* * *

- Сколько это будет продолжаться? - Педро угрюмо накладывал в тарелку зеленовато-бурую волокнистую массу. - Опять водоросли! Уже третий день одни водоросли!

- Ну почему же, - ласково улыбнулась Ксантиппа и пододвинула к бурчащему лингвисту судок с чем-то полупрозрачным и трясущимся. - Сегодня у нас еще и рагу из морских слизней!

Педро едва подавил рвотный позыв.

- Нет! Уж лучше водоросли.

Чжень Хо, невозмутимо поглощавший в углу водоросли пополам со слизнями, чуть заметно улыбнулся. Неприхотливый, как все китайцы, он спокойно ел, что было.

- Вот и ладненько, - елеино улыбнулась Ксантиппа. - Похудеть тебе не

помешает, - добавила она вполголоса, так, чтобы темпераментный испанец не услышал.

Но тот чересчур кипятился, чтобы прислушиваться.

- В конце концов, это просто возмутительно, - он швырнул тарелку на стол и плюхнулся на хлипкую табуретку. - На планете, где человек не глядя может есть любые фрукты - причем не мытые! - мы вынуждены жевать морскую траву и моллюсков...

- Псевдомоллюсков, - машинально поправил Чжень Хо.

- Тем более!

- Можешь слетать на рынок, - равнодушно бросила Ксантиппа. - Флаер в ангаре.

Педро мрачно зыркнул из-под черных кудрей. Девушка, как ни в чем не бывало, увлеченно обсасывала бурый стебелек, словно величайший деликатес во Вселенной.

- Ребята, не ссорьтесь! - в столовую вошел Фрэнк. - Во-первых, нам всем тяжело. А во-вторых... - шеф выдержал интригующую паузу, - только что прибыл челнок!

- О! - Педро щелчком послал тарелку с водорослями на другой край стола. - Воистину благая весть! И чего же мы тогда ждем?

- А почему сегодня? - нахмурилась Ксантиппа. - Челнок ведь должен прилететь через три недели.

- Внеочередной рейс, - улыбнулся Фрэнк. - Мы ждем нового члена команды. И я послал Настю встретить его.

- Новый? - приподняла изящную бровь Ксантиппа. - Я думала, экспедицию собираются прикрыть, а нам подкрепление присылают.

- Никто нас не прикроет, по крайней мере пока мы не научимся говорить по-дашевийски. Но и на подкрепление тоже не особо рассчитывайте: это стажер.

Педро фыркнул.

- Только студентов нам не хватало! Здесь специалисты нужны, специалисты! А не желторотики...

- Все лучшие специалисты давно здесь, - Ксантиппа кисло улыбнулась, - и это мы. И за все это время мы ни на шаг не продвинулись дальше сбора информации.

Чжень Хо вежливо кашлянул.

- Порой цыпленок находит ягоду, что листья скрыли от курицы.

И широко улыбнулся.

* * *

Настя и Андрей вошли в столовую. Саквояж и тележка с продуктами преданно остановились рядом.

- А вот и мы! Ребята, я понимаю, что кое-кому водоросли уже

осточертели. И все же прошу не сразу бросаться к тележке, а сначала поприветствовать нового члена команды.

Андрей вытянулся в струнку и отчеканил:

- Шевальда Андрей Олегович, студент пятого курса Московского института прикладной семиотики и лингвистики.

- Что ж, вижу, ты справишься, - улыбнулась Настя. - Знакомьтесь пока, а я пойду драников нажарю, - девушка подхватила пакеты с картошкой и луком и, напевая, направилась на кухню. Пожилой коренастый мужчина подошел первым:

- Я Фрэнк Росс, отвечаю за этот сумасшедший дом. Нас тут немного, и мы рады каждому новому лицу, - улыбнулся он в седую бороду.

- Счастлив познакомиться! - Андрей энергично пожал протянутую руку.

- Профессор, я изучил все ваши гарвардские труды по дашеви, это...

- Это очень пригодится, - засмеялся Фрэнк, осторожно высвобождаясь, - а то я их уже несколько подзабыл.

- Ксантиппа Бостаниду, Афинская академия ксенолингвистики, - приветливо улыбнулась стройная девушка. - Или просто Ксанта. А вот этот вечно недовольный тип отзывается на имя Педро Сото Рохас.

- Привет, - буркнул упитанный кучерявый брюнет, поглядывая в сторону кухни.

- Позвольте представиться, уважаемый Андрей, - наклонил голову мужчина средних лет с восточными чертами лица, - доктор Чжень Хо, здесь по направлению Бейцзинского университета. Специализируюсь на социальной и сравнительной лингвистике. Был ли ваш путь легким и безмятежным?

- О, благодарю, доктор! - улыбнулся Шевальда. - Не трясло.

Слово за слово, потек разговор.

- Я не ожидал, что здесь так мало людей, - Андрей озадаченно поправил очки. - Неужели больше никого нет?

- На этой базе - нет. - Фрэнк огладил седую бороду. - Геологи летают по Тулье, но у них своя база, мобильная.

- А обслуживающий персонал?

- Наша база автоматическая, - Ксантиппа откинулась на спинку стула, - а готовим мы себе сами. Когда очередной челнок доставляет провизию.

- А когда еда заканчивается, - проговорил Педро, принюхиваясь к ароматам, плывущим со стороны кухни, - нам приходится сидеть на чертовых водорослях. И это тоже не способствует многолюдности базы.

- Я-то думал, на Дашеви с пищей проблем нет.

- Конечно. Но не можем же мы еду воровать, - развела руками Ксантиппа.

- На этом чертовом острове ни черта не растет. И в море - только чертовы водоросли и чертовы слизи.

Ксантиппа поморщилась: обилие ругательств оскорбляло ее как христианку. А скудость лексики - как филолога.

- А что, нельзя договориться о еде с местными? - удивился Андрей.

Фрэнк потер висок.

- Андрей! Как будет на дашеви «вода»?

- Э-э... Алие, билак, шувани, эмм...

- Стоп, стоп. Достаточно. А как будет «давать»?

- Тиаси, маси, дшениси, тиаси... Нет, это уже было, хиасси, дзоораси...

- Хорошо-хорошо, знаешь, вижу. Начальник группы прищурился.

- А теперь скажи «дайте воды».

- Хм... Алие-би масу.

- Нет, - покачал головой Фрэнк.

- Шувани-би тиасу? Билак-би хиассу? - Андрей растерянно обвел взглядом присутствующих. - А... как?

Фрэнк пожал плечами.

- Никто не знает.

- Подождите! - воскликнул стажер. - Ведь столько материала, столько словарей, грамматику знаем досконально...

- А тебя никогда не удивляло, что нет ни одного учебника?

Шевальда озадаченно взглянул на шефа.

- Да, действительно... - Он снял очки и нервно протер стекла. Водрузил обратно. - Но почему?

- Андрей, - ухмыльнулась Ксантиппа, - как ты думаешь, отчего в дашевийском столько синонимов?

* * *

Планету Дашеви обнаружил разведчик «Хабаров» одиннадцать лет назад. Единственный материк вольготно распластался на четверти поверхности планеты. Всем и каждому он с первого же взгляда напоминал шляпу. Огромную широкополую шляпу с сильно измятой тульей и весьма потрепанными полями. Даже оторванные неведомым псом кусочки-архипелаги плавали рядом с истерзанными берегами.

Некогда два континента слились в страстном поцелуе. С запада на восток Шляпу пересекал шов - напоминание о днях творения, - и время почти изгладило его. Но в центре Пангеи столкновение породило титанический горный массив, рядом с которым Тибет выглядел бы детским куличиком. В этом царстве Гефеста страсть до сих пор не утихла - каждую секунду что-нибудь трещало, вздрагивало и извергалось. Через сотню-другую миллионов лет потоки мантии изменят-таки направление движения, и суперматерик снова расколется на несколько частей.

Впрочем, будущие катаклизмы интересуют разве что геофизиков. А у

лингвистов на этой планете обнаружили совсем другие хлопоты. Ибо если аду здесь отведено место в центре суши, то все поля Шляпы безраздельно занимал рай. Рукотворный.

Местные жители считались гуманоидами. Ну не отказывать же им в этом из-за двух пар верхних конечностей, трехметрового роста и двенадцати глаз? В конце концов, Дашеви оказались к людям куда ближе, чем подавляющее большинство разумных видов.

Поэтому неудивительно, что едва стала очевидной обитаемость планеты, «Хабаров» лег в дрейф - изучать обитателей Шляпы с максимально возможного расстояния. Дабы не спугнуть.

Тысячи «очей» появились в небесах над дашевийскими городами - неслышимые и незаметные. Они снимали города с высоты птичьего полета, подслушивали разговоры жителей, прячась в темных углах, а по ночам сканировали в библиотеках книги. Поток информации хлынул на корабль, откуда, уже отсортированный, перенаправлялся на Землю. Тысячи ученых бросились исследовать дашевийские язык, историю, технологии и политическое устройство, постепенно собирая из отдельных кусочков единое полотно туземной культуры.

В то время, когда земляне с энтузиазмом воздвигали пирамиды в Гизе, Шляпа уже была заселена почти полностью. Говоря по правде, было даже тесновато - не народу, но правителям. Конфликты возникали постоянно, границы плясали, как ужи на сковородке, империи возникали, разрастались до половины материка и рассыпались вдребезги из-за неспособности удержать завоеванное.

Ситуация резко изменилась, когда великая империя Анг-Рам открыла способ приручения куачи. Эти гигантские летающие существа, нечто среднее между драконом и дирижаблем, издревле обитали в горах Тульи. Мощные и быстрые, куачи позволяли достичь любой точки Шляпы за считанные дни. Анг-Ратони, величайший из императоров, приложил все силы, чтобы создать не только Небесную гвардию Анг-Рама, подчинившую ему оставшиеся государства, но и Облачные Крылья - курьерскую сеть, невидимыми нитями скрепившую империю в монолит.

Мятежи подавлялись мгновенно и без жалости. Однако Анг-Ратони оказался достаточно мудр, чтобы не устраивать террор. Он пошел от противного. В лояльных провинциях началось бурное строительство (с помощью все тех же куачи). Монастыри и храмы, больницы и библиотеки, рынки и склады. Очень скоро мятежники перевелись - их стало выдавать само население. Впервые за долгие века на Дашеви наступил мир. Величайшего из императоров боготворили.

Но это не значит, что Анг-Ратони не имел врагов. Напротив, их стало много как никогда - ведь каждому хотелось стать повелителем мировой империи. Заговоры возникали один за другим, рано или поздно хотя бы один должен был увенчаться успехом. Так и случилось.

Заговорщики, возглавляемые на этот раз самим главным блюстителем императорской безопасности, сумели постепенно отравить Анг-Ратони, подсыпая контактный яд на кожистый воротник его любимого шанга. В коже воротника кровеносных сосудов почти нет, и отравы на псевдоящера не действовала. Чего не скажешь о величайшем, который, как принято говорить, после тяжелой и продолжительной болезни скончался, не приходя в сознание. Так, во всяком случае, объявили официально.

Перед заговорщиками встала традиционная проблема - кому стать новым императором? Никто не хотел уступать эту тяжкую долю сообщникам, справедливо полагая, что с управлением мировой империей он как-нибудь справится сам. Кроме того, остался наследник, юный Анг-Маруш. Убрать и его означало превратить подозрения подданных о покушении в уверенность. Всеобщая скорбь могла обернуться тотальным бунтом. В конце концов, решили Анг-Маруша короновать. Мальчик казался бесхребетным - пусть посидит пару лет, а там отречется, назначив преемника. К тому же, глядишь, за это время и конкурентов поубавится...

Мальчика недооценили. Анг-Маруш оказался гениальным интриганом. Раздавая авансы и срамливая заговорщиков, он убрал их всех, одного за другим. Но юноша понимал: появление новых претендентов - лишь вопрос времени. И он затеял реформы, ни много ни мало, всего политического устройства.

Анг-Маруш передал большую часть полномочий императора министрам. Все чиновничьи должности - от деревенского старосты до собственно императора - стали выборными, заодно было упразднено и троннаследие. Все кандидаты проходили обязательный экзамен - публичный, чтобы устранить возможность подкупа. Чиновникам запретили служить под началом родственников, это ликвидировало кумовство. И так далее, и тому подобное - все нововведения составили многостраничный том, называемый ныне Анг-Маруш-го Сиша - Кодексом Анг-Маруша. Кодекс, с многочисленными поправками, и поныне регулирует жизнь на Дашеви.

В итоге, после принятия Кодекса и многовековой его полировки, в Анг-Раде сложился строй, который можно назвать «просвещенной бюрократией». Все усилия властей направлены на поддержание равновесия и благополучия. Поля Шляпы постепенно превращаются в Поля Елисейские.

Но у всего есть цена. За то время, пока земляне писали «Одиссею», изобретали бумагу и порох, воевали за Гроб Господень, открывали Америку, свергали самодержавие, высаживались на Луну, строили «Хабаров» и летели на нем к маленькому желтому карлику, так похожему на Солнце, короче, за все эти тысячи лет дашеви едва доковыляли до использования примитивных паровых машин.

Впрочем, технологическое отставание туземцы компенсировали в гуманитарной сфере. Архитектура, музыка, живопись, философия. Особенно литература - что-то просто невероятное. Удивительно, но дашеви еще тысячу лет назад додумались до множественности обитаемых миров. С тех пор инопланетяне прочно заняли место в художественной литературе. Правда, сюжеты отличались некоторым однообразием: пришельцы - независимо от первоначальных целей - впечатлялись культурой дашеви и умоляли выделить им резервацию, дабы остаться. Любопытно, что сами дашеви никогда не мечтали покинуть родную планету. Оно и понятно - кому хочется уйти из рая?

Так или иначе, но дашеви оказались психологически готовы к контакту. Поэтому на Земле решили не тянуть, и как только лингвисты сочли, что достаточно освоили язык - ха-ха! - делегация контактеров спустилась на Дашеви.

Большого конфуза земная дипломатия не знала.

Поскольку о прибытии земляне заблаговременно дали знать еще с орбиты (к счастью, астрономия у дашеви была весьма распространенным увлечением), встречу посланцам устроили по высшему разряду. Сам великий император Анг-Шигони со всей свитой прибыл на пустырь неподалеку от столицы, куда приземлился челнок. Не считая всех окрестных жителей.

Первая же фраза, торжественно произнесенная послом, повергла встречающих в глубокое изумление. Император озадаченно нахмурился. Вокруг трона поползли смешки. Простой люд и вовсе затих в ужасе, ожидая реакции его величества.

Посол вспотел.

Император Анг-Шигони не зря славился снисходительностью. Он благосклонно улыбнулся.

У посла отлегло от сердца и воодушевленный он произнес следующую заготовленную фразу. На этот раз великий император переменялся в лице, а кожа сменила цвет с природного нежно-нефритового на грязно-сизый. Пятая и шестая пары век мелко задергались. Анг-Шигони процедил пару слов, носильщики резво подхватили паланкин и потрусили в сторону дворца. Следом поспешила свита, простой народ потихоньку расточился в разные стороны.

Посол стоял посреди пустыря, с ужасом провожая взглядом удаляющуюся процессию. Но в чем дело? Где он допустил промах?

Вечером перед челноком сел молодой куачи, с которого спрыгнул дашеви в лазерной форме Облачных Крыльев. Молча вручив трясущемуся послу грамоту с императорской печатью, он вскочил обратно на летуна и через пару мгновений растворился в небе.

В грамоте великий император Анг-Шигони позволял пришельцам поселиться на маленьком скалистом островке неподалеку от северного

края Шляпы и выражал надежду, что когда-нибудь земляне все же смогут изучить дашевийский язык в достаточной степени, чтобы не смущать его величество своими речами.

* * *

- Так и была основана база «Ясность», - улыбнулась Ксантиппа.

- Где мы все и живем. - Настя поставила перед лингвистами тарелку ароматных драников и чайник травяного чая. - Угощайтесь.

Все взяли по одному блинчику, Педро наколол сразу три штуки.

- Потрясающе, - Андрей растерянно жевал. - Но почему об этом нигде не пишут?

- А кому же хочется распространяться о провалах? - пожал плечами Фрэнк. - Вот и сообщают, мол, с разрешения аборигенов Земля основала базу «Ясность» для изучения языка дашеви. А детали... Зачем?

- Ну ладно, пусть так. - Шевальда взъерошил соломенные волосы. - Но я так понимаю, вы до сих пор не разобрались в причинах неудачи?

- Как сказать, - вздохнула Настя. - И да, и нет. Возможно, доктор Чжень расскажет, все-таки это была его идея.

Чжень Хо благодарно кивнул.

- Спасибо, прекрасная Настя. Видите ли, уважаемый Андрей, у нас не было сомнений в том, что мы правильно поняли лексику дашеви. А значит, есть что-то упущенное. Такое обилие синонимов - не просто художественное богатство их языка. Оно имеет еще и утилитарное значение. И тогда возникла идея, в общем-то лежащая на поверхности, что синонимы играют социальную роль.

- То есть они показывают отношение собеседников друг к другу? - догадался молодой человек.

- Примерно так. Нечто подобное есть и в земных языках. Вы, обращаясь с одной и той же просьбой к старому другу и к незнакомому человеку, используете разные слова. Совсем иначе вы обратитесь к своему отцу или учителю. А в некоторых языках, например, и вовсе есть грамматическая категория вежливости.

Китаец с наслаждением вдохнул легкий травяной аромат и сделал глоток.

- Собственно, мы изначально предполагали нечто подобное. Но у дашеви все оказалось много, много сложнее. Мы до сих пор не составили полной картины, но кое-что нам удалось прояснить. - У Чжень Хо прорезались лекторские нотки. - Синоним, который выбирают аборигены в данном конкретном случае, определяется не только степенью уважения говорящего к собеседнику, но и их социальным и семейным статусом, родом занятий, принадлежностью к тому или

иному клубу или профессиональному цеху, возрастом и даже самочувствием. Есть подозрения, что также на этот выбор влияет количество детей, мальчиков в частности. И еще не понятно, как влияют третьи лица, присутствующие при разговоре. Мы точно знаем, что некоторые слова используются только тет-а-тет, а какие-то, напротив, исключительно в присутствии посторонних. Но, увы, тут нам еще предстоит большая работа.

Андрей задумчиво помешивал чай.

- Но ведь как-то же дашеви понимают все эти нюансы?

- Они вырастают в этой среде, - развел руками Чжень Хо.

* * *

В первую очередь Андрей прошелся по местной фантастике. За несколько дней проштудировал все романы о пришельцах. Что может быть лучше - провести контакт по сценарию, предложенному аборигенами! Но тут его ждало разочарование - во всех без исключения книгах отсутствовала прямая речь. Подробно расписывалось, о чем говорили пришельцы, но как - оставалось только догадываться.

Андрей в расстройстве захлопнул очередной том. Идиот! Ну конечно, фантастика - первое, что изучили специалисты по контактам. И если б нашли там что-то полезное... Ладно, зато теперь он знает это точно.

И все-таки почему не используется прямая речь? Хотя... Если подбор слов определяется статусом собеседников, то какой статус у землян? Конечно, никакого! Инопланетяне не принадлежат к обществу дашеви - именно поэтому авторы не могли решить, какие слова уместны при встрече. Потому и провал при контакте - ведь даже сами аборигены не знали, как обращаться к пришельцам! И неудивительно, что речь дипломата и вовсе показалась дашеви оскорбительной и нарушающей все мыслимые приличия. Кроме того, подданные великой империи Анг-Рам, вот уже несколько тысячелетий говорившие на одном наречии, понятия не имели, что такое иностранный язык. Они себе и представить не могли, что слова их языка для кого-то будут непонятны.

Ведь друг друга туземцы понимают прекрасно.

Знать бы только как.

Стажер положил очки на стол и устало потер глаза. Свет планшета отражался в стеклах.

Как же они не путаются?

Шевальда развернул очки стеклами к себе. Блики подмигнули.

Андрей положил подбородок на ладони. Вгляделся в старомодные линзы, словно в прозрачной глубине таился ответ.

«А что бы ты сказал, отец?»

Молчание.

Стажер вздохнул и откинулся на спинку стула.

Как же аборигены могут общаться при таких условностях? Ведь не с рождения же. Как-то учатся.

А действительно, как?

«Они вырастают в этой среде», - прошептал голос отца. Или Чжень Хо.

Андрей вскинулся и снова погрузился в недра архива.

* * *

Прошу прощения за беспокойство, но мне понадобилось проверить одну идею. К сожалению, у меня есть основание считать, что присутствие имевших опыт общения с дашеви может повредить эксперименту. И поскольку меня одного вы вряд ли отпустили бы, мне пришлось покинуть вас без уведомления. Катер вы легко обнаружите по маяку, но меня прошу не искать. Ведь нет необходимости сообщать о моей прогулке, по крайней мере пока не придет следующий челнок, а это случится через месяц. К этому времени я вернусь.

До встречи.

Андрей Шевальда

- Он издевается! - фыркнул Педро. - Пришлось покинуть нас без уведомления! Сопляк! Я ведь говорил, от него будут одни неприятности!

- Мне кажется, - задумчиво проговорила Настя, - стоит довериться Андрею. Дадим ему шанс?

- В конце концов, среди местных он точно не затеряется, - пожал плечиком Ксантиппа. - Если что, мы всегда сумеем его отыскать. А скорее, и искать не придется.

Фрэнк пожевал губами.

- Ну а ты что скажешь, Чжень Хо?

- Время сбора урожая, - улыбнулся китаец. - Ночи теплые, фруктов много, не пропадет. Дашеви - народ цивилизованный, не обидят без причины. Пусть юноша погуляет.

- Что ж, - Фрэнк хлопнул ладонью по столешнице, - пусть так и будет. Если через три недели не вернется, запускаем зонды на поиск.

Но искать действительно не пришлось.

На десятый день после исчезновения Шевальды на комм Фрэнка Росса пришел вызов.

- Шеф! «Палантир-176»! Скорее! - Педро был взбудоражен, он

выкрикивал каждое слово. - «176», шеф! Вот ведь каналья!

Око кругового обзора «Палантир-176» висело над небольшим прибрежным городком в полусотне километров от «Ясности». Хе-на-Шувани, вспомнил Фрэнк. Холодные Воды. Впрочем, сейчас ему подошло бы совсем другое название. Скажем, Кипяток.

Городок бурлил. Эпицентром была рыночная площадь. Там и в обычное время хватает народу, но сейчас просто яблоку негде упасть. Дашеви шумели, толкались. Вновь прибывающие стремились пробиться в центр площади. Там, на телеге с сеном стоял не кто иной, как Андрей Олегович Шевальда, студент пятого курса Московского института прикладной семиотики и лингвистики. Трое туземцев в крестьянской одежде пытались удержать напирющую толпу.

- Что он натворил? Педро, вызови всех!

- Уже, шеф! Все уже смотрят.

- Я вижу, Фрэнк. Они что, хотят его убить?! - ужаснулась Настя.

- Не думаю, - голос Ксантиппы был спокоен, но в нем пробивались тревожные нотки. - Посмотрите на них. Они улыбаются.

- Именно, красавица! - Педро едва не пустился в пляс от возбуждения.

- Они не хотят его убить. Они хотят с ним общаться, черт его дери! Рвутся перекинуться словом с пришельцем! Этот поганец нашел-таки общий язык с нашими зеленокожими друзьями!

Шевальда стоял на телеге, как оратор на трибуне. Он что-то говорил, обращаясь то к одному дашеви, то к другому, прислушивался, вылавливая вопросы из гомона толпы, отвечал.

- Что он говорит? Педро, можешь усилить звук?

- Бесполезно, Фрэнк, я пытался. Отдельные голоса вычленить невозможно, все тонет в шуме толпы. Опустить «Палантир» ниже?

- Я бы не стал, - задумчиво проговорил Чжень Хо. - Мало ли как дашеви отреагируют на столь явное наблюдение.

- О'кей, подождем, пока Андрей вернется, - вздохнул Фрэнк. - Продолжать следить за всеми его передвижениями!

Словно почувствовав взгляд сверху, Шевальда поднял лицо к небу и улыбнулся.

* * *

Андрей переночевал в Хе-на-Шувани и на следующее утро покинул городок через западные ворота. Эта дорога вела в Сиданг Маури - Сияющую Свежесть - столицу провинции Зеленых Вод. А по совместительству - северной императорской резиденции.

Свиту студента составляла уже пара десятков дашеви, в основном молодые мужчины. Отцы и матери семейств заняты хозяйством, молодые же обалдуи, с одной стороны, уже достаточно взрослые,

чтобы за них не волноваться, а с другой - после сбора урожая их вполне можно отпустить на несколько дней.

С каждым пройденным селом или городком свита подрастала и к Сиданг Маури достигла трех сотен. Весть о процессии облетела уже не только всю провинцию - всю империю. В каждом населенном пункте их встречали накрытыми столами и наперебой предлагали ночлег. Мэр лично приветствовал Шевальду и непременно тащил осматривать местные достопримечательности - обычно здание городского управления и храм Всех Святых. Иногда список разнообразился статуей кого-либо из великих императоров.

Неудивительно, что на Дворцовой площади Сиданг Маури Андрея встретил Анг-Шигони лично. И трудно сказать, чья свита была многочисленнее. Шевальда выступил из рядов затихшего сопровождения и медленно прошествовал через площадь. Великий император напряженно ждал. Андрей подошел на сообразную дистанцию и в пояс поклонился. И заговорил.

Анг-Шигони недоверчиво слушал речь пришельца. С каждым словом лицо императора светлело, а недоверие сменялось удивлением. Вдруг он расхохотался, обнял Андрея и увел во дворец.

- И что теперь, Фрэнк? - Педро сложил руки на груди.

- Сейчас вечер. Вряд ли Андрей появится до утра. - Шеф задумчиво потеревил бороду. - А пока, Педро, будь добр, расставь «очи» вокруг площади.

Утром «Ясность» разбудил сигнал детекторов движения. Сонные лингвисты прилипли к экранам.

Ворота дворца открылись, и на площади появился серебристо-янтарный императорский паланкин. В нем удобно расположились, попивая бодрящий отвар из коры черного стланика, Шевальда и сам великий император. Следом за паланкином шествовали пышно разодетые придворные. Андрей непринужденно болтал, Анг-Шигони умиленно слушал и подливал отвар собеседнику, не забывая, впрочем, и о себе.

- Чтоб я сдох! - Педро обалдело наблюдал за собеседниками. - Они что, уже закадычные друзья?

Торжественная процессия добралась до городского порта, где студент и великий император тепло распрощались. Андрея уже ждала личная яхта Анг-Шигони.

- Я полагаю, друзья мои, скоро мы увидим нашего беглеца, - улыбнулся Чжень Хо.

Яхта вышла в море и взяла курс на восток - прямо к базе «Ясность».

- Анг-Шигони просто чудо! - Андрей уплетал за обе щеки импровизированный салат по-гречески, который на скорую руку приготовила Ксантиппа из присланных императором продуктов. - Такой интересный собеседник! Остроумный, начитанный... А как анекдоты рассказывает! Вот, например...

- Кхм, Андрей, - глава экспедиции опять предпринял попытку вернуть стажера в конструктивное русло, - значит, ты говоришь, что общался с дашеви «по-детски»? Это как?

Шевальда хитро улыбнулся.

- Валю ва? Имми нали?

- Прости, что ты сказал? - растерялся Фрэнк. - Слова я, кажется, уже слышал, но их смысл никак не уловлю...

- Я спросил, как здоровье и хороша ли ваша жизнь. Обычное приветствие.

- Никогда не слышал. А вы? Ксантиппа? Чжень Хо?

Лингвисты только качали головами.

- Кажется, я понимаю, - китаец потерев подбородок, - это диалект, на котором дашеви общаются с детьми?

- Точно, - кивнул стажер. - Помните, уважаемый Чжень Хо, вы сказали мне тогда: «они вырастают в этой среде». Позже, сидя в архиве, я задумался, а как же они вырастают? И понял, что мы ничего не знаем о том, как дашеви разговаривают с детьми.

- Ну да, - кивнул Чжень Хо. - Никто не думал, что они делают это как-то по-особенному.

- А потом, - подхватил с энтузиазмом Педро, - когда выяснилось, что дашеви общаются по-особенному со всеми, работы было уже слишком много, чтобы обращать внимание на детей.

- Именно! - Андрей подцепил вилкой сырный кубик и воздел ее к потолку. - Я стал искать все записи с детьми. Уроки в школах, игры, колыбельные... И сразу понял одну вещь. Точнее, две...

- Какие же? Не тяни! - Педро сидел как на иголках.

- Первое - ну, вы это уже поняли, - взрослые дашеви используют при общении с детьми совершенно особый набор синонимов. Можно сказать, что это настоящий самостоятельный язык. Слова в нем очень интересные, - Шевальда улыбнулся, словно вспомнил что-то забавное, - это либо сокращения от «взрослых» синонимов, либо звукоподражания.

- То есть, - озадаченно проговорила Настя, - это что-то вроде местных «баба», «киса», «ав-ав», «бибика»?..

- Логично... - почесал в затылке Фрэнк. - А вторая вещь?

- А второе, что я понял, - стажер отодвинул чашку с остатками чая, - что этот диалект не меняется, кто бы с ребенком ни разговаривал.

Шевальда торжествующе обвел взглядом притихшую аудиторию.

- Ну, разумеется! - Фрэнк понял первым. - Дети еще не разбираются в этих тонкостях. Социальный статус, семейное положение...
- Все это дети изучат постепенно, с возрастом, -- подхватил Чжень Хо, - и перейдут на взрослый язык.
- Это значит, - в глазах Ксантиппы плясали искорки возбуждения, - что «по-детски» мы сможем общаться с любым дашеви безо всех этих условностей! Мальчик, ты гений! - и девушка порывисто чмокнула стажера в щечку. Гений зарделся.
- И наконец-то мы сможем летать на рынок! - выдохнул Педро.

* * *

- Ну, мне пора. Детский словарь я скинул в архив. - Андрей смущенно улыбнулся. - Я еще о стольком хочу с ними поговорить.
- Неподалеку от скалистого берега личная яхта Анг-Шигони ждала важного пассажира.
- Шевальда накинул сумку на плечо и осторожно забрался в шлюпку. Оглянулся. Неуверенная улыбка, очки почти сползли - рука сама дернулась поправить.
- Похоже, - улыбнулся Чжень Хо, - уважаемого Андрея что-то беспокоит.
 - Кажется, да.
- Молодой человек вздохнул:
- Боюсь, я подставил Землю...
 - В самом деле? - брови Фрэнка поползли вверх.
 - Конечно, мы можем теперь общаться с дашеви, но вряд ли они будут относиться к нам серьезно.
 - Почему? - удивился Педро.
 - А разве кто-то воспринимает всерьез детей? - улыбнулся Андрей и оттолкнулся веслом от берега.

ВКУС ЧЕЧЕВИЧНОЙ ПОХЛЁБКИ

Все-таки хочется верить, что наше упрямство, с которым мы вновь и вновь обращаемся к теме покорения космоса, хоть как-то способствует развитию программы освоения Солнечной системы... На этот раз «вопрос ребром» ставит писатель и специалист, занимающийся этой проблематикой, Алексей Молокин: почему наши фантасты перестали писать о ближнем космосе?

Ответы распределились следующим образом:

Нет реальных программ освоения ближнего космоса - нет и литературы - 41%;

О нем уже все написано, здесь негде развернуться воображению - 19%;

С научной точки зрения, в ближнем космосе ничего интересного нет - 13%;

Ученые и сговорившиеся с ними писатели скрывают от широкой публики правду: он кипит жизнью - 13%;

Действительность ближнего космоса настолько ужасна, что человечеству лучше ее не знать - 7%;

Для меня «ближний космос» - это мои друзья, моя компания, мои интересы - 5%.

Всего в голосовании приняли участие 325 человек.

Ну что же, вопросы заданы, ответы получены. К сожалению, ожидаемые ответы.

Впрочем, вины читателей журнала «Если» здесь нет. Отсутствие интереса как у читателей, так и у большинства писателей-фантастов к ближнему космосу, увы, (не новость, а печальная и привычная реальность... А помните «Путь на Амальтею» Аркадия и Бориса Стругацких, «Калейдоскоп» Рэя Брэдбери, «Зеленые холмы Земли» Роберта Хайнлайна? Ведь это было совсем недавно, буквально в прошлом веке... Неужели мы так изменились? С научной точки зрения интерес к ближнему космосу отрицают 13 процентов читателей, еще 19 - не видят здесь пространства для полета воображения, а пять процентов вообще игнорируют тему: «Для меня «ближний космос» - это мои друзья, моя компания, мои интересы» (да, меньшинство принявших участие в голосовании, но ведь это пять процентов ПРОФИЛЬНЫХ читателей!). В сумме - 37 процентов «отказников».

Правда, лидирующая группа участников опроса (41 процент) саму тему не отрицает, но ищет причину в нынешней политической ситуации на планете: «Нет реальных программ освоения ближнего космоса - нет и литературы».

Что ж, здравое суждение. Но вот вопрос: а мы, жители планеты Земля, ждем подобных программ?

Давайте все-таки поговорим об этом самом ближнем космосе. О том, что же такое произошло с человечеством за последние тридцать - сорок лет, когда оно практически полностью потеряло интерес к пилотируемым полетам, закрыло множество программ по разработке новых космических аппаратов и тяжелых носителей. Причем подобное происходит не только в России, но и во всем мире (за исключением, пожалуй, Китая). Может быть, человечество деградировало за

неполные полвека?

Ну как же, ответят мне! Вон сколько в магазинах айфонов, компьютеров, блузок «растопырочкой» и эксклюзивных наборов чесальных палочек для тех, кто может себе это позволить!

Чесальные палочки и прочие айфоны - это, конечно, хорошо. Вот только без ракет как-то тоскливо. И почему-то стыдно.словно в старом рассказе Герберта Уэллса «Дверь в стене»: приоткрыл, сунул нос, но остаться не решился - и теперь всю жизнь будешь маяться.

Да перед кем стыдно-то?

Перед Быковым, Дауге и Юрковским. Перед капитаном норвежского космического буксира, который все-таки пошел в Кольцо. Перед Холлисом и Стоуном из «Калейдоскопа». Перед Райслингом, так и не вернувшимся на зеленые холмы Земли.

Разве может быть стыдно перед литературными героями?

Еще как может, если они настоящие герои.

Что бы они сказали, если бы увидели разрушенные заводы и разоренные космодромы, ресторан «Буран», орбитальных математиков, торгующих дешевыми авторучками в пригородных электричках в дурные девяностые... Что сказали бы они нам, людям двадцать первого века, людям рассвета, похоронившим свой Полдень?

Боюсь, что они просто не стали бы с нами разговаривать.

Когда обществу становятся не нужны истинные герои, на их место приходят маньяки, гладиаторы или клоуны. И в литературе, и в реальной жизни.

О, а жизни там, в ближнем космосе, как раз и нет - говорят мне разочарованные читатели.

Да, с этим действительно дела обстоят неважно. Особенно с разумной жизнью... когда нет нас. Нет ни суровых капитанов, ни асов космического пилотажа, ни разбитных красоток с волосами, как пламя ракетного двигателя фирмы «Плазма Пауэр».

Дальше пятисот километров от поверхности Земли нет никого - потому что там нет нас.

Но ведь, возразят мне, кое-что все-таки делается. Вон, промелькнуло сообщение о космическом корабле с ядерным двигателем, планируется экспедиция на Марс, американцы испытывают новый тяжелый носитель... ну, и мы что-то делаем. Вот проведем зимнюю Олимпиаду в субтропиках, потом мировой чемпионат по футболу, устроим в Сколково заповедник ученых, выплатим кредиты, возьмем кредиты, сольемся в экстазе с объединенной Европой, опять же выплатим кредиты и когда-нибудь снова полетим. Вот с дивана встанем - и полетим. Может быть, завтра, а скорее всего, послезавтра, потому что завтра нам обещали привезти новые бусики, блестящие такие, мы наденем бусики, почешемся чесальными палочками, а потом снова начнем строить тяжелые ракетносители и космические корабли

- и ка-ак полетим! Мы сами-то в это верим? Я думаю, нет.

Даже если бы сейчас, вместо того чтобы строить на месте грязелечебниц горнолыжные трассы, государство вложило бы деньги в космические программы, завтра бы мы не полетели. Потому что разучились строить ракеты. Научиться этому очень трудно, да и не все могут научиться, а вот разучиться - запросто. Достаточно пары поколений.

Реальных программ по освоению ближнего космоса у нас в стране не существует, потому что мы выбрали чечевичную похлебку. На вкус она оказалась, прямо скажем, не очень, но что выбрали -то и получили. И многое теперь надо начинать заново.

Тем 13 процентам скептиков, убежденных, что с научной точки зрения в ближнем космосе ничего интересного нет, могу ответить: мы знаем о нем чертовски мало. Да и чего там нет? Пришельцев? Планет, пригодных для освоения? Ну, скорее всего, действительно нет, но там есть то, без чего человечество жить не может. Энергия. Хотя бы банальная солнечная. И еще: освоение Солнечной системы - чрезвычайно непростая задача, которая не под силу одному государству. Возможно, именно в космосе находится решение политических проблем Земли. Фронтير жесток, но он объединяет. Человечество эволюционирует и развивается лишь тогда, когда осваивает новые пространства.

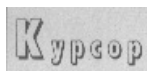
Вот хотя бы поэтому стоит заниматься освоением ближнего космоса.

Возможно, ближний космос действительно кипит жизнью, как полагает 13 процентов читателей фантастики, только жизнь эта принимает такие формы, о каких мы раньше и представления не имели. Значит, пора пересмотреть свои взгляды на жизнь. Все равно ведь когда-то придется это сделать: на Земле не отсидишься.

Действительность ближнего космоса и в самом деле ужасна, тут я не стану разубеждать семь процентов осторожных респондентов. Но неизвестный ужас манит отважных! Неужели мы стали настолько ленивы и нелюбопытны?

Нет, конечно. Фантастика ближнего космоса возродится - в этом не может быть сомнения. Вопрос только в том, возродится она в виде современной научной фантастики или как альтернативная история, году эдак в 2051-м. С сюжетами, наподобие «Что было бы, если бы Россия не променяла космические ракеты на чечевичную похлебку».

Алексей МОЛОКИН

Курсор

Сергей Лукьяненко противостоял напору поклонников «дозорной» серии, требовавших «продолжения банкета» больше пяти лет. Их даже не слишком волновал тот факт, что четвертый роман серии назывался «Последний Дозор» (причем автор неоднократно утверждал, что действительно последний). И вот - бастион пал. Фантаст все-таки решил написать пятый том саги, назвав его «Новый Дозор». В этой книге главным героем вновь станет Антон Городецкий. Выход книги запланирован на середину лета, а ознакомиться с первыми главами можно в ЖЖ-блоге писателя.

Уникальная выставка открылась в Лондоне. Она носит название «Призраки Шелли: новый имидж литературной семьи». На выставке можно полюбоваться редчайшими экспонатами, связанными с творчеством супругов Перси Биши и Мэри Шелли. Например, увидеть неизвестный ранее портрет Мэри, черновик «Франкенштейна», переписку с Байроном, образы чудовища Франкенштейна из многочисленных кино постановок, подзорную трубу с роковой яхты Перси...

Тем временем студия Sony Pictures планирует очередное воскрешение «Франкенштейна». Сценарий пишет Крейг Фернандес, действие происходит в наши дни. Подробности сюжета не разглашаются, но основная идея романа сохранена.

Журнал «Entertainment Weekly» опубликовал ежегодный рейтинг Топ-10 лучших фильмов 2010 года от американского писателя Стивена Кинга. Самым значительным фильмом года и лучшим фильмом ужасов десятилетия Стивен назвал картину «Впусти меня» - американский ремейк одноименного шведского фильма 2008 года. На втором месте расположился триллер «Город воров», а замыкает первую тройку «Начало» Кристофера Нолана. Остальные места заняли: «Социальная сеть», «Мальчики-налетчики», «Пипец», «Химера», «Монстры», «Чудаки 3D» и «Не брать живым».

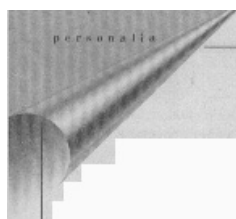
Компания «Мир Фэнтези» работает над созданием настольной игры по мотивам книжного сериала Вадима Панова «Тайный Город». Движок карточной игры будет существенно отличаться от западных предшественников, вроде MtG, и предоставит игрокам возможность создавать неожиданные альянсы и строить многоуровневые интриги.

Агентство F-пресс

Исполняется 60 лет известному российскому публицисту, переводчику и критику, большому другу редакции «Если», которого читатели журнала знают под псевдонимами Вл. Гаков, Михаил

Андреев и Михаил Ковалёв. Настоящее имя юбиляра хорошо известно в фантастической среде - Михаил Андреевич Ковальчук. Михаил родился 8 февраля 1951 года в Казани. Окончил Московский государственный университет по специальности «Теоретическая физика». Работал в различных профильных НИИ, но в середине восьмидесятых посвятил себя журналистике - стал заведующим отделом популярного на ту пору журнала «Наука и религия». Был членом Совета по приключенческой и НФ-литературе Союза писателей СССР. В 1990 году читал курс лекций по фантастике в Центральном Мичиганском университете в Маунт-Плезанте (США). Как критик дебютировал в 1976 году рецензией на сборник Рэя Брэдбери. В семидесятых появился и псевдоним «Вл. Гаков» - тогда под ним скрывались три человека: Владимир Гопман, Андрей ГАврилов и Михаил КОВальчук (а созвучие для молодых и дерзких ребят напрашивалось само собой - Булгаков!). Но вскоре соавторы стали выступать под своими фамилиями, и Михаил, получив согласие товарищей, оставил псевдоним за собой. С тех пор Вл. Гаков выпустил первую и единственную в России «Энциклопедию фантастики. Кто есть кто» (1995), антологии «Фантастика Века» (1995) и «XX век. Хроника человечества» (2002), а также многочисленные статьи по проблемам НФ. Книги Вл. Гакова переводились и издавались в США, Германии, Швеции; он лауреат многих жанровых премий. Ныне Михаил Ковальчук один из самых востребованных московских журналистов: он публикует статьи по исторической или экономической проблематике в десятках журналов. Однако главной темой в его творчестве по-прежнему остается Ее Величество Фантастика. Мы сердечно поздравляем друга с юбилеем и желаем, чтобы все его даже самые фантастические мечты стали реальностью.

Редакция «Если»

personalia

**БЕКЕТТ Крис
(BECKETT, Chris)**

Английский писатель и преподаватель Крис Бекетт (родился в 1964-м) учился в университетах Оксфорда и Дорсета, но закончил три других - Бристольский (с дипломом психолога), Уэльсский и Лондонский (в обоих получил дипломы социального работника). Долгое время работал в детских лечебных заведениях, а затем переключился на преподавательскую деятельность, заняв должность профессора в Университете Англия Раскин (Кембридж). Опубликовал несколько книг и пособий для социальных работников, после чего - неожиданно для себя - начал писать научную фантастику.

В жанре К:Бекетт заявил о себе рассказом «Вопрос выживания» (1990) и с тех пор опубликовал еще около трех десятков рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборник «Тест Тьюринга» (2008), а также выпустил роман «Священная машина» (2004). Рассказ Бекетта «Человек, живущий на пособие» (1993) был номинирован на Британскую премию по научной фантастике.

КРОУЭЛЛ Бенджамин (CROWELL, Benjamin)

Американский ученый-физик, популяризатор науки и фантаст Бенджамин Кроуэлл закончил Йельский университет и аспирантуру Университета штата Калифорния в Беркли. В настоящее время преподает физику в одном из колледжей Южной Калифорнии. Он автор полутора десятков научно-популярных книг и учебных пособий по физике, математике, космологии и другим дисциплинам.

Первый НФ-рассказ Б.Кроуэлл опубликовал в 2008 году («Качество жизни») и с тех пор успел напечатать еще семь новелл и повестей.

КУПЕР Бренда (COOPER, Brenda)

Американская писательница Бренда Купер родилась в 1962 году и закончила Университет штата Калифорния в Фуллертоне с дипломом специалиста по менеджменту, информатике и системному анализу. Работала в различных компаниях (в частности, системным аналитиком в крупнейшей аэрокосмической корпорации Douglas), а также создала популярный сайт в интернете, посвященный «будущему вашей фирмы - каким бы вы хотели его видеть».

Любителям научной фантастики писательница стала известна, когда в соавторстве с Ларри Нивеном опубликовала короткую повесть «Зеркало и лед» (2001). С тех пор она выпустила с ним же дилогию «Кат и Квиксилвер» и роман «Строя Луну Арлекина» (2005), а также

пять рассказов и повестей. Кроме того, перу автора принадлежат сольная трилогия «Серебряный корабль» и более двух десятков произведений «малой» и «средней» форм.

**ПРЕСТОН Уильям
(PRESTON, William)**

Уильям Престон закончил Северо-Западный университет в Чикаго с дипломом филолога и с тех пор преподает английский язык и литературу в частной средней школе. В 2006 году он опубликовал свой первый фантастический рассказ «Вы полетите на Луну» (2006), с тех пор напечатал еще несколько произведений «малой» формы и поэтических работ.

**РЕЙНОЛДС Алистер
(REYNOLDS, Alastair)**

Английский ученый и писатель Алистер Рейнолдс родился в 1966 году в Бэрри (Южный Уэльс) и закончил Университет Ньюкасла по специальности «физика и астрономия», после чего защитил диссертацию в Университете Сент-Эндрюса (Шотландия). В 1991-м он переехал в Нидерланды, где встретил свою будущую жену-француженку и работал в Европейском центре космических исследований. С 2004 года Алистер Рейнолдс - профессиональный писатель.

Первые НФ-рассказы - «Распространяющийся сон» и «Снежинки» (1990). С тех пор выпустил девять романов, включая пентологию «Космос откровения» (один из входящих в нее романов, «Город над пропастью», в 2001 году завоевал Британскую премию научной фантастики), а также около трех десятков рассказов и повестей, которые вошли в сборники «Бриллиантовые псы, дни из яшмы» (2002), «Зима. Голубой период» и «Галактика-Север» (оба - 2006). Десять произведений Рейнолдса номинировались на Британскую премию по научной фантастике, Премию имени Артура Кларка и премию «Хьюго».

**СИНГХ Вандана
(SINGH, Vandana)**

Индийская писательница Вандана Сингх родилась в Нью-Дели, где закончила один из местных университетов с дипломом экономиста. В дальнейшем перебралась в Нидерланды, а потом - в США, где

защитила магистерскую (в Чикагском университете) и докторскую (в Университете Урбана-Шампань) диссертации в области информатики. В настоящее время преподает физику и информатику в колледже штата Массачусетс в Фреймингеме, проживая вместе с семьей в окрестностях Бостона. Пишет книги для детей и статьи, посвященные социальным проблемам ее первой родины.

Дебютом В.Сингх в фантастике стал рассказ «Комната на крыше» (2002). Впоследствии она опубликовала около полутора десятков рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборник «Женщина, воображавшая себя планетой» (2008). Рассказ «Дели» (2004) был номинирован на Британскую премию по научной фантастике.

ТЕМ Стив Рэсник (TEM, Steve Rasnic)

Американский писатель Стив Рэсник Тем родился в 1950 году в Джоунсвилле (штат Вирджиния) и закончил местные Политехнический институт и сразу два университета (второй - с дипломом педагога). После этого Тем переехал в штат Колорадо, где получил еще один диплом - писателя (creative writing, что соответствует нашим литературным курсам) и где живет сейчас вместе с женой, также писательницей, Мелани Тем и тремя детьми.

Дебют автора (творчество которого критики сравнивают с Кафкой, Буццати и Брэдбери) в фантастике состоялся в 1979 году - это был рассказ «Прятки». С тех пор Тем опубликовал три романа (два в соавторстве с женой) и более двух сотен рассказов и повестей, лучшие из которых составили шесть сборников. Рассказ Тема «Утечки» (1988) завоевал Британскую премию фэнтези, а повесть «В последние дни продаж» (2001) - Премию имени Брэма Стокера. Произведения писателя еще восемь раз номинировались на обе премии и один раз на Премию имени Филипа Дика.

УОТТС Питер (WATTS, Peter)

Канадский писатель и ученый-ихтиолог (специалист по морским млекопитающим) Питер Уоттс родился в 1958 году и выступил в научной фантастике в 1990-м рассказом «Ниша», который сразу же принес молодому автору высшую канадскую премию в научной фантастике - Aurora.

С тех пор П.Уоттс опубликовал серию романов о «покорителях вод»

(Rifters) и полтора десятка рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборник «Десять обезьян, десять минут» (2001). Роман писателя «Ложная слепота» (2006), номинированный на «Хьюго» и Мемориальную премию имени Джона Кэмпбелла, был назван жанровыми критиками (не только зарубежными, но и российскими) ярчайшим образцом современной «твердой» НФ. Повесть «Остров» в прошлом году завоевала премию «Хьюго».

Кроме научной и литературной деятельности Уоттс много работает на телевидении и сочиняет «истории» для компьютерных игр. После инцидента на границе с США в 2009 году (что там в действительности произошло, установить сложно - то ли Уоттс напал на сотрудника иммиграционной службы, то ли тот распустил руки в отношении гражданина Канады) писатель предстал перед американским судом и был приговорен к двум годам тюрьмы. Впоследствии срок заменили денежным штрафом и запретом на въезд на территорию США в будущем.

Подготовил Михаил АНДРЕЕВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Уважаемые читатели!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.

Цена действительна на номера 2011 года.

Номера будут высылааться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение	 Форма № ПД-4 ООО «Издательский дом «Любимая книга» <small>(наименование получателя платежа)</small>
	ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>
Кассир	В ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» <small>(наименование банка получателя платежа)</small>
	БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 <small>(номер кор.сч. банка получателя платежа)</small> КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>
	Сумма платежа _____ руб. 540 коп.
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.
	Итого _____ руб. _____ коп.
Квитанция	ООО «Издательский дом «Любимая книга» <small>(наименование получателя платежа)</small>
Кассир	ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>
	В ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» <small>(наименование банка получателя платежа)</small>
	БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 <small>(номер кор.сч. банка получателя платежа)</small> КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>
	Сумма платежа _____ руб. 540 коп.
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.
	Итого _____ руб. _____ коп.

Извещение

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

№ _____

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с30101810900000000767

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев

(наименование платежа)

540

00

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

№

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с30101810900000000767

БИК

№

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев

(наименование платежа)

Квитанция

540

00

Кассир

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9. ООО «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.

Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177)

e-mail: sales@lubkniga.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

Итого: 100 руб. 00 коп.

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Стивена БАКСТЕРА
«ЗЕМЛЯ-3»**

РАССКАЗЫ

**Алексея МОЛОКИНА,
Пэт МАКЬЮЭН,
Владимира ИЛЬИНА,
Джаспера СТЭНЧИЛДА,
Карла ФРЕДЕРИКА**

ОЧЕРК

Вл. ГАКОВА о Роне Хаббарде

**ЧИТАЙТЕ МАРТОВСКИЙ
ВЫПУСК «ЕСЛИ»**

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

**Наш журнал вы найдете в каталогах
«Пресса России» и «Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс 73118.**

**Стоимость подписки на 1 месяц – 87 рублей,
включая почтовые услуги.**

Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Стивена БАКСТЕРА
«ЗЕМЛЯ-3»**

РАССКАЗЫ

**Алексея МОЛОКИНА,
Пэт МАКЬЮЭН,
Владимира ИЛЬИНА,
Джаспера СТЭНЧИЛДА,
Карла ФРЕДЕРИКА**

ОЧЕРК

Вл. ГАКОВА о Роне Хаббарде

ЧИТАЙТЕ МАРТОВСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

**Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России» и
«Роспечать» (газеты, журналы).**

